

Марина Плюснина

ХРОНИКИ ВЕЛИКИХ ДОМОВ

Часть первая. Эпоха перемен.

Марина Плюснина

**Хроники Великих домов.
Часть первая. Эпоха перемен**

«Автор»

2026

Плюснина М.

Хроники Великих домов. Часть первая. Эпоха перемен /
М. Плюснина — «Автор», 2026

Амбэрала – загадочная страна союза двенадцати королевств, каждое из которых вносит свой вклад в мир и процветание старинных земель. Однако в последнее время многие правители отступили от заповеданных устоев, и былое величие превратилось в упадок, угрожая уничтожить то немногое, что удалось сохранить после множества войн, предательств и разрушений. В поисках истины молодые наследники Ерардер и Абриэль отправляются в далёкое королевство Иль-де-Нарса, где когда-то их предки спрятали самые главные сокровища двенадцати семей. Они ещё не подозревают, что их поездка безвозвратно изменит не только их судьбу, но и перевернёт жизнь нескольких будущих поколений.

© Плюснина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Начало	5
Глава 1. Абриэль	13
Глава 2. Ерардэр	36
Глава 3. Лиана	67
Глава 4. Вьенесс	100
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Марина Плюснина

Хроники Великих домов.

Часть первая. Эпоха перемен

Начало

Посвящается моему дедушке Колпакову Валерию Петровичу,
который всегда слушал все мои выдуманные истории.

Потому что я видел истину, я видел и знаю,
что люди могут быть прекрасны и счастливы, не
потеряв способности жить на земле.
Я не хочу и не могу верить, чтобы зло
было нормальным состоянием людей.

Ф.М. Достоевский «Сон смешного человека»

Как и всякий конфликт, как и всякая гнойная рана, опасность назревала постепенно, пуская корни в незаметных, едва ощутимых мелочах. Однако ход истории не терпит пренебрежений, и порой эти незначительные детали определяли главные повороты судьбы и будущее миллионов жителей этого мира.

В ту ночь бушевала гроза. Порывы ветра отчаянно завывали, стремясь ввести в безумие всю округу, а затем в бессилии разбивались о каменные стены тёмного от дождя замка, замершего на вершине огромной скалы. Словно порождение ночи, могучий гигант стоял на самом краю утёса, низину которого безжалостно разрывали тёмные волны океана. Вся природа этого места была необузданной и дикой, но безумно прекрасной в своём первозданном великолепии.

В ту ночь замок не ведал покоя, роковой удар прогремел, и теперь сама судьба трепетала в страхе, не зная, что принесёт ей следующий рассвет. Молнии пронзали небо, стремясь хоть мельком увидеть происходящее там, во тьме земли, но, так и не узнав ничего, исчезали в тёмных объятиях моря.

В это время, сквозь бушующую стихию, прорывая неутомимые ветра и потоки ливня, к замку приближался всадник. Белый конь хрипел, снова и снова утопая в потоках грязи и воды. Всадник, в когда-то белом, а теперь уже сером от непогоды плаще, уверенно правил к замку, не обращая внимания на окружающее безумие. Глаза зажмуривались от порывов воды и ветра, а продрогшее тело едва слушалось, но у него не было времени, чтобы переждать бурю, поэтому снова и снова он поднимался вверх по размытой дороге, ведущей к воротам замка.

Наконец, преодолев последнее препятствие, конь приблизился к тяжёлым воротам, ведущим в замок. Дрожащими руками белый всадник взял за молоток и ударил несколько раз. Словно в ответ ему, над замком гроыхнуло, и гость мысленно обругал медленных привратников, уснувших в самый неподходящий момент. Наконец, сквозь щели блеснуло пламя фонаря, и небольшое окошко в одной из створок распахнулось, явив сморщенное лицо старого хранителя

- Кто здесь? – голос его казался таким же скрипучим, как несмазанные старые ворота замка, что только дополняло мрачную атмосферу этого места.

- Абриэль Араэль Мюриэле, – пытаюсь перекричать бурю, ответил всадник, – мне необходимо видеть Сумона Ерардэра!

Окошко со скрипом закрылось, послышался звук открываемой щеколды, и одна из створок ворот распахнулась, давая уставшему всаднику долгожданное убежище от ливня и ветра.

Едва въехав во двор, Абриэль соскочил с коня, передав поводья одному из хранителей замка, и быстрым шагом направился к главному входу цитадели. Тяжёлая дверь скрипнула, пронзив безмолвие зелёного зала – главного холла замка. Мертвенная тишина открывшегося помещения паникой хлынула в мысли всадника... Что же могло произойти, неужели он опоздал?!

Очнувшись от временного оцепенения, гость, наконец-то, стянул с плеч сырой серый плащ и отбросил его на ближайшую вешалку, явив древним стенам белый родовой камзол с голубыми вставками. Высокий ворот закрывал практически всю шею и поднимался вплоть до острого подбородка. Светлые, почти белоснежные волосы были разбросаны по плечам, а серые глаза с беспокойством оглядывали помещение. Сам гость был довольно высокого роста, немного худой, с прямыми чертами лица.

Наконец, на одной из лестниц послышались шаги, и навстречу всаднику спустился юноша в чёрном камзоле нараспашку, с взъерошенными русыми волосами и глубокими печальными глазами. Весь его вид говорил о дёрганой усталости, словно долгое время ему не удавалось ни присесть, ни прийти в себя хоть на мгновение. Он едва ли осознавал, что происходит вокруг него, не говоря уже о том, чтобы здраво оценить сложившуюся ситуацию.

Абриэль был наслышан об этом человеке, хотя лично ему он представлен не был. Троюродный брат нового хозяина замка – молодой Керлиндер, наследник фамилий Сервеншир и Нунарде и особо ничем не примечательный юноша.

- Приветствую вас, Милрен Абриэль, – довольно дружелюбно обратился он к гостю, немного смутившись, – жаль, что приходится встречать вас при таких обстоятельствах, – с каждым сказанным словом, житель замка беспокойно оглядывал зал, словно надеясь найти что-то, чего здесь быть просто не могло, и от этого становился ещё более хмурым.

- Мне необходимо увидеть Ерардэра, – поспешно отозвался пришедший, – он сейчас в замке?

Юноша задумчиво опустил голову, словно уставившись в темноту.

- Ерардэр в кабинете главы дома. Он никого не желает видеть и требует оставить его одного, – Керлиндер судорожно вздохнул и продолжил, глядя на Абриэля усталым, но всё ещё хранящем в себе надежду, взглядом, какой бывает только у детей, умеющих верить даже в самые тёмные и непростые времена. – Я не могу вмешаться, пока он, наконец, не придёт в себя, – продолжил юноша, – поэтому я сейчас здесь, но я думаю, – он снова ненадолго умолк, – думаю, что вы можете подняться к нему, быть может вас он сможет услышать.

И именно тогда у молодого Мюриэле впервые возникла мысль о том, что этот человек просто не может врать.

- Спасибо вам, Сумон Керлиндер, – тепло поблагодарил Абриэль и, кивнув ему ещё раз, бросился вверх по лестнице.

Этот кабинет он знал хорошо, несколько раз они с Ерардэром пробирались туда в надежде стащить что-нибудь важное в то недолгое время, когда он гостил в этих местах. Поворот направо, вниз по коридору... Этот путь он проделывал множество раз, но именно сегодня ноги едва слушались, а сердце сжималось от страха перед неизвестным. Ещё один поворот... Что будет ждать его в том кабинете: последняя надежда или ещё один конец? Он не знал, но и не мог повернуть назад. Быстрыми шагами Мюриэле приблизился к последней преграде: массивной двери, украшенной коваными узорами древних символов – двери в кабинет бывшего главы этого дома – Ристофера Бардонера Морзано.

Абриэль глубоко вздохнул и, собрав всю свою решимость, медленно толкнул дверь. Помещение утопало в полумраке, лишь несколько свечей освещали предметы интерьера, придавая им таинственный оттенок живого огня. Книжные полки были подобны каменным усту-

пам, готовым обвалиться на незадачливого путника, настенные картины в отблесках пламени казались живыми, укоризненно смотрящими на человека, восседающего в центре комнаты. Молодой человек, чуть старше двадцати лет, сидел у стола спиной к двери, откинувшись в резном кресле, оббитом синим бархатом. Широкая крепкая фигура в игре свечей казалась ещё массивнее, а вьющиеся волосы до плеч отливали медью. Он не шевельнулся, не сделал ничего, словно не заметил присутствия гостя.

Абриэль ещё раз вздохнул, твёрдым уверенным шагом обошёл стол и сел во второе кресло прямо напротив нового хозяина кабинета.

С этой стороны младший Морзано выглядел ещё более пугающим: осунувшееся мертвенно-белое лицо и тёмные синяки под болотно-зелёными, абсолютно пустыми глазами. Если бы самому Абриэлю когда-нибудь показали этот взгляд, он ни за что не поверил бы в то, что перед ним живой человек. Ни у кого никогда ему не приходилось видеть таких пустых глаз.

- Ерардэр, – твёрдо, но осторожно обратился он к сидящему, наблюдая за малейшими изменениями на лице друга. Густые брови чуть дёрнулись и разгладились, жестокая ухмылка незаметно ушла, а глаза, наконец-то, наполнились осмыслением, но каким-то безумным и неестественным, словно в одном котле смешались боль, обида, отчаяние, надежда и ещё тысяча эмоций, рождающихся и сгорающих в этих глазах.

Морзано медленно перевёл взгляд на пришедшего, и на лице его мгновенно проступило облегчение, вернулась какая-то незримая глубина и твёрдость, словно за эти доли секунд выстроилась новая личность, основы которой прочно стояли в зелёных глазах.

- Абриэль, – голос его был хриплым от долгого молчания и внутреннего крика, иссушенный ветрами старого замка, – что ты здесь делаешь?

- Я получил известие ещё в Амбэрал-Юранде, – спокойно ответил гость, не спуская пронизывающего взгляда с собеседника, – и примчался при первой же возможности.

- Зачем? – жестоко усмехнулся Ерардэр, отводя взгляд в безумном жесте, словно отчаявшийся, готовый в тот же миг свести свои счёты с жизнью.

- Потому что знал, что нужен здесь, – спокойно ответил Мюриэле, и на мгновение взгляд его сделался холодным.

Ерардэр ещё раз посмотрел на друга, но теперь в этом взгляде не было ни пренебрежения, ни издёвки, а теплота, с которой мы часто смотрим на детей, рьяно отстаивающих справедливость этого мира. Он поднялся и отошёл к окну, отвернувшись от собеседника. Взгляд его жадно цеплялся за безумие, творившееся снаружи. Казалось, что буря была единственной, кто полностью понимал, что творилось у него на душе.

- Ты ничего не сможешь сделать, – медленно начал Морзано, – никто не ожидал, что простая охота выльется для старого повесы в перелом позвоночника и мгновенную смерть, – Ерардэр замолчал, после чего горько усмехнулся. – Не ожидал, что его любимая Арфден боится молний настолько, что сбросит его из седла прямо у каменистого оврага. Он и подумать не мог об этом, даже представить, что его недоумок сын в двадцать три года возглавит Великий Дом Морзано! – презрительно рассмеялся хозяин дома, и взгляд его стал непривычно жестоким, полным боли и горечи. И без того хриплый голос сорвался, хотя манера речи по-прежнему оставалась наигранно спокойной. – Да он бы рассмеялся мне в лицо, посмей я даже предположить такое, – Ерардэр резко развернулся к пришедшему, глаза его пылали гневом. – Он не хотел видеть меня главой этого дома! Он миллион раз говорил, что лучше заведёт себе байстрюка и возведёт его на трон вопреки всем законам, чем допустит туда меня, жалкое отродье, воспитанное Гретелией!

Незаметно для самого Морзано, глаза его наполнились слезами, но ни одна капля не пролилась по его щекам.

- Я ненавижу его, Абриэль, ненавижу столько, сколько себя помню, а теперь, – он вздохнул, – теперь не могу простить себе этого.

Абриэль молча смотрел на друга, не в силах сказать ни слова. Он знал эту историю слишком хорошо. Мать Ерардэра умерла очень рано, едва ли младший Морзано помнил, как она выглядит. Ристофер, обезумевший от отчаяния и горя, не желал видеть сына, поэтому тот долгое время рос у своей бабушки, Гретелии Роано Морзано-Сервеншир, негласной главы семьи. Возмужав, он наконец-то был приставлен ко двору, но, вместо тёплого приёма, встретил бесконечные упрёки и недовольство со стороны отца. Он был лучшим: лучшим в философии, лучшим в науках, лучшим в силе, но не был таким, каким хотел его видеть Ристофер, слишком не таким. Старая Гретелия не раз говорила, что в Ерардэре проснулось истинное наследие их дома, и Ристофер не может сдержать зависти, поскольку это величие досталось не ему, а его сыну. Семь лет наследник Морзано вынужден был участвовать в походах, посещать тысячи мероприятий, лишь бы сбежать из родного замка, лишь бы не видеть своего отца... И теперь он здесь, полноправный хозяин замка и дома. Страшная мечта исполнилась, и сердце никак не могло отделаться от ощущения, что это он виновен в смерти Ристофера, и именно его желания послужили причиной этого несчастья. Абриэль знал, что его друг испытывал все эти чувства, они разрывали его изнутри, заставляя ощущать отчаяние от собственной жизни.

Но это было не всё, и Абриэль был одним из немногих, кто знал, что весь дом Морзано с нетерпением ждал, когда Ерардэр взойдёт на трон. Правление безвольного отступника накладывало неприятный след на весь дом и на его наследие. Обиженный мальчик с непростой судьбой мог кардинально изменить путь этой семьи, а мог повторить ошибки своих предшественников, вгоняя дом всё дальше в небытие.

- Ерардэр Ристофер Морзано, – громко проговорил Абриэль и, подойдя к своему другу, схватил его за плечи и встряхнул изо всех сил. – Ты действующий глава дома Морзано! Ты – это сила и могущество северного воинского дома, и только от тебя зависит, вернёт ли эта семья своё честное имя или продолжит попираť Великие законы. Неважно кто и что говорит, ты – сын этого дома, а значит, имеешь законное право на его наследие! Тебе нельзя оглядываться, для тебя больше нет прошлого, иначе ты лишишь свой дом будущего. Приди же, наконец, в себя и прими меч так, как должен! – практически прокричал Абриэль, выпустив из пальцев чёрно-серебристую ткань сюртука.

Ерардэр вновь рухнул в кресло, выдохнул и взъерошил рукой тёмно-русые волосы, даже не задумываясь о том, что после хватки Мюриэля его одежду стоило бы привести в порядок.

- Но вдруг я буду такой же... – с сомнением отозвался он.

- Этого не случится, если ты сам не выберешь этот путь, – уверенно улыбнувшись, ответил Абриэль, – не будь ты достоин, семейная магия не билась бы за тебя до самого конца.

Ерардэр рассеянно кивнул и посмотрел на стену, туда, где висел чёрно-серебристый герб Великого Дома Морзано, северного воинского дома, и в тот момент последние сомнения ушли из его головы. Что-то внутри всё ещё трепетало, грозя снова обрушиться в истерику, но появилась нить, твёрдая нерушимая нить, которая постепенно вытаскивала его из этой бездны. Он знал, что нужно делать, и не мог медлить, ведь в любую минуту оборона может быть прорвана, и тогда все надежды его близких окажутся несбыточными.

- Подожди здесь, – бросил он Абриэлю и быстрым шагом прошёл мимо, на что Мюриэле только улыбнулся, понимая, что теперь всё будет хорошо...

Пустые залы замка огласил звук быстрых шагов, то и дело переходящих в бег. У него не было времени, это нужно было сделать сейчас, сейчас или никогда, и он знал того единственного, кто может помочь ему в этом деле.

- Керлиндер! – крикнул Ерардэр в пустоту, и в ответ на его зов, ошарашенный юноша вынырнул из-за поворота и резко остановился, с подозрением смотря на своего брата. Ещё несколько минут назад новый глава дома не хотел никого видеть, а теперь искал его по всему замку с таким видом, словно боялся пропустить что-то очень важное.

Подойдя ближе, Ерардэр заговорил, но, несмотря на торопливый тон и сбитое дыхание, казалось, что каждое его слово висит в воздухе. Он смотрел прямо в глаза, не отрывая взгляда, и Керлиндер, оцепеневший от неожиданности, только спустя несколько секунд понял, что от него хотят.

- Ты нужен мне в нижнем зале Дома, – говорил старший Морзано, – я желаю принять меч и хочу, чтобы ты был моим наместником.

Керлиндер вздрогнул от услышанного. То, что предлагал ему Ерардэр, делало его законным главой семьи в отсутствие истинного Короля. Обычно в подобных ситуациях наместниками становились братья, сёстры, а иногда мужья и жёны юных Королей – все те, кому глава дома мог безоговорочно доверять: доверять свой дом, свою кровь и свой меч. Сам клинок принимал прикосновения и Короля, и наместника, чтобы в случае катастрофы, второй смог подхватить выпавший меч. Конечно, при появлении наследника, клинок дома переходил ему, но наместник был обязан вырастить из него истинного главу дома и обеспечить безопасность ему и его близким. И Ерардэр предлагал это ему?! Керлиндеру, сыну третьего круга дома, слишком чувствительному и открытому, чтобы принимать участие в запутанных делах северного воинского дома, слишком честному и наивному, чтобы быть при дворе Амбэрал-Юранде, именно ему...

- Но... но почему? – изумлённо пробормотал Керлиндер. Он был восхищён честью, оказанной ему, но слишком переживал, что не сможет справиться с возложенной на него миссией и подведёт своего брата, но в глазах Ерардэра не было ни капли сомнений.

- Ты единственный, кроме Абриэля, сейчас здесь со мной в этом замке. Ты единственный всегда поддерживал меня и никогда не пытался вылепить из меня то, чем я не являюсь. Ты один из немногих знаешь, какой я на самом деле, и ты единственный, кому я могу доверить всё это.

Керлиндер улыбнулся, он понял, что хотел сказать ему брат. Им обоим пора было перестать цепляться за призраки прошлого и то, какими привыкли видеть их жители Амбэралы, а сосредоточиться на том, что они могут создать рука об руку как истинные Морзано, Великие воины и Короли северного воинского дома.

- Тогда, Милрен Ерардэр, – Керлиндер подтянулся и принял сугубо официальную позу, хотя в глазах его всё ещё плескались смешинки, – я думаю, вам следует пройти в нижний зал цитадели дома Морзано.

- Только с вами, Сумон Керлиндер, – шутливо поклонился его брат, и они вместе двинулись вниз по коридору.

Замок словно замер: ни шорохи, ни звуки не нарушали тишину, накрывшую его после бури. В кабинете Абриэль молча смотрел в окно, понимая, что станет свидетелем того, что не видели уже три поколения его семьи: передачу меча дома Морзано новому правителю, истинному Королю.

Медленными шагами братья спускались по каменным ступенькам. Первым шёл Ерардэр, одетый в развивающиеся чёрно-серебристые одежды – парадное облачение дома Морзано, а следом, отставая на пару шагов, спускался Керлиндер в чёрном одеянии похожего кроя, расшитом серебристыми узорами. Уже три поколения эти наряды пылились в подвалах замка, поскольку ни один из прошлых Королей не оказался достоин меча и истинной короны семьи.

У последней ступеньки Ерардэр остановился, не в силах сделать ещё один шаг. Неожиданная паника накрыла его с головой: вдруг он окажется не тем, кто должен идти по этому пути, вдруг меч и его откажется принять как своего хранителя?

Керлиндер, без труда оценив беспокойство брата, лишь улыбнулся и проговорил:

- Сейчас лишь ты, Ерардэр, можешь претендовать на этот меч, и лишь от тебя зависит, будешь ли ты его достоин. Ты здесь по зову крови, силы и сердца. Ты можешь проигнорировать этот зов, но тогда ты навсегда потеряешь свой дом и покой. Ты можешь пойти туда, нет, мы

пойдём туда вместе, и пусть я не знаю того, что ждёт нас, мы можем хотя бы попытаться вернуть прежнее имя и силу своему дому.

- Да, дому, – кивнул Ерардэр и, глубоко вздохнув, ступил на каменный пол.

Подтвердив своё право сердца и крови они с лёгкостью вошли в храм, двигаясь по широким коридорам к старинному залу, повидавшему на своём веку всех Королей Великого Дома Морзано.

В ту секунду, как нога Ерардэра переступила порог, всё помещение вспыхнуло огнём. Множество старинных символов, начерченных на каменных стенах, разом загорелись синевато-белыми огнями, осветив вошедшим круглое помещение, в центре которого на небольшом возвышении стоял ритуальный кинжал, уходивший лезвием в центр рисунка, расстилающегося на полу.

Медленно, словно боясь обжечься, Ерардэр сделал ещё один шаг, и каменные плиты вспыхнули серебряным пламенем, освещая испуганное лицо молодого Короля, не понимающего, что ему делать дальше и как реагировать на подобное светопредставление. Керлиндер, выждав несколько секунд, последовал за ним, и когда его ноги коснулись пола, пламя дёрнулось и распалось, обретая форму множества парящих знаков, древних хранителей дома Морзано. Громкий, ледяной голос разнёсся по залу, но ни Ерардэр, ни Керлиндер не были уверены, что не слышат его в своей голове:

- Кто посмел потревожить храм Великого Дома Морзано?!

Ерардэр судорожно выдохнул, стараясь унять внутреннюю дрожь, и громко ответил:

- Ерардэр Ристофер Морзано, наследник дома Морзано, наследник северного воинского дома, нынешний глава по праву сердца и крови.

- Зачем ты здесь? – снова спросил голос.

- Чтобы выполнить долг перед своей семьёй, чтобы занять своё место на троне северного дома.

- Кто поручится за твои слова?

- Мой брат по крови в третьем колене, мой брат по духу, наместник моего трона и судьбы, Керлиндер Мириер Морзано.

Керлиндер невольно вздрогнул, оглядывая помещение, сплошь кишашее старинными символами, норовящими обжечь полы его плаща.

- Наместник! – голос обратился к нему. – Готов ли ты поручиться за этого человека, поручиться, что он достоин нести честь и бремя своего долга?

И юный Морзано, поражаясь собственной смелости и наглости, уверенно выпрямился и громким, непривычным для него голосом заговорил:

- Я, Керлиндер Мириер Морзано, ручаюсь за своего брата третьего круга, Ерардэра Ристофера Морзано, в том, что он достоин занять трон дома Морзано, в том, что он достоин стать хранителем традиций нашего рода, в том, что он единственный, кто способен вернуть этому дому честь и величие. Я клянусь быть опорой своему брату на том пути, который он изберёт, клянусь чтить и беречь традиции дома, клянусь защищать наследников и супругу Короля, клянусь в случае падения меча исполнить свой долг как наместник и подготовить нового правителя. Клянусь именем дома! Клянусь своим именем!

Керлиндер выдохнул, не заметив, как закончилась его клятва, каждое слово которой будто вырывалось из его тела, давая почувствовать свою весомость и необратимость. Это не игра, – понимал он, – здесь даются клятвы, исполнение которых не подлежит сомнению, но его, как ни странно, это не пугало. Впервые в жизни он уверенно шёл вперёд, глядя прямо в глаза своей судьбе.

- Твоя клятва услышана, наместник, – вновь проговорил голос, – молодой Король, я жду твой ответ, подтверждённый сиянием печати.

Ерардэр замер и испуганно покосился на кинжал в центре зала. Ему предстояло обогреть кинжал собственной кровью, дабы подтвердить право крови, а затем произнести клятву, позволяя проверить право сердца. В поисках поддержки он обернулся к Керлиндеру, в ответ тот уверенно улыбнулся и кивнул.

Медленно, чувствуя каждый шаг, Ерардэр двинулся к центру печати. Парящие вокруг символы закружились с ещё большей силой, словно не пуская молодого человека к его цели, но он шёл, и сердце его в эти минуты наполнялось истинным восторгом от всего происходящего. Он ощущал могущество силы, которым было окутано всё святилище, и эта сила его дома, его семьи, часть его самого. От таких мыслей улыбка невольно осветила лицо будущего Короля.

Наконец, оказавшись в центре печати, Ерардэр обернулся к брату и, ещё раз кивнув ему, опустился на одно колено. Пальцы сомкнулись на старой потёртой рукояти кинжала, одно движение, и ритуальное оружие покинуло пол, сверкая в руках молодого Короля. С виду это был довольно старый непримечательный клинок, но знающий человек мог ощутить несокрушимую мощь, исходящую от этого предмета. Он впитал в себя кровь всех глав дома Морзано, он впитал в себя все события, происходившие в этом замке. Он знал всё, и именно он мог определить нового наследника и передать эти знания родовому мечу. Кинжал дома – Великая Мать амбэральского рода, знающая всё о своих дорогих детях.

Резкое движение, и по блестящему лезвию стекают горячие капли крови, в свете пламени, казавшиеся жидким серебром. Ерардэр спрятал порезанную руку, а другой, перехватив кинжал, резко воткнул его обратно в печать.

В ту же секунду всё окружающее его пламя замерло, символы остановились, сформировав ровные ряды вдоль стен. Казалось, что на какое-то мгновение весь мир замер: ни шороха, ни звука. Тишина была осязаемой и создавала ощущение духоты, плотного пространства, вакуума. Керлиндер боялся вздохнуть, чтобы не нарушить это мгновение, мгновение, которое навсегда определит их дальнейшую судьбу.

Ерардэр судорожно выдохнул и начал говорить.

-Я, Ерардэр Ристофер Морзано, наследник дома Морзано, будущий глава дома по праву сердца и крови пришёл сюда взывая к силе дома, чтобы принять меч и наследие своей семьи. Я обязуюсь хранить и соблюдать Великие законы, хранить семейную силу и величие своего дома, беречь мир в Амбэрале и защищать единение Великих Домов, растить наследников в традиции Великого Дома, клянусь... – тут его голос сорвался, он резко выдохнул и, подняв глаза к потолку, отчаянно закричал. – Я не знаю, каково быть главой этого дома, я не знаю того, что ждёт от меня семейная сила и члены моей семьи, я не знаю, что должен делать, но я постараюсь сделать всё, чтобы возродить и сохранить законы, традиции и устои своего дома! Я клянусь, что сделаю всё! Клянусь!!! – провозгласил он, и символы снова закружились с удвоенной силой. Пламя вспыхнуло, осветив лицо Ерардэра и его взгляд, сильный глубокий, полный уверенности и осознания того, что он делает. Пламя осветило печать, и каменный пол дрогнул. Цветок под Матерью-кинжалом стал подниматься, вынуждая Ерардэра встать с колен, пока перед ними не предстал алтарь в виде бутона серебряной розы, на вершине которого находился кинжал, а в центре лежал самый прекрасный из видимых им клинков. Длинный острый меч, закованный в резные ножны, более полувека ждал своего часа, и теперь его время пришло.

Медленно, всё ещё не веря своим глазам, Ерардэр поднял меч с алтаря и вытащил клинок из ножен. Лезвие переливалось серебристо-синим светом, несмотря на стекающие по нему мелкие капельки крови. А символы, скользящие по его поверхности, словно отвечали тем, что уже кружили по залу. Алтарь медленно пополз вниз, всё было решено, Король выбран...

- Я клянусь, – проговорил Ерардэр, и голос его едва ощутимо изменился, явив, незамеченные ранее, каменную твёрдость и силу, – беречь этот меч и использовать его для защиты своей семьи, дома, королевства, Амбэралы. Это моё слово!

Он медленно развернулся к брату.

- Подойди ко мне, наместник!

Стоявший чуть в стороне Керлиндер вздрогнул от неожиданности, но, тем не менее, медленно двинулся к Королю, встав перед ним на расстоянии вытянутой руки.

- Прими мой меч, как и моё полное доверие к тебе, – громко произнёс Ерардэр, глядя в глаза своему брату.

Керлиндер медленно взял клинок за рукоять. Как только пальцы коснулись сияющего меча, тот снова вспыхнул, оповещая о преображении силы держащего его человека. Юноша медленно полоснул лезвием по свободной ладони, кровь обрызгала клинок, на что тот ответил ещё большим сиянием – принятием кандидатуры.

- Я возвращаю вам ваш меч, – ответил Керлиндер, протягивая брату клинок, – вместе с моей преданностью и доверием.

Ерардэр улыбнулся и медленно кивнул, принимая клинок.

- Я Ерардэр Ристофер Морзано объявляю себя главой дома Морзано, а Керлиндера Мириера Морзано своим наместником.

- Да будет так, – ответил голос в его сознании, и пламя вспыхнуло вновь, заполнив собой всё пространство зала. Они не могли увидеть ничего даже на расстоянии ладони, только серебристое пламя, обнимающее своими тёплыми языками две фигуры, словно состоящие из живого света, наполняя их души спокойствием и уверенностью. Они не одни, с ними всегда будет сила их дома, сила их семьи. Они – часть огромного мира, он с ними, и им нечего больше бояться, ведь они нашли себя...

Ещё один круг, и символы скрылись в рисунках на стенах зала, забрав с собой серебряное пламя. Мир погрузился в молчание.

- Мы сделали это, Ерардэр, – улыбнулся Керлиндер, на что его брат радостно кивнул, а затем, по-детски подпрыгнув, крепко обнял новоявленного наместника.

- Да, у нас получилось! – кричал он. – Мы справились! – после чего замер и удивлённо воскликнул. – Я чувствую замок, ... не может быть, я правда его чувствую, ... и... Абриэль! Вечность, я же оставил его в кабинете.

- Думаю вам стоит подняться к нему, – серьёзно проговорил Керлиндер. – Ведь он ещё никогда не видел истинного Короля дома Морзано, – и рассмеялся лёгким и громким смехом.

Прошло полтора часа, прежде чем двери кабинета отворились, и Абриэль увидел высокую фигуру, замершую в них. Полы чёрного плаща развевались ветром, пробиравшимся через окна, серебряный мундир сверкал в свете луны. Лицо его друга выражало спокойствие и силу, словно сама Вечность предстала сейчас перед ним.

- Абриэль Мюриэле, – начал пришедший грозным громовым голосом, – позвольте вам представиться, – и он шагнул вперёд, подставляя лицо под свет горящих свечей. – Ерардэр Ристофер Морзано, глава Великого Дома Морзано.

Абриэль на мгновение замер, не зная, как реагировать на подобное представление, но, увидев смешинки в глазах друга, весело рассмеялся. Всё получилось, всё хорошо, теперь всё будет хорошо...

Глава 1. Абриэль

Уже забрезжил рассвет, когда конь Абриэля приблизился к стенам замка семьи Мюриэле. Светло-серая крепость, играя блика ми рассветного солнца, находилась в торжественном молчании, и лишь утреннее пение птиц рассеивало её сон.

Светлый дом Мюриэле выбрал своей резиденцией холм, со всех сторон окружённый густыми лиственными лесами. Абриэль вырос здесь, среди высоких дубов, гоняясь за ветром вместе со своим братом и сестрой. Ещё подъезжая к дому, он ощутил, как всё его существо наполняется добрыми светлыми воспоминаниями, которыми был пропитан каждый уголок этой долины. Вот каменная пещера, где они с Мирэль, тайно убежав из дома, прятались от дождя, вот древние скалы, куда королевская чета Мюриэле любила выводить своих детей для тренировки и обучения, вот обрыв, откуда в порыве ссоры Анаэль чуть было не скинул Абриэля, после чего оба получили страшный нагоняй. Да, все эти места радовали глаз, но сейчас ум путника был заполнен отнюдь не радостными мыслями. Он нёс весть, которая вряд ли понравится его отцу. Но он принял своё решение и готов был отстаивать его до самого конца.

Въехав в ворота и отдав смотрителям своего коня, Абриэль вошёл в замок. Убранство цитадели дома Мюриэле значительно отличалось от замка Морзано, из которого он вернулся. Внутренние помещения утопали в светлых тонах, отдавая предпочтение чистому слепяще-белому оттенку, разбавленному голубыми и бежевыми элементами. Несмотря на звание крепости и принадлежность его жителей к западному воинскому дому, изнутри замок казался воздушным облаком, наполненным лёгким изяществом и красотой в каждой мелочи и каждой его части.

Медленно продвигаясь по жемчужным коридорам, в рассветных лучах приобретающих розоватые и оранжевые оттенки, Абриэль шёл в свои покои, решив переодеться после долгой дороги и подготовиться к разговору с действующим Королём своего дома, Араэлем Литаелем Мюриэле.

Пройдя ещё пару коридоров, он, наконец-то, приблизился к резной двери из светлого дерева и уверенным движением распахнул её.

Комната встретила молодого наследника тишиной, спрятавшейся в каждом уголке его спальни. В отличие от прочих помещений дома, она утопала в тёмно-синей сапфировой отделке, что делало её более тёмной и мрачной, но Абриэля всё вполне устраивало. Он не собирался жить в чём-то подобном воздушной парадной гостиной или голубой спальне принцессы Мирэль.

Закрыв за собой дверь, Абриэль наконец-то стянул сапоги и сел на кровать, опустив голову на руки. В душе его царил беспокойство: а что, если его отец будет против, что если это не устроит дом Брюнье?! Что скажет Ноэллия? Что скажет Викториан?! Готовы ли будут они ждать ещё несколько месяцев? На это у него не было ответов, и Мюриэле боялся предположить то, какими они могли бы быть.

Казалось, что пока он сидел, погружённый в собственные мысли, прошла целая вечность. Задумчивый Абриэль успел слиться с тишиной, наполняющей комнату, когда тяжёлая дверь резко распахнулась, и внутрь влетело лёгкое, светлое и безумно нежное существо. Оно подскочило к юноше, сидящему на кровати и крепко обняло его.

– Арль! – звонкий голос прокричал ему прямо в ухо. – Наконец-то ты вернулся! Ты же обещал приехать ещё вчера!

Абриэль, вздрогнувший от такой неожиданной атаки, тепло улыбнулся и крепко обнял свою младшую сестру.

- Мир, прости, мне пришлось задержаться, и я не мог отправить послание, – ласково оправдывался он, отстраняя её от себя и заглядывая в серебристо-серые, как и у него самого, глаза.

Мирэль была красивой восемнадцатилетней девушкой, жемчужиной дома Мюриэле и любимой дочерью своего отца. Её длинные светлые волосы волнами закрывали плечи и спину, а нежные, почти детские, черты лица и пронзительные сияющие глаза, на фоне бледно-розовой кожи, невольно вызвали чувство умиления и восхищения. Она была маленьким ангелом, оберегаемым всей семьёй, и даже Анаэль всеми силами старался не огорчать свою младшую сестру.

- Абриэль, – звонкий голос снова вывел его из размышлений. – Где же ты был всё это время?

Тот улыбнулся и посадил свою сестру рядом, приобняв за плечи.

- Мне пришлось заехать в резиденцию Дома Морзано, – проговорил он, не отрывая взгляд. – Ерардэр принял меч и теперь их дом снова обрёл истинного Короля.

- Но какое отношение это имеет к тебе? – возмущённо вспыхнула Мирэль, резким движением отбросив с лица светлые пряди. – Неужели он взял тебя наместником?

- Нет, – улыбнулся Абриэль, – наместником стал Керлиндер – его троюродный брат, и это, наверное, наиболее подходящая кандидатура из всех оставшихся Морзано.

Абриэль сиял, рассказывая об этом, словно это было его собственное посвящение, но юная Мирэль отнюдь не разделяла этого чувства.

- Я не понимаю, причём здесь ты и зачем тебе надо было ехать в этот замок, – жёстко проговорила она, отводя взгляд.

- Он мой друг, Мир, мой единственный друг, – непонимающе ответил Абриэль, глядя в глаза Мирэль, – я был нужен ему!

Глаза принцессы наполнились негодованием.

- Нужен? Нужен больше чем собственной сестре?! – резко выдала она, вырвавшись из его объятий и отойдя к противоположной стене.

Взгляд Абриэля наполнился недоумением. Он искренне не понимал, что происходит и почему его любимая Мирэль так себя ведёт. Её очень трудно было разозлить, да и редко кто решался на подобный шаг. В мире бывают такие люди, которым просто невозможно причинить боль. Даже если ты очень захочешь, то несомненно остановишься, поскольку просто не сможешь заставить себя превратить сияющую жемчужину в неприметную серость этого мира.

- Я выхожу замуж, – медленно и тихо проговорила Мирэль, всё ещё стоя спиной к нему. – Отец намерен выдать меня за границу, за одного из местных дворян, учившихся в наших краях. Естественно, помолвка пройдёт через дом Фьене, так что я буду относительно счастлива, – она горько усмехнулась, стараясь сдержать рвущееся отчаяние. – Когда я просила его подождать или позволить мне с мужем остаться в Амбэрале, он был категорически против, сказав, – голос девушки сорвался из-за непрошенных слёз, – сказав, что не позволит мне сгинуть в этом безумии, в которое превращается Амбэрала, – последние слова вырвались с рыданием. Абриэль быстро вскочил и усадил сестрёнку на кровать, обнимая и по-детски утирая ей слёзы, сидя перед ней на коленях, как тогда, много лет назад, когда Мирэль в очередной раз умудрилась посадить очередную ссадину и отказывалась идти домой, чтобы залечить её.

- Прости, Мир, я не знал, – прошептал он, – я даже не предполагал, что отец собирается выдать тебя замуж. Прости меня!

- Он хочет, чтобы я покинула Амбэралу, – тихим голосом проговорила она, – неважно с помощью замужества или нет, он не позволит мне остаться здесь.

- Но почему? – искренне не понимал Абриэль.

- Я не знаю, – всхлипнула принцесса, вытирая покрасневшие глаза, – даже дом Фьене подтвердил, что моя судьба находится за пределами Амбэралы.

Абриэль промолчал, не зная, что сказать. Мысли разбегались, не в силах собраться в стройную идею. Он не способен был ответить на простой вопрос «зачем?». Их отец всегда прислушивался к решению собственных детей, почему же сейчас он полностью игнорировал желание Мирэль и её просьбы позволить ей остаться в Амбэрале?

- А Аэль? – осторожно спросил Абриэль.

- Аэль сказал, что это мой долг как принцессы Мюриэле, и я обязана выполнить волю отца, – бросила девушка, недовольно скрестив руки на груди.

- Да, Аэль всегда на стороне старших, – фыркнул Абриэль. – Так всё, хватит разводить сырость! – бросил он, поднимаясь и заставляя Мирэль встать следом за ним. – Я собирался поговорить с отцом по другому вопросу, но думаю, что это важнее. Так что я сейчас же иду к нему и постараюсь всё исправить, ты веришь мне? – улыбнулся он.

Мирэль кивнула, по-детски всхлипнув, крепко обняла своего брата, поцеловав его в щёку, и, вспорхнув к двери, неожиданно замерла на пороге.

- А о чём ты хотел поговорить с отцом? – обернулась она, внимательно разглядывая Абриэля, отчего тот немного замялся, глубоко вздохнул и медленно проговорил:

- Я собираюсь посетить Кер-носе-Мане вместе с Ерардэром.

- Кер-носе-Мане! – удивлённо воскликнула Мирэль, округлив глаза. – А как же твоя помолвка? Как же Ноэллия? Ведь путешествие в дальние земли будет длиться не меньше месяца! Да и это же Иль-де-Нарса, туда уже слишком давно никто не ездит! На Ерардэра мне плевать, но стоит ли тебе соваться в эту авантюру? – предостерегающе закончила она, подняв подбородок.

Старший Мюриэле опустил голову, невольно вспоминая разговор с Ерардэром в замке Морзано:

- Ну, теперь ты уже Король, – улыбнулся Абриэль вошедшему другу, только что получившему посвящение и теперь сиявшему истинной силой своей семьи.

- Ещё нет, – ровно ответил Ерардэр и отошёл к окну, продолжая, – во время посвящения мне было, о чём подумать, было время оценить дом, который я принимаю под своё руководство, и я понял, что мой дом в руинах... От нашей семьи остались ошмётки, да и едва ли на всех землях Морзано осталось больше десятка посвящённых жителей. Я не Король, Абриэль, потому что я не знаю, что с этим делать. Меня учила Гретелия, меня учили в храме, но никогда я не получал тех знаний, которые составляют самую суть дома. Двух отступников оказалось достаточно, чтобы раз и навсегда утратить всё наследие семьи. Я не вижу пути, а если я не вижу пути, куда я могу повести свой Дом, – горько усмехнулся он.

Абриэль молчал, эйфория от получения меча смылась, как песок под ударом волны. Что может его друг сделать с кучей обломков на руках, не владея древними таинствами дома? Сам Абриэль вырос в посвящённой семье и владел частью этих знаний, но даже он не знал, что Ерардэр мог бы предпринять, чтобы возродить свой дом.

- Я собираюсь в Кер-носе-Мане, – снова проговорил он, и для Мюриэля эти слова показались громом.

- Кер-носе-Мане?! – в ужасе переспросил Абриэль, опасаясь, а не повредил ли падающий дом рассудок и сознание его друга. – Но туда никто не ездил уже несколько веков, не факт, что древняя цитадель всё ещё существует. Амбэральские семьи потеряли связь с королевством Иль-де-Нарса множество лет назад, и с тех пор лишь отрывочные сведения иногда доходили до наших ушей. Если тебе нужны знания, не проще ли обратиться к Истарессам.

- Истарессы не могут знать всё, – возразил Ерардэр, – к тому же внутренний смысл домов хаоса их сердцу точно недоступен. И ещё, мне не хочется на первом же шаге становиться вассалом другого дома, при всём моём уважении к Фернандессу и его семье.

Абриэль только медленно кивнул, хотя вся эта идея казалась ему совершенно безрассудной и нереальной. Давным-давно, ещё во времена образования Амбэралы двенадцать семей пожелали стать единым государством. Помимо этого, они захотели сохранить свои знания, на случай, если те будут утеряны потомками, и построили Кер-носе-Мане на территории Иль-де-Нарсовских земель. Любой член Великого Дома мог посетить чертог и изучить мудрость своих предков. Жители Иль-де-Нарса поклялись охранять его и сопровождать туда жаждущих ответов. Однако за последнюю эру ни один житель Амбэралы не появлялся в тех землях, насколько это было ему известно. Говорило ли это о том, что загадочный тринадцатый дом исчез, или Кер-носе-Мане было разрушено внешними захватчиками? Кто знает... Да, и зачем ему идти туда?! У Абриэля просто не укладывалось в голове столь спонтанное и необдуманное решение.

Ерардэр наблюдал за ходом мыслей юного Мюриэле с лёгкой улыбкой, он знал, о чём думал его друг. Воин порядка не до конца может оценить позывы хаоса. Ерардэр не мог объяснить то, что его тревожит, он знал, что ему нужно туда, а молодой Морзано привык доверять своим чувствам.

- Не думай об этом, Абриэль, – слегка рассмеялся он, глядя на всё ещё задумчивое лицо юного Мюриэле, – я знаю, что мой путь лежит туда, и я отправлюсь вне зависимости от твоего мнения.

- Отправишься, – медленно кивнул Абриэль, что-то для себя решая, – отправишься, только я еду с тобой.

- Что? – теперь уже настала очередь Ерардэра удивляться поступкам своего друга. – Но ты вот-вот получишь корону, у тебя свадьба на носу, что ты скажешь Викториану?

- Скажу что-нибудь, – беспечно ответил Абриэль, стараясь не думать об этих вопросах, – в конце концов, этот поход не затянется надолго.

- Но ты можешь не вернуться, – тихо произнёс Ерардэр.

- Как и ты, – фыркнул Мюриэле, – но вместе наш шанс на выживание возрастает вдвое. Брось, Еер, это не жалость и не беспокойство. Нити судьбы слишком непредсказуемы: ещё вчера процветающие Великие Дома сегодня оказываются в руинах. Я не уверен, что знаний моего дома достаточно для его защиты, поэтому раз уж подворачивается такой шанс, почему бы им не воспользоваться, – невольно Абриэль вспомнил отца и его постоянные переживания о том, что даже всей силы Великого западного дома может быть недостаточно, чтобы защитить его детей. – Я упрям, Еер, – бросил он, направляясь к выходу, – поэтому последующие дискуссии бесполезны.

Ерардэр только покачал головой.

- По моему мнению, ты совершаешь большую ошибку, ввязываясь во всё это, но выбор твой. Надеюсь, что он принесёт тебе то, что ты желаешь, а не заставит потерять то, что уже имеешь.

- Спасибо, – улыбнулся Абриэль, покидая тёмный кабинет.

И теперь, ещё раз всё обдумав, наследник семьи Мюриэле уверенно ответил, глядя прямо в глаза своей сестре, страдающей из-за безумия, творящегося вокруг, которое он может попытаться остановить этим походом. Цена судьбы явно встала у него перед глазами, и Абриэль без колебаний ответил:

- Стоит, Мир, поверь стоит...

Абриэль замер у резной двери, ведущей в кабинет его отца. Сомнения снова захватили его мысли: что скажет Араэль, согласится ли Брюнье на отсрочку, и что будет с Мирэль. У него не было ответов на эти вопросы, эти ответы как раз ждали его там, за тяжёлой дверью, и ему нужно было только открыть её, чтобы получить свой приговор. Оставаясь здесь, он сохранял

себя в счастливом неведении, словно ничего ещё не решено, а, значит, у него есть шанс переиграть всю партию заново. Но время не любит своих должников, поэтому, тяжело вздохнув, молодой наследник наконец-то коснулся резной ручки, и дверь с тихим скрипом приоткрылась.

Перед глазами Абриэля предстал до боли знакомый кабинет: высокие светлые стены, узорчатый потолок, лёгкая мебель из светлого дерева, которая никак не сочеталась с суровым лицом человека, стоящего у окна. Это был действующий глава дома Мюриэле – Араэль. На вид ему было около пятидесяти лет, длинные седые волосы были собраны в хвост, а лицо уже слегка прорезали мелкие морщины, преимущественно скапливающиеся в уголках глаз. Одет он был в традиционное облачение Дома Мюриэле: длинный камзол со светло-голубыми вставками – даже в неофициальной обстановке он предпочитал выглядеть внушительно и достойно, каким и должен быть истинный глава дома Мюриэле. Под взглядом этого человека Абриэль невольно оробел, почувствовав себя десятилетним ребёнком, снова вляпавшимся в очередную неприятность и, скорее всего, затащившим туда же и свою сестру. Он всегда благоговел перед отцом, восхищаясь его силой и мудростью, но сегодня он должен будет впервые бросить ему вызов и поступить так, как велит ему его сердце.

- Входи, Абриэль, – спокойно произнёс Араэль, внимательно осматривая сына, – Мирэль сказала, что ты хочешь поговорить со мной...

- Да, – резко кивнул Абриэль, словно пытаясь вытрясти из себя остатки робости, – есть разговор, – он немного замялся и отвёл взгляд, не зная, как донести до отца то, что так хочет сказать его сердце. Слишком много мыслей и эмоций скакали у него в голове, мешая выстроить даже жалкое подобие речи.

- Да говори уже, Абриэль, – взволнованно воскликнул Араэль. Абриэлю было несвойственно глубокое сомнение, врождённая интуиция и чутьё всегда подсказывали ему выход из любой ситуации, поэтому вид слегка испуганного сына наводил на отца панику и излишнее беспокойство.

Абриэль вздохнул и посмотрел отцу прямо в глаза:

- Мне необходимо уехать месяца на три, – твёрдо сказал он, мысленно выдыхая от собственной смелости.

- Вот как, – задумчиво переспросил Араэль никак не отреагировав на подобное заявление, – и куда же ты собрался?

- Я хотел посетить Кер-носе-Мане в Иль-де-Нарса, – уверенно ответил Абриэль, волевым усилием сдерживая внутреннюю дрожь.

Араэль резко поднялся, обошёл стол и приблизился прямо к своему собеседнику, отчаянно вглядываясь ему в глаза, словно ища что-то, что сможет опровергнуть только что им услышанное.

- Иль-де-Нарса, да ты в своём уме, Абриэль! – глава дома Мюриэле всеми силами пытался не сорваться на крик. – Зачем тебе ехать в эти дикие места, где уже давно утеряно всякое понятие о цивилизации! Да и зачем тебе Кер-носе-Мане? Ты вырос в семье Великого Дома, достойно соблюдавшего законы этого мира с самого Амбэральского договора. Тебе незачем спускаться к Сердцу Истоков! Да и куда же ты сейчас поедешь?! – он заходил взад-вперёд вдоль окна, словно пытаясь бороться с мыслями. – На носу помолвка твоей сестры, да и вопрос с домом Брюнье вот-вот решится окончательно. Что ты скажешь Викторину? Что тебе нужно три месяца подумать, или что?! Сам знаешь, Викторин никогда не позволит так поступить с Ноэллией, и не видать тебе счастливой жизни как своих собственных ушей. Неужели ты всё это готов положить ради какой-то поездки на древние развалины?! – Араэль на секунду умолк, в глазах его сверкнуло подозрение и осознание. – Или это опять Морзано? – осторожно начал он, и увидев испуг во взгляде сына, тут же разразился новым приступом гнева. – Морзано, Морзано, вечно эти Морзано! – повторял Король, быстрым шагом нарезая круги по комнате. – Я же говорил тебе, не связывайся с этим домом! Уже несколько поколений никто из их наследников

не смог получить меч, а значит, ни о каком исполнении Великих законов не может быть и речи, – Араэль резко остановился и обернулся к Абриэлю. – Да ты вспомни Ристофера! Более злого и жалкого человека, мне сложно припомнить. Чего только стоило отправление Ерардэра к старой тётке. Нет, я глубоко уважаю симьен Гретелию, но воспитанный в таких условиях ребёнок не сможет стать достойным главой Великого Дома. Поэтому, прошу тебя, Абриэль, не увязывайся за этим Морзано, боюсь, что даже поездка в Иль-де-Нарса не поможет ему принять меч дома.

- Он уже принял, – уверенно проговорил Абриэль, смотря в удивлённые глаза отца, – вчера вечером Ристофер скончался, упав с лошади в срединных холмах, а ночью, Ерардэр прошёл посвящение и вынес из храма меч дома Морзано, уже более полувека хранившийся в подземелье.

- Но как ты можешь быть уверен, что это не ложь? – осторожно начал Араэль. – Как ты можешь быть уверен, что Ерардэр не обманул тебя, пытаясь вернуть доверие своему дому.

- Я был там во время посвящения, – чуть слышно продолжил Абриэль, задумчиво смотря в окно, – я видел, как он уходил в храм, и видел, как он вернулся. В его руках был клинок Морзано, я не смог бы спутать его ни с чем.

- У тебя достаточно чувствительности, чтобы отличить творение Вечности от любого другого, – согласился глава дома Мюриэле, казалось, став чуть менее взволнованным. – А кто стал наместником?

- Сумон Керлиндер.

- Неплохо-неплохо, – также задумчиво пробормотал Араэль, – но зачем Ерардэру отправляться в Иль-де-Нарса, если он получил меч?

Абриэль улыбнулся:

- Тебе ли не знать, что силы меча недостаточно, чтобы возродить Великий Дом. Истинные традиции семьи Ерардэра были утеряны множество лет назад, и сейчас ему будет сложно восстановить их смысл и не кануть в новую пучину непонимания. Он мой друг, папа, и у него нет права на ошибку. Сердце Истоков – его единственная надежда получить знания, к которым он стремится. Я знаю, что наш род не переживал такого оглушительного падения, но мы не можем сказать, что Мюриэле всегда были безупречны. Сердце Истоков сможет вернуть нам знания, утерянные множество лет назад, неужели ты не хочешь этого для своей семьи?

Араэль ничего не ответил, взгляд его изменился, место гнева и непринятия заполнила обречённость и тоска, мгновенно охватившая всю его фигуру. Теперь была очередь Абриэля удивляться состоянию отца.

- Ты уже взрослый, Абриэль, – медленно начал Араэль, заглядывая ему в глаза, – и вот-вот главенство домом перейдёт в твои руки. Но если говорить по сердцу, я боюсь того момента, когда оставлю тебя наедине с этой безумной системой, утратившей всякое подобие величия. Ты можешь видеть то, что происходит вокруг: всё меньше людей желают учиться у Великих Домов, всё меньше соблюдают Великие законы. Боюсь, что в скором времени Великие Дома станут последним оплотом сил Вечности, а любые крохи рано или поздно подлежат уничтожению. Люди перестали понимать нас, понимать причину тех или иных действий, и это вызывает у них гнев. Ты был в Амбэрал-Юранде, ты видел, во что превратилась местная знать: пародия на соседние страны, полные лжи и лицемерия, пресмыкающиеся перед своим королём. А Литеусы? Мы видим, как рядом с вековой преданностью поселилось сомнение. Великий Наместник Амбэралы видит глав других государств, единоличных правителей, делающих всё, что они только пожелают, и забывает, что он всего-навсего Наместник, посаженный волей Великих Домов. Если жители Амбэралы окончательно забудут древние традиции и ополчатся против нас, Литеус нарушит клятву и получит, наконец, столь желаемую власть. Правда без поддержки Великих Домов продлится она недолго. – Араэль на секунду замолчал и продолжил более тихим тоном. – Давным-давно было предрешиено, что первым признаком падения Амбэ-

ралы станут браки между наследниками Великих Домов. Единичные были всегда, и это не представляло никакой опасности. Но если это будет происходить повсеместно, значит, жители Амбэралы окончательно презрели Великие законы и дни Великих Домов сочтены. Если среди населения Амбэралы не останется тех, кто сможет составить достойную пару наследнику Великого Дома, значит, наши семьи потерпели поражение в своей главной задаче. Именно поэтому я настоял на посвящении в Храме Фьене перед твоей помолвкой с Ноэллией. Касфан могла бы сказать, действительно ли законно в данном случае объединяются два Великих дома. Но ваша связь оказалась слишком сильной, чтобы разрушить её в ущерб старинному пророчеству. Я надеюсь, что другие наследники не продолжают эту традицию, но события доказывают обратное. Я боюсь за вас, боюсь, что через несколько лет Великие Дома будут уничтожены, и вы сгинете вместе со мной. Всё что я могу сделать, это выслать Мирэль из страны, но против тебя и Анаэля моя воля бессильна, как против будущих главы и наместника. Когда я уйду, вам придётся самим бороться с этим ускользающим миром, и я могу только молиться, чтобы мне не пришлось видеть падение каждого из вас. Родители не должны переживать своих детей, но ваш век намного сложнее моего. Да, ты превосходишь меня в силе и мудрости, но пока у меня есть то, что тебе ещё не доступно: опыт и чуткое понимание жизни, выходящее из заботы о своей семье, и страх потерять её мучит больше всего на свете. Я знаю, что Мирэль просила тебя отговорить меня выслать её из Амбэралы. Я понимаю, что для неё, как сердцу и душе дома Мюриэле, невыносимо покидать родные земли, невыносимо оставлять тебя одного, вы ведь всегда были рядом. Я знаю, но раз судьба сделала такой подарок, что человек, связанный с Мирэль, живёт за пределами Амбэралы, я сделаю всё, чтобы увезти её. Я чувствую, что там она будет жива.

- Но счастлива ли, – вздохнул Абриэль. Он не мог даже вообразить себе жизни без своей младшей сестры. С Анаэлем они никогда не ладили, Мирэль была единственным звеном, объединяющим двух братьев, и ему было невыносимо отпускать её. Но ещё более невыносимо ему будет, если уговорив её остаться, он подвергнет свою сестру опасности. В это мгновение он впервые почувствовал себя будущим главой дома, тем, кто будет вынужден принимать решения, даже против воли дорогих ему людей, чтобы они жили и жили, по возможности, счастливо.

- Я поговорю с Мир, папа. Думаю, она согласится, – обречённым голосом ответил Абриэль.

Араэль мягко улыбнулся и подошёл к сыну, взгляд его стал на удивление тёплым и заботливым.

- Ты слишком быстро вырос, Абриэль, и уже волен принимать решения, независимо от моего желания. Наверно так и должно быть, ведь глава дома не может вечно опираться на мнение своего отца. Мне не нравится идея о твоей поездке в Иль-де-Нарса, – в голосе Короля появились металлические нотки, но тот быстро взял себя в руки и также спокойно продолжил, – но если ты чувствуешь, что это правильно, то я не буду препятствовать тебе. Посмотрим, к чему приведёт твоё первое самостоятельное решение.

- Спасибо, папа, – улыбнулся Абриэль и крепко обнял отца.

- Только с домом Брюнье ты разговаривай сам, – продолжил Араэль. – Попробуй убедить их в своей правоте и можешь отправляться в путь.

- А как же Мирэль? – панически переспросил он.

- Думаю, до твоего возвращения она может побыть здесь, – ответил глава дома, – в конце концов Амбэрала не завтра рухнет, так что время у нас ещё есть.

- Спасибо, – улыбнулся Абриэль и чуть ли не бегом скрылся в коридоре. Араэль молча смотрел ему вслед и беспечное выражение его лица постепенно менялось на тревогу и бессилие, уже не первый год охватывающее сердце главы дома. Если бы всё было так просто, он сам бы давно уже разрешил все противоречия между Великими Домами, чтобы перед уходом оставить спокойное царство своим сыновьям. Но он не мог. Его способность предвидеть начала

таять в волнах нового поколения. Это не его время, это время Абриэля, и только он может чувствовать, в какую сторону Нити судьбы свернут в следующий миг этого мира. Сегодня Король проявил слабость, но и доверие выбору своего сына. Для них обоих это будет испытанием. Для Абриэля его силы, для него самого его веры в своих детей.

Выйдя из кабинета отца, Абриэль бросился было по коридору, стремясь быстрее поговорить с Мирэль и отправиться в дом Брюнье, но его планам не суждено было осуществиться так скоро. Возле кабинета его поджидала фигура, до боли похожая на него самого. Как и отец, он был одет в традиционное облачение Мюриэле. Длинные волосы, на тон светлее, чем у Абриэля, скрывали лицо.

- Снова сбегаешь от ответственности? – прозвучал острый насмешливый голос, в очередной раз резанув по душе острым ножом. Как бы Абриэль хотел, чтобы этот человек был кем угодно: врагом, знакомым, случайным встречным в его жизни, но никак не его родным братом.

Фигура отошла от стены и приблизилась к будущему Королю так, что тот, наконец, смог увидеть бедно-серые глаза Анаэля Мюриэле, младшего принца дома и будущего наместника. Выражение лица Абриэля тут же изменилось, восторженная искренность вмиг уступила отчуждённому холоду и внутренней твёрдости, так не свойственной ему в общении с близкими.

- Сбежать значит отречься, а мой уход преследует цель лишь возвысить наш дом, или ты не согласен? – с кажущимся спокойствием и пренебрежением парировал Абриэль, не спуская взгляда с лица своего собеседника. От его брата можно было ожидать что угодно, поэтому ему следовало быть начеку и не поддаваться на провокации.

- Возвысить? – усмехнулся Анаэль. – Да ты сбегаешь в тот самый момент, когда больше всего нужен здесь. Какой же ты глава дома, если всякое отребье для тебя дороже собственной семьи?!

- Замолчи! – прорычал Абриэль, сжимая руки в кулаки, сдерживая себя, чтобы не натворить дел. Анаэль нарочно его провоцировал каждый раз, пытаясь доказать его полную несостоятельность как наследника. – Благополучие дома – единственное, что имеет для меня значение, – ответил он. – До разговора с отцом, я сомневался в том, нужно ли моё путешествие, или семья нуждается во мне больше. Но сейчас я понял: этот поход не оторвёт меня от семьи, он лишь позволит мне лучше понять и оценить то, что я оставляю здесь. Узнав больше, я буду способен защитить то, что мне дорого, ведь ты этого от меня ждёшь, да?! – с вызовом переспросил Абриэль, сверля взглядом своего брата.

Анаэль замялся, немного взволнованно вглядываясь в тёмно-серые глаза старшего наследника.

- Ты нужен здесь, – твёрдо ответил он, – слышишь, дурак, здесь, а не рядом с твоим дружком-оборванцем! – Анаэль уже переходил на крик. Глаза лихорадочно горели, словно он находился на костре, объятый пламенем и докричаться до Абриэля было его единственной возможностью спастись. – Ты слишком много думаешь о себе, забывая кто ты и для чего живёшь. Такими темпами я более достоин меча Мюриэле чем ты, – бросил он и быстрым шагом отправился прочь по коридору.

Подобные стычки были обычным делом между братьями, как бы страшно это ни звучало. Анаэль с детства считал, что Абриэль слишком заиклен на собственных увлечениях, забывая, что он будущий глава семьи, и что, прежде всего, он должен думать о других, а не о себе. Но никто в семье не разделял его мнения. Мирэль искренне обожала Абриэля и не видела в нём никаких недостатков, а родители были спокойны, считая, что с возрастом всё встанет на свои места. Но он, Анаэль, был в корне не согласен с этим.

Пытаясь воспитать брата, он часто доводил дело до драки, после чего оба дулись до тех пор, пока их не мирила Мирэль. Став старше, они стали уживаться более мирно, правда, всё равно не удерживались от колкостей в адрес друг друга. Анаэлю казалось, что его брат только

начал исправляться, как в их жизни появился ещё один человек. Очередное нападение кочевников на земли дома Гемблет вынудило Великие Дома присоединиться к обороне восточных границ Амбэралы. Абриэль как наследник должен был принять участие в этом походе, куда Анаэль не допустили по причине возраста. Он не был воином, но был неплохим игроком, что позволяло ему уже тогда иметь значительное влияние в Амбэрал-Юранде. Так вот, в одном из этих походов Абриэль и познакомился с Еرارдэром, упрямым ребёнком со слишком взрослыми глазами. Еرارдэр сражался всю жизнь и не привык уступать никому, также как и холёный Абриэль. Несколько стычек привели к тому, что между двумя упрямыми наследниками зародилась дружба, столь редкая в нашем мире. Они доверяли друг другу. Доверяли всё, вплоть до собственной жизни, но в то же время уважали право каждого на уединение и на личное пространство. Тедорер однажды скажет, что это был истинный союз Королей, на котором много лет назад и создавалась Амбэрала. Однако не всем подобная дружба казалась положительным явлением. Многие считали, что беспризорный Еرارдэр уничтожит всё воспитание Абриэля, выросшего в традициях Великих Домов. Анаэль же пришёл в ужас от такого общения и потребовал у брата прекратить свою дружбу с предателями и недостойными, на что старший Мюриэле, естественно, ответил отказом. В тот самый момент у Анаэля умерла всякая надежда направить брата на истинный путь.

Однажды он станет отступником, – был уверен Анаэль, – и тогда я смогу возродить дом Мюриэле так, чтобы никто даже в мыслях не посмел посягать на его величие. Так думал он, спускаясь в нижние этажи замка. Времени у него было не так много.

- Мирэль, – тихо позвал Абриэль, заглядывая в комнату сестры. Мирэль восседала на прекрасном резном кресле с бледно-голубой обивкой и задумчиво смотрела в его сторону.

- Ты поговорил с отцом? – медленно спросила она. В голосе сквозили металлические нотки

- Да, – выдохнул Абриэль, не зная, как начать разговор. Если Мирэль придёт в бешенство, а скорее всего так и случится, то он может надеяться только на то, чтобы выбраться из комнаты живым. Мирэль Мюриэле была страшна в гневе, пусть даже совсем немногие об этом знали.

- И? – ещё медленнее произнесла она, пугающе сверкнув глазами в его сторону.

Абриэль знал, что ещё одно слово, и кары ему не избежать. Весь вид сестры говорил о том, что сейчас девушка раздерёт его в клочья, если не услышит правильного ответа. Ответа, который она сама хочет услышать. Так думал бы каждый, кто хоть чуть-чуть знает младшую наследницу дома Мюриэле, но её близкие знают и другую Мирэль, её настоящую, скрывающуюся под этой маской юной воительницы.

Поэтому Абриэль, быстро приблизившись, крепко обнял сестру, прижимая к себе, словно стараясь защитить от всего мира. Вся спесь Мирэль тут же пропала, и она обняла его в ответ, поняв всё без единого слова.

- Прости, Мир, я... я не могу позволить тебе остаться здесь, Мир.

Он отстранился и увидел понимающий взгляд сестры, изо всех сил пытающуюся не расплакаться на его глазах. В её взгляде читалась искренняя боль и отчаяние: любимый брат предал все её надежды, и ей больше некуда было деваться от сложившейся действительности.

- Ты будешь счастлива там, Мир, я знаю... я верю. Но здесь тебе не выжить, – быстро говорил он, пытаясь хоть как-то донести до неё, всё, что было у него на душе, но мысли сбивались, а слова терялись, едва успевая прозвучать в воздухе. – Я не могу позволить тебе остаться. Прости меня, Мирэль, прости, – выдохнул он и опустил взгляд.

Мирэль улыбнулась и прозрачные слёзы всё-таки пролились по её щекам. Она видела как её брат, разрывался между желанием исполнить то, что она просит, и невозможностью оступить от принятого решения. Девушка не хотела, чтобы он чувствовал себя виноватым за то, на что Абриэль едва был способен повлиять. Старший брат всегда был для неё как открытая

книга, и сейчас он был совершенно искренен в своих порывах, неспособный облечь свои чувства в слова.

- Арль, Абриэль, – она заставила его посмотреть ей в глаза, – я предполагала, что так будет. Вы не хотите позволить мне остаться и сражаться наравне со всеми, если есть возможность отправить меня подальше, – она грустно усмехнулась. – За столько лет вы так и не научились принимать, что и без постоянной опеки я сама могу о себе позаботиться. Но я была и есть принцесса воинского дома, дочь семьи Мюриэле, и никто, даже ты, отец и Анаэль не сможете лишить меня этого звания. Я могла бы закатить истерику, но не буду этого делать. Вы трое во многом упрямее, чем я, поэтому я покорюсь и уеду за пределы Амбэралы. Но ты помни, что любое изменение силы нашего дома не останется без моего внимания, – Мирэль снова обняла его, дрожа от слёз и беспокойства. – Уходить не страшно, страшно оставлять. Прошу тебя, Абриэль, позаботься о папе и Анаэле. Меня больше не будет рядом, вам вместе будет очень тяжело, но я верю, что вы справитесь, – она отстранилась, – к тому же, я всегда смогу вас навестить, – наконец улыбнулась девушка, поспешно вытирая слёзы.

Абриэль улыбнулся в ответ, почувствовав облегчение. Мирэль приняла это, как и он. Теперь с ней всё будет в порядке, по крайней мере, он всеми силами молил об этом мирозданию.

- А сейчас, – поднялась она, вернув себе дерзкий и надменный тон, – тебе пора съездить к Брюнье и молить о благосклонности Викторiana, если ты всё ещё собираешься в свою поездку.

В ответ на это Абриэль расхохотался и, быстро обняв Мирэль, бросился в свои комнаты, чтобы собраться к Брюнье. Встреча предстояла не из лёгких, но, как говорил Ерардэр, ничто по-настоящему стоящее не даётся легко.

Погода портилась. Тяжёлые тучи сгущались над цветущими землями Брюнье, грозясь пролиться мрачными дождевыми вихрями. Викторiан, недовольный изменившимся пейзажем, задёрнул шторы. Сегодня погода не предвещала ничего хорошего, а он был достаточно суеверен на этот счёт. Слишком много событий навалилось на него в последнее время, хотя с момента своего вступления на трон он едва ли мог назвать год, не оставшийся в его памяти безумным калейдоскопом дел и происшествий. Он принял корону слишком рано. Нет, это не было по причине падения дома или отступления его предшественников от Великих законов. Дом Брюнье уже многие годы можно было назвать примером истинной правящей семьи, однако война не щадит никого. Военный поход, направленный на укрепление границы с раассками – жителями монархического государства, периодически совершающего набеги на восточные земли Амбэралы. Юлиан Брюнье был сильным воином, но силы оказалось недостаточно, чтобы защититься от полчищ кочевников. Он был убит на поле боя, пытаясь защитить группу молодых воителей, едва прошедших посвящение. Викторiану тогда было семь лет, а Ноэллии едва исполнился год. Их мать, Эммилия Эллая Брюнье в девичестве Килерае, справившись с горем, приняла меч дома как наместник и регент. Будучи дочерью семьи Килерае – посвящённых приближённых Дома Люэно, она всей душой приняла силу новой семьи и оставалась одной из величайших наместников своего времени. До сих пор эта сильная женщина могла одним взглядом убедить домашних отказаться от той или иной затеи, но она никогда не давила на решения своего сына, предпочитая, чтобы Викторiан вырос самостоятельным правителем. И после передачи ему меча, она практически перестала участвовать в решении вопросов, затрагивающих внешнюю политику дома. Уже в восемнадцать лет Викторiан возглавил дом Брюнье. Клинок принял его, но ему потребовалось много времени и сил, чтобы заставить Совет считаться с мнением слишком юного Короля. Он добился своего, и теперь дом Брюнье является одним из наиболее уважаемых, а сам Викторiан несмотря на столь юный возраст – одним из самых весомых участников Совета, с мнением которого вынуждены были считаться.

Однако помимо Дома у него была ещё одна забота. Маленькая Ноэллия росла практически в тепличных условиях. Викториа́н не желал никуда её отпускать, боясь потерять самое светлое существо в своей жизни. Ноэлли́я была отдушиной, как для него, так и для матери: маленькая сияющая девочка с тёмно-синими как у отца глазами и русыми кудряшками, заплетёнными в длинные косички. Одним своим появлением она наполняла комнату невиданной радостью и теплом. Викториа́н очень боялся потерять этот свет, главный свет его жизни. А тем временем Ноэлли́я выросла, выросла слишком быстро, вопреки его желаниям, как можно дольше держать её рядом с собой. Когда Эмми́лия впервые намекнула, что пора бы Ноэлли́и подыскивать жениха, он только рассмеялся, не приняв всерьёз её мысль. Лишь позже, на очередном приёме представителей местной знати, он задумался о том, что скоро Ноэлли́и придётся покинуть свою семью и стать частью другой. При мысли об этом Викториа́н охватывала дрожь. Отдать маленькую, светлую Ноэлли́ю в чужой дом, где он не сможет защищать её и оберегать... Нет! Даже размышления об этом претили ему, но со временем порывы утихли, и Викториа́н понял, что ситуации не удастся избежать, надо лишь постараться сделать так, чтобы сестрёнка была счастлива, даже находясь в другой семье. Знатные семьи он отнёс сразу. В последнее время соблюдение Великих законов стало предметом шутки на приёмах, собирающих, помимо Великих Домов, ещё представителей местной знати. В большинстве своём эти люди уже совсем отошли от законов силы и понимания истинной сути этого мира, и теперь ни у кого не было гарантии, что их действия и решения будут во благо. Даже само понимание цели существования Великих Домов постепенно исчезало из их умов, заменяясь мечтами о большей власти и материальном благополучии. Нет, он не мог допустить, чтобы его Элли оказалась в подобном окружении. Оставались только Великие Дома. Однако в этом случае возникала иная проблема. Со времён образования Амбэра́лы сохранилось предупреждение, что конец великой страны наступит тогда, когда дети Великих Домов перестанут сочетаться браком с прочими жителями Амбэра́лы по причине отступления последних от законов этого мира. Викториа́н чувствовал, что его руками может сотвориться пророчество, но если счастье Элли находится в рамках этого предсказания, пусть так оно и будет. В конце концов, Великие Дома не связывали себя узами брака уже несколько сотен лет, и вряд ли единичный случай может повлиять на что-либо. С другой стороны, у него в распоряжении было проверенное средство, способное пролить свет на всю ситуацию и не дать ему совершить ошибку собственным решением. Издревле Великие Дома умели видеть Нити, образующие этот мир: Нити времени и пространства, Нити потоков силы и Нити судеб людей. Когда-то каждый дом мог проследить связаны ли судьбы тех или иных людей и получить абстрактное представление о том, что ждёт их впереди. Теперь же подобные знания сохранились только в одном доме: Фьене – храмовый дом времени, единственный сохранивший умение видеть сквозь Нити судьбы. Легенда гласила, что в их роду были последние стражи и до сих пор где-то в потрёпанных книгах хранятся воспоминания о Великом Сульфуре и петлях времени. Дом Фьене, несмотря на слишком раннюю гибель старшего поколения в результате войны, смог быстро подняться на ноги, поскольку во многом вся судьба Великих Домов зависела от их способности видеть. Они были последней преградой для знати столицы в том, чтобы использовать семьи как предмет достижения собственных целей. Это было недопустимо для Великих Домов. Их сила основывалась на гармонии внутри семьи, и любое нарушение могло привести к непоправимым последствиям. После гибели родителей, Касфан, которой тогда едва исполнилось шестнадцать, приняла на себя звание жрицы дома. Она от многого отказалась, но благодаря этому Великие Дома получили ещё один шанс на выживание. Никто из правящих семей, даже самые отъявленные негодяи, не смели спорить с ней. Она была хранителем тех сил, что ещё делали Амбэра́лу той, кем её когда-то создали двенадцать Великих Королей. Никто не смел усомниться в её словах, ибо знали, что она дала высокую клятву из всех возможных. Издавна, если этот обет и был произнесён кем-то, то делалось это в преклонном возрасте, уже на заре жизни, ибо он говорил, что после данного слова у жреца

не будет ни пары, ни детей, истина станет его единственным пристанищем, вся его жизнь будет принадлежать лишь дому, несмотря ни на какие условия. Касфан приняла эту клятву, вопреки всем угрозам и предостережениям, и больше никто из Великих Домов не смел ей перечить.

Викториан хорошо помнил, когда в последний раз ему пришлось посещать храм дома Фъене. Привязанность Абриэля и Ноэлли уже стала слишком очевидной. Несмотря на всё недовольство главы дома Брюнье, не считающего никого достаточно хорошим для своей сестры, Абриэль показался ему меньшей из зол и не самым плохим кандидатом на руку Ноэлли. Молодой наследник из уважаемого Великого Дома, много лет получавшего меч и не знавшего проблем с отступничеством или внутренними конфликтами. Помимо этого, сами Мюриэле отличались довольно мягким нравом, что давало ему надежду на то, что не придётся защищать сестру от её же собственного мужа. Ближе к осени Викториан неожиданно получил письмо от самого Араэля Мюриэле. Тот поделился с ним, что его беспокоят отношения Абриэля и Ноэлли, поскольку слишком уж сильно они соответствуют пророчеству об окончательной гибели Амбэралы и полному падению нравов её жителей. Викториан был совершенно согласен с опасениями главы западного воинского дома. Сам он даже не рассматривал кого-нибудь из знати в качестве жениха принцессы Брюнье именно по этой причине. Араэль предлагал посетить храм дома Фъене, чтобы окончательно разобраться в ситуации и принять решение исходя из пути Нитей судьбы, чтобы оба дома не оказались в бедственном положении, и брат Ноэлли дал своё согласие на это решение.

Спустя несколько дней глава дома Брюнье стоял на пороге храма Фъене, ожидая прибытия Араэля Мюриэле. Само здание храма было невероятно огромным, высокие белые ступеньки поднимались к широкому крыльцу, со всех сторон украшенному колоннами. Массивные двери из светлого дерева открывали путь в главные залы, потолок в которых поднимался более чем на три этажа привычных в Амбэрале зданий. Храм Фъене, в отличие от большинства Великих Домов, не был спрятан в подземелье, а был открыт всем, кто нуждался в нём. Знание передавалось любому желающему, но всё меньше и меньше людей нуждались в явлении истины и приходили в эти стены в поисках ответов на свои терзания. Влияние соседних государств убедило многих глав знатных семейств отказаться от истинного посвящения и творить судьбы своих близких в угоду собственной выгоде, а никак не в соответствии с предназначенной им судьбой. Однако Великие Дома оставались ревностно верны древним традициям, и даже браки отступников заключались только с согласия дома Фъене. Здесь был дом истины, того, что многие семьи давно потеряли в пучинах времени и отчаяния, но они знали куда им следует вернуться, чтобы вновь обрести её.

Приближающийся стук копыт отвлёк его от мыслей, и он увидел Араэля Мюриэле, скачущего к нему на белом в яблоках коне. Несмотря на то, что Викториан был едва старше его собственного сына, глава западного воинского дома всегда обращался к нему с почтением, достойным главы дома. Как истинный Король, Мюриэле понимал, что действительно имеет значение, поэтому смело отметал возрастные устои, не несущие никакого смысла в том, что составляло саму суть каждого человека. У них сложилось что-то вроде сотрудничества, поэтому молодой Брюнье смело ждал прибытия главы западного воинского дома.

- Викториан, – улыбнулся Мюриэле, слезая с коня, – да хранят Великие силы ваш дом!

- Как и ваш, Араэль, – приветственно кивнул Викториан, – я думаю, нас уже ждут.

- Да, не будем терять времени, – ответил Мюриэле и двинулся вместе с Викторианом вверх по лестнице, приближаясь ко входу в храм. Одет старший Король был в тёмный плащ, скрывавший под собой традиционное бело-голубое одеяние дома Мюриэле. Араэль оставался педантом во всём, что касается соблюдения традиций и его ответственности как Короля, поэтому вид его всегда говорил сам за себя, что, впрочем, было также присуще и его сыну Абриэлю.

Наконец, они распахнули двери храма и оказались в светлом коридоре, со всех сторон украшенном кружевной лепниной и мозаикой, переливающейся от света, льющегося через большие просторные окна. Дом Фьене редко участвовал в конфликтах, и у него не было потребности защищаться. Их храм был открыт для всех, и истинно нуждающийся всегда мог получить здесь необходимую помощь.

У самого входа их уже ждала глава этого дома Касфан Маэлри Фьене. Высокая и довольно худая девушка была лишь на два года младше самого Викторiana, чёрные выющиеся волосы были собраны в высокий хвост, тёмно-синие одеяние свободно обтекало её фигуру – традиционная одежда главы дома, сохранившаяся ещё со времён Амбэральского договора. Синие, не по возрасту глубокие, глаза внимательно осмотрели прибывших.

- Руан Мюриэле, Руан Брюнье, добро пожаловать в дом Фьене, – вежливо произнесла она, чуть наклонив голову, что было знаком глубокого уважения среди представителей Великих Домов. Большей частью старинные семьи Амбэралы не были любителями поклонов. Поклоны предполагались только в самом крайнем случае и то перед самыми значимыми реликвиями правящих семей. Обычным знаком уважения был кивок головы, при этом взгляд кивающего не отрывался от собеседника. Если же глаза закрывались, то это означало самое глубокое уважение и преданность, подразумевая под собой то, что человек готов закрыть глаза, на мгновение доверяя другому свою жизнь.

- Благодарим вас за честь, Руан Фьене, Миен Касфан, – ответил Аразль, будучи старшим из Королей, – мы прибыли по очень важному делу.

- Прошу за мной, – ответила девушка и, развернувшись, направилась в глубь храма. Викторian и Аразль последовали за ней. Светлая лепнина сменялась более красочной отделкой, синие узоры на стенах напоминали звёздное небо. На небольших подставках стояло несколько крупных камней, охранителей этого пути. На мгновение Викторian даже поёжился, невольно почувствовав проникающую силу одного из камней, словно невидимые лучи полностью окутывали его, выискивая малейшую мысль, несущую вред этому месту.

В конце коридора Касфан свернула в небольшое помещение, напоминающее гостиную. Это был приёмный зал перед храмом. Уютное убранство комнаты словно располагало к беседам: массивные кремовые кресла, небольшой столик. Стены комнаты, в отличие от прочих залов, были украшены ничем не значащими пейзажами, словно стирая границу между всеми посетителями данного помещения. Касфан села в одно из кресел, жестом пригласив Королей занять другие. В каждом её движении чувствовалось неторопливое течение времени, но, в то же время, в них была заключена такая власть, словно одного жеста её руки было достаточно, чтобы подчинить себе половину страны. При этом лицо её также оставалось спокойным и отстранённым.

Маленькая дверь с противоположной стороны распахнулась и в неё проскользнула молодая девушка в лёгком белом платье с золотистыми лентами, в руках она несла поднос с травяным чаем, неизменным атрибутом посещения храма Фьене.

- Позвольте представить вам Жозели Сальватору Фьене – мою сестру, – спокойно сказала Касфан. Девушка же, услышав представление, слегка смутилась и кивнула головой, поприветствовав обоих Королей. Викторian знал, что после гибели старших Фьене в храме осталось три сестры, старшая была Касфан, она и возглавила дом, среднюю Сальватору, года на три младше Касфан, по слухам, будущую невесту дома Истаресс, ему не приходилось видеть, как до этого момента и Жозели, младшую королеву Фьене. Аразль почтительно кивнул, уловив нервный кивок Викторiana.

Две сестры казались настолько непохожими, что их едва ли можно было принять за родственников. Холодная, бледная, отстранённая Касфан никак не соответствовала маленькой, хрупкой и сияющей Жозели. Русые волосы девушки были заплетены в свободную косу, взгляд

золотых глаз был более мягким, наполненным какой-то детской смешинкой, ещё сохранившейся в этом юном существе.

Жозели покинула комнату, и жрица, наконец-то, вновь обратила своё внимание на гостей.

- С какой целью вы прибыли в храм? – медленно спросила Касфан, беря в руки одну из чашек.

- Нашим домам необходим глаз дома Фьене, чтобы понять истинность наших суждений, – спокойно начал Аразэль, – речь идёт о моём сыне Абриэле Аразэле Мюриэле, наследнике дома Мюриэле и сестре Викторiana, Ноэллие Эммилие Брюнье, наместнице дома Брюнье. Мы чувствуем, что их союз лишь вопрос времени, однако нас охватывают сомнения в возможности создания данного союза.

- Было сказано, – вступил Викторiан, – что подобные пары будут первым признаком падения Амбэралы, знаком того, что вне Великих Домов, законы этого мира и Амбэралы больше не являются непреложными. Я был склонен наблюдать подобное падение уже много лет, и могу признать, что данное суждение может относиться к нашему времени. Однако я не намерен рушить судьбу сестры ради какого-то древнего пророчества, если Абриэль действительно её пара, – резко закончил Викторiан.

Касфан степенно кивнула.

- Как главам Великих Домов, я могу открыть вам Нити их судеб, – начала она, – но тогда решение дома Фьене будет уже непреложно, и ваше последующее решение уже не повлияет ни на что.

Викторiан знал это, если дом Фьене вмешивается в судьбы людей, то его решение не может быть оспорено никем.

- Как глава дома Мюриэле я даю своё согласие на это, – уверенно ответил Аразэль.

- Будучи главой дома Брюнье, – медленно начал Викторiан, – я также позволяю данное действие.

Касфан кивнула и поднялась.

- Прошу за мной.

Они покинули гостевую и двинулись вновь по коридору прямо к массивным дверям главного зала цитадели. Створки были щедро украшены резьбой и драгоценными камнями, переливающие миса всеми цветами радуги, но лишь посвящённые знали, что это не просто дорогое украшение, а ещё один барьер защиты, охраняющий святая святых храма – Звёздный зал.

- Когда войдём, вам необходимо будет встать в один из кругов, окружающих алтарное кольцо, так вы сможете видеть то же, что и я, – сказав это, Касфан распахнула двери и шагнула внутрь.

Звёздный зал действительно производил неизгладимое впечатление. Викторiан был здесь только днём, когда солнечные лучи проникали через прозрачный купол и отражались от жемчужно-белых стен. Уже тогда храм создавал ощущение беспредельности и света. Сейчас же всё небо было усеяно звёздами, казалось, что они постепенно проникают сквозь купол, скользя по стенам, по полу, создавая ощущение, что ты находишься где-то в центре вселенной, а никак не в каменном здании древней цитадели.

- Ночью проще увидеть Нити, – пояснила Касфан, – при свете дня они мерцают, и рассмотреть их может только посвящённый Фьене, ну или страж.

На последнем слове она грустно улыбнулась, ведь стражи исчезли множество лет назад. И мало кто помнит, кем были эти загадочные герои.

Касфан прошла в центр зала. С каждым её шагом на полу и стенах загорались фиолетовые символы, расчертившие зал на множество секторов. Увидев, что Касфан вступила в границы алтарного круга, двое Королей двинулись к небольшим кольцам, являющимися частью узора, опоясывающего алтарь, и встали в них с разных сторон от Королевы.

Глава дома Фьене глубоко вздохнула и начала медленно поднимать руки, и в ответ на её действие, пространство словно уплотнилось вокруг них, делая каждое движение замедленным и требующим большего усилия, чем обычно. От кистей Королевы медленно потянулись синие искры, резкое движение рук, и алтарь вспыхнул сине-зелёным пламенем, испуская такие же снопы искр, постепенно наполняющих зал. Звёздное пространство как будто накалилось, это было невозможное сочетание темноты и напряжения маленьких частиц света, которые, казалось, находились в таком накале, что готовы взорваться в любое мгновение.

Резкое движение, и голос Королевы Фьене прорезал тишину напряжения громким призывом, произнесённым на неизвестном им языке. Викторян только успел подумать, что эта фраза была произнесена на языке Вечности, когда зал наполнился ярким светом, возникшим из мерцающих частиц. Атмосфера безмятежного звёздного неба сменилась плотными фиолетовыми лучами, которые, подобно солнцу, сияющему на закате, освещали алтарный огонь, постепенно распространяя его во все стороны. Когда потоки света выровнялись, приходя в равновесие, оба Короля увидели то, что надеялись увидеть с самого начала: весь зал был обтянут множеством Нитей. Казалось, что не осталось ни одного клочка пространства, свободного от них. Нити жили своей собственной жизнью, каждая из них несла свой ток, который можно было ощутить, лишь проведя над ней ладонью. Нити времени, Нити пространства, Нити судьбы – все они переплетались в сложный узор, уходящий далеко в Беспредельность.

Викториану доводилось слышать о том, что стоило стражу коснуться этих Нитей, как он переносился в любую точку пространства и времени. Сам Брюнье не был стражем, и явление Нитей было для него чем-то прекрасным, но непостижимым. Он мог чувствовать их, улавливать движение тока, принимая свои собственные решения, но такое великолепие он видел впервые.

Тем временем Касфан раскрыла клубок, находящийся прямо перед алтарём, выделив из него две Нити, которые тут же вспыхнули насыщенно-синим цветом, подчиняясь силе дома Фьене. Даже с такого расстояния Викторян ощутил, что одна из этих Нитей принадлежала Ноэллии, и он был уверен, что Араэль тоже почувствовал нить своего сына.

Очертив кистями круг, Королева создала тоннель, в центре которого находились только две Нити, затем, повинаясь воле дома Фьене, они устремились вперёд, словно на быстрой перемотке или прокрутке, а в синем облаке, окружавшем тоннель, мелькали едва различимые образы. Скорость движения была настолько высока, а сменяющиеся картины довольно абстрактными, что Викторян предпочитал не пытаться уловить грядущие события, а просто следил за расположением Нитей, пытаясь уловить в этом какое-то значение.

Нити сближались, постепенно переплетаясь, образуя гармоничный узор, украсивший пространство.

- Всё, – подумал Викторян, – пути назад нет.

Переплетённые нити двигались какое-то время, пока резко не оборвались, синяя вспышка, похожая на взрыв перекрыла громкий крик Касфан и, падая, Викторян уловил последнее изображение в синем дыме: молодого всадника, скачущего из горящего замка, Викторян помнил глаза, синие, как и у его Ноэллии.

Первым, что он почувствовал, когда наконец-то пришёл в себя, была холодная вода, стекающая по его лбу. Веки казались неподъёмными, а всё тело ныло, словно ему целые сутки пришлось пере таскивать тяжёлые камни. Сделав усилие над собой, Викторян постарался приоткрыть глаза и увидел светлый потолок, украшенный фресками с белыми лилиями. Повернув голову, он увидел девушку, принёсшую им чай в гостевой комнате... как её звали... Жозели.

Младшая Фьене оторвала взгляд от полки со множеством баночек и посмотрела на него.

- Руан Брюнье, вы очнулись! – воскликнула она.

Викториан тяжело кивнул и попытался сесть, маленькая Фьене тут же подскочила, помогая ему подняться. Она очень красива, – ещё раз мысленно отметил Викториан, оглядывая помещение. Судя по убранству, он находился в медицинском крыле храма, но как он здесь очутился, и почему он вообще потерял сознание?

- Вы потеряли сознание из-за вспышки во время ритуала, – осторожно пояснила Жозели. – Напряжение Нитей было слишком сильным, поэтому произошёл выброс силы. Вы, не привыкший к подобным ритуалам, не смогли вовремя оградить себя, поэтому и потеряли сознание в результате выброса

- Где Араэль? – осторожно спросил Викториан, не отрывая взгляда от юной королевы. Лицо её изменилось, вместо детской застенчивости появилась необоснованная серьёзность и сила, и только тогда Викториан поймал себя на мысли, что беседует не с какой-то девицей, а с одной из сестёр Фьене, самых могущественных жриц Амбэралы.

- Ему повезло меньше чем вам, – сдержанно пояснила она, – он находился ближе к эпицентру вспышки, поэтому он получил небольшие ожоги. Сейчас им занимается Сальватора, я думаю, что он очнётся через несколько минут.

- А как же Руан Касфан? – забеспокоился Викториан. – Она же находилась в самом центре происходящего?

Жозели снисходительно улыбнулась и ответила:

- Неужели вы думаете, что за столько лет работы с Нитями времени дом Фьене не научился обращаться с ними? Мы умеем ограждать себя от этих выбросов. Нас этому учили с детства, поэтому мы даже не замечаем, как абстрагируемся от движения сил во время вспышки, это происходит по наитию, – она улыбнулась своим мыслям и бодро продолжила, – Касфан сейчас отдыхает, как только Араэль очнётся, она встретится с вами.

Викториан задумался, события в храме никак не выходили у него из головы, сознание требовало немедленных ответов, а сердце замирало, боясь услышать нечто страшное. Он снова посмотрел на младшую королеву.

- Симьен Жозели, простите мою навязчивость, но каково это быть частью семьи Фьене и иметь доступ к знаниям времени?

- Вполне нормально, как и быть частью любой семьи, – легко ответила Жозели. – Нити времени не всегда говорят то, что ты хочешь. Бывает, что их ответы невозможно понять, к тому же они никогда не скажут человеку ничего о самом себе. Лишь один раз каждому из Фьене разрешено увидеть кусочек своего будущего, впрочем, как и любому Амбэральцу, а дальше каждый сам выбирает свой путь.

- И вы видели? – заинтересовался Викториан, чувствуя, что впервые прикасается к совершенно новой для него стороне амбэральских домов, о которой он сам не имел ни малейшего представления.

- Да, – мягко улыбнулась Жозели, – несмотря на то, что я младшая из сестёр, я всё равно Фьене, что бы не случилось. Нити времени откладывают отпечаток, который невозможно изжить, неважно где и в какой семье ты окажешься.

- Но у вас будет мудрость. Мудрость видеть истину, наверное, это достойная цена, – улыбнулся Викториан

- Быть может, но не каждый готов мириться с истинной, – грустно ответила Жозели и отвернулась к полке.

В это время дверь распахнулась, и вошла высокая девушка по виду чуть старше Жозели. Сальватора – понял Брюнъе.

Сальватора Фьене словно была промежуточным звеном между своими сёстрами: чёрные прямые волосы чуть ниже плеч были скреплены лентой. На ней было алое одеяние, похожее на наряд Касфан, только украшенное небольшим рисунком вдоль рукавов. Внешне она была

похожа на Жозели: такой же тёплый оттенок кожи, мягкие черты лица и золотистые глаза, смотревшие на мир, однако, с большей серьёзностью, чем у младшей королевы.

- Я закончила, Жозели, – кивнула она той, а затем обратилась к Викторину. – Здравствуйте, Руан Викторин, моё имя Сальваторе Касфан Фьене, Араэль Мюриэле только что пришёл в себя, и они с Касфаном ожидают вас в гостевом зале.

Викторин кивнул, поднимаясь. Сальватора, по его мнению, производила впечатление истинной королевы. Как и у Касфан, каждое её движение было отточено и выверено, не зря ходят слухи о её помолвке с Фернандессом Истарессом. В отличие от старшей сестры, посыл её жестов был внешним, в то время как Касфан всё направляла в себя. Да, воистину, старшие сёстры Фьене были великими королевами, но ему, вопреки сложившемуся у него самого мнению о собственных вкусах была милее Жозели, которая несмотря на внешнюю беспечность, хранила в сердце глубокую преданность своему дому.

Войдя в гостевую комнату, Викторин поприветствовал Касфан и ободряюще кивнул Араэлю. Вид у него был изрядно потрёпанный, а на лице ещё был виден след от недавнего ожога, но в целом состояние Короля Мюриэле его более чем порадовало.

- Я должна извиниться перед вами за произошедшее в храме, – начала Касфан, глядя им в глаза, – вспышки – довольно частая вещь при просмотре Нитей, но я надеялась, что в этот раз этого удастся избежать, к тому же вы могли видеть, что мои слова истины, а не взяты из ниоткуда по моему собственному поведению и желанию.

- Мы несколько не сомневаемся в вашей честности, Миен Касфан, – мягко ответил Араэль, – мы благодарим вас за возможность увидеть Нити Вечности и наблюдать ритуал. Поверьте, это стоит всех наших ранений, – бодро закончил он.

Викторин кивнул, подтверждая своё согласие с мнением Короля Мюриэле.

Услышав это, Касфан немного успокоилась. Сцепленные в замок руки расслабились, и только этот жест выдал то, как переживала жрица за своих гостей во время вспышки.

- Отвечая на ваш вопрос, – Королева Фьене снова вернулась к ним, – я могу точно сказать, что судьбы Абриэля и Ноэллии связаны друг с другом, и эта связь настолько сильна, что любое вмешательство недопустимо. Этот союз законен, согласно Нитям Вечности и решению храма Фьене.

- Благодарим вас, Миен Касфан, – улыбнулся Араэль, – ваше подтверждение указало нам путь для наших семей.

Он уже начал вставать, чтобы покинуть храм, когда Викторин неожиданно спросил.

- Миен Фьене, во время ритуала я видел, что Нити оборвались за мгновение до того, как я потерял сознание. И видение... Мне показалось, что я видел всадника, скачущего из горящего замка, но мне неизвестно то, что могут означать эти знаки.

Лицо Касфан стало нечитаемым, сдерживая любую малейшую эмоцию. Глубоко выдохнув, она ответила:

- Я не вправе вмешиваться в судьбу за исключением того вопроса, который вы мне задали, когда пришли сюда, поэтому я не могу дать ответа вам на эти знаки, но если вы начнёте искать, то обязательно найдёте ответ, – закончила она, глядя в глаза Викторину. И под её взглядом великий и могучий Брюнье похолодел.

Поднявшись, Короли покинули гостевую комнату и вышли из храма.

- Похоже, вопрос о помолвке решён, – пространно произнёс Араэль, оглядывая красоту земель дома Фьене.

- Похоже, что так, – ответил Викторин, – и, по моему мнению, это не самый плохой расклад для нас обоих.

Араэль улыбнулся и кивнул, а затем, попрощавшись с Викторином, усакал прочь, стремясь как можно скорее поделиться новостью со своей семьёй.

Вспоминая сейчас эту поездку, глава дома Брюнье снова и снова прокручивал в голове увиденное, пытаясь всеми силами докопаться до истины. Самый очевидный ответ категорически не устраивал его, и он продолжал мысленно, до мелочей перебирать увиденные знаки. Порванные Нити... Прошу, сила дома, пусть это будет не смерть, я не могу увести Ноэллию от этой судьбы: дом Фьене подтвердил, что их связь очень сильна, к тому же идти против решения Дома Времени было чревато. Ему оставалось только одно – уповать на то, что знак был понят им неправильно, как и на то, что всегда можно изменить судьбу, если усиленно стремиться к этому.

Неожиданно раздался стук в дверь, через которую вошёл Пеллолио – один из посвящённых помощников Короля Брюнье.

- Викториан, – обратился он, – только что прибыл Абриэль Мюриэле, он желает видеть тебя как можно скорее.

- Пусть поднимается, – кивнул Викториан, удивляясь подобному гостю.

Полученное известие обеспокоило главу дома Брюнье своей неожиданностью. Зачем Абриэль здесь и, к тому же, проситься на аудиенцию к нему самому, вместо того чтобы идти к Ноэлли? Всё это вызывало множество подозрений, но он всеми силами старался отбросить их, желая сначала выслушать то, что хотел сказать ему наследник дома Мюриэле.

Наконец, дверь его кабинета распахнулась, и на пороге возник Абриэль. Непривычно взъерошенный и уставший, он производил впечатление азартного путника, стремящегося вперёд несмотря на любую непогоду и неприятности. Нельзя сказать, что между Королём Брюнье и его будущим зятем были близкие отношения. По большинству вопросов Викториан общался с его отцом Араэлем, в то время как общение с самим Абриэлем сводилось к паре-тройке светских бесед, которые оба имели после заключённой помолвки. Они не были по-настоящему знакомы, но теперь им придётся налаживать диалог, в конце концов, Абриэль вот-вот получит корону и станет частью его семьи. Всё это должно было располагать к более близкому общению, но Викториан был не из тех людей, кто умеет быстро сближать дистанцию между собеседниками. Скорее наоборот, его властная и немного грубая манера держаться с незнакомцами, появившаяся в результате его юношеской борьбы за право в Совете, только отталкивала от него людей. Это было не страшно, когда дело касалось должностных обязанностей, но здесь речь шла о семье, а в семье такое отношение, в его понимании, было недопустимо.

- Здравствуй, Абриэль, – обратился Викториан, стараясь придать своему голосу максимально дружелюбный тон.

- Здравствуй, Викториан, прости, что я без приглашения, но мне необходимо увидеться с тобой, – Абриэль говорил очень медленно, тщательно выверяя каждое слово. Викториан забеспокоился, самые худшие мысли вновь проносились в его голове, однако он решил продолжить беседу по всем правилам, не давая себе думать наперёд сказанных слов.

- Я тебя слушаю, – максимально сдержанно ответил он, усаживаясь обратно в кресло.

Гость же от подобного предложения отказался, оставаясь стоять.

- Дело в том, – начал Абриэль, чувствуя, что его уверенность тает с каждым произнесённым словом, – мне необходимо уехать в Кер-носе-Мане на некоторое время.

- Что? – от удивления переспросил Викториан. Он ожидал от Абриэля чего угодно, но точно не подобного заявления. – Кер-носе-Мане находится в Иль-де-Нарса, но зачем тебе отправляться туда, и почему именно сейчас?

Брюнье не понимал, зачем наследнику дома Мюриэле, известного своими традициями и соблюдением Великих законов, без пяти минут Королю, к тому же почти женатому Королю, ехать в давно забытую полудикую страну, которую уже много лет все обходили стороной. Это было глупо. Глупо и безрассудно!

На секунду Абриэль, казалось, смутился своих слов, однако, взглянув в глаза своему собеседнику, он увидел там что-то, неведомое даже самому Викторину. Робость и испуг тут же отступили, словно маска соскользнула с лица, и теперь Викторин Брюнье мог видеть истинное лицо будущего главы дома Мюриэле.

- Я не знаю, Викторин, – грустно улыбнулся Абриэль, и невиданная лёгкость вмиг захватила его сердце. Откуда-то появилось доверие к этому суровому на вид человеку. Он поймёт его, Мюриэле верил, скоро Викторин станет его названным братом, он не может не принять его, – казалось бы, я вот-вот уже получу трон, традиции моего дома мне известны, благо они достаточно хорошо сохранились. У меня есть всё, я не Морзано, вынужденный обратиться к Сердцу Истоков, чтобы выловить хоть крохи бывшего величия своего дома. Я должен быть абсолютно счастлив, но нет. И это не даёт мне покоя. Мне всё время кажется, что знаний моего дома и его мудрости недостаточно, недостаточно для меня, чтобы защитить свою семью и быть достойным правителем своего дома. Да, Амбэрала уже не та, и не мне судить о том, к чему приведёт её текущее положение. Но я верю в одно, там, в Кер-носе-Мане есть что-то большее чем то, что мы привыкли знать и видеть. Мы многое потеряли, и, быть может, потерянное нами станет нашим шансом на новый расцвет Амбэралы, шансом хотя бы на счастливую жизнь. Я не знаю, что я смогу найти в тех краях, но я чувствую, что смогу найти ответы и разрешить все сомнения. Тебе ли не знать, что посвящение открывает глаза на окружающую действительность, быть может, это странное посвящение тоже поможет мне увидеть ясность...

Викторин внимательно следил за каждым его жестом. Абриэль был молод, нет, не только по возрасту. Видя перед собой практически ровесника, он ощутил себя безумно старым, пережитком прошлой эпохи, уже отжившим Королём, не понимающим новых идей и взглядов. Абриэль был слишком молод и по-юношески ветрен. Семья ещё не привязывала его настолько сильно, и он искал себя, искал настолько, насколько позволяла ему его реальность. Нет, он никогда не смог бы обвинить Абриэля в безответственности или отсутствии преданности своей семье, но в нём была ещё жива та молодая искра, бросающая на разные, не всегда оправданные, поступки, потому что такие люди не думают об этом, они чувствуют сердцем – не всегда доступное удовольствие для Королей нынешней эпохи. Абриэль был посвящённым, и его чутьё было искренним. Глядя в горящие глаза собеседника, Викторин убедился, что это не просто юношеский порыв, желание последнего подвига и приключения, а искреннее стремление туда, куда подсказывали ему незримые узоры его пути.

Недоумение и раздражение в главе дома Брюнье поутихли, уступив место задумчивости. Абриэль отправится в Иль-де-Нарса, в этом нет сомнений, но путь этот был неблизкий, к тому же, столь дикие места безусловно таят в себе множество опасностей. Путешествие может затянуться, да и в Иль-де-Нарса он может столкнуться с тем, что не под силу даже будущему главе дома Мюриэле, а как же Ноэлия...

Его сестра явно не заслуживает того, чтобы ждать собственного жениха из поездки, которая может растянуться на месяцы. Абриэль не может так поступать с ней. Поэтому он и здесь, – мысленно возразил себе Король.

- Ноэлия в курсе? – медленно спросил Викторин.

- Нет, – опустил голову Абриэль, – я хотел прежде всего переговорить с тобой.

- И поступил глупо, – рявкнул Брюнье, – твой отъезд беспокоит меня только по одному поводу: что будет с моей сестрой. Я думаю мне не нужно пояснять то, что если ты поставишь её в неудобное положение или послужишь причиной её расстройства, я найду способ возместить тебе это, будь уверен.

Абриэль только кивнул, с усилием пряча улыбку, невольно появившуюся на лице. В такие моменты суровый Викторин Брюнье приоткрывал свою непобедимую маску и являл обычного человека, слишком сильно любящего своих близких.

- Я не могу рассудить, насколько искренни твои слова, – продолжил он, – но если Ноэллия примет твой отъезд, то и я приму его.

Абриэль замер в удивлении, всё ещё думая, что ему показалось, ведь глава дома Брюнье просто не мог произнести что-то подобное в такой ситуации. Викториан, слишком властный человек, привыкший все нити держать в своих руках и самостоятельно принимать самые главные решения, вдруг отпускает ситуацию на самотёк, передавая её в руки своей сестры, которую он всю жизнь направлял и оберегал как зеницу ока. Это казалось невероятным и от этого ещё более ценным.

Боясь поверить в свою удачу, Абриэль едва выговорил просьбу сейчас же отправиться к Ноэлли и, получив задумчивый кивок, быстро покинул кабинет.

Викториан остался стоять, глядя в пространство перед собой, снова и снова обдумывая только что совершённый им поступок. Он передал всё в руки Ноэлли, его маленькой Элли, которой практически никогда не приходилось принимать каких-либо значительных решений, доброй наивной Ноэлли, которая, скорее всего, отпустит Абриэля. Но что он мог ещё сделать? Поставить ультиматум? Абриэль бы не подчинился, а рушить семью своей сестры ему не хотелось. Потребовать гарантий? Но какие гарантии может дать Абриэль кроме своего слова, которое он уже дал. Викториан усмехнулся, бурый медведь Брюнье становится сентиментальным. К сожалению, в этой ситуации он был только гостем, пусть и обладающим значительной властью. Он не мог приказать им, не мог пойти против одного из Великих законов, самого восторженного и самого страшного – закона свободной воли...

Расспросив Пелوليو и узнав, что королева Ноэллия спустилась в сад, Абриэль направился к выходу из замка. Ему нравилось здесь бывать: старинная узорчатая отделка комнат, не такая воздушная как в резиденции Мюриэле, но не менее изящная и красивая. Светский дом, у него была возможность постоянно изменять своё окружение в отличие от воинских домов, где всё остаётся неизменным с течением времени. Нет, он любил свой дом, но та лёгкость и беспечность, которую навевала резиденция Брюнье, тоже была ему дорога. Единственное, что не вписывалось в эту утопическую картину, был сам Викториан – неусыпный страж своей собственной утопии. Это был его мир, его жизнь, и вот-вот его покинет Ноэллия, и ничего уже не будет как прежде.

Абриэль глубоко вздохнул, отъезд Мирэль приносил ему похожие чувства, что-то сломалось в его маленьком мире, став частью чужого, пока ещё незнакомого мира. Но скоро в его мир ворвётся Ноэллия, и, возможно, рана от отъезда сестры затянется со временем. Наверное, так и должно быть, мы не теряем друг друга, просто близких людей становится чуточку больше, и наш личный мирок начинает играть новыми красками и оттенками.

Ноэллия сидела в плетёном кресле и шила. Абриэль невольно залюбовался ею. Солнце играло в длинных волнистых волосах, высекая золотистые искры, танцующие на серебристой диадеме, удерживающей причёску. Нежно-кремовое платье с персиковыми вставками делало её ещё одной розой, выросшей в этом саду. Тонкие пальчики быстро направляли нитку, а тёмно-синие внимательные глаза заворочено следили за процессом. Она казалась такой умиротворённой, настолько переполненной безмятежностью и такого простого и естественного ощущения счастья, что Абриэль даже на мгновение забыл цель своего визита, растворившись в этой гармонии.

Неосторожное движение зацепило ветку цветущего куста, и синие глаза тут же оторвались от своего занятия, устремив свой взгляд прямо на него. На губах проскользнула улыбка, а в глазах появилась искренняя радость.

- Абриэль, – улыбнулась она, отложив свою работу и поднимаясь к нему навстречу.

Ноэллия Эммилия Брюнье была отнюдь не миловидна и не так ангельски наивна, какой считал её Викториан. Вспоминая это, Абриэль улыбнулся: не многим удавалось увидеть в

маленькой Брюнне настоящую королеву своего дома. Для этого требовалось нырнуть в самую пучину насыщенно синих глаз и, вынырнув, осознать, что весь мир движется лишь по её воле, воле, равной которой просто трудно было найти.

Её мир был закрыт от посторонних. Наивная маска спасала её от пристального внимания общества, отдавая ей роль незначительного приложения к Викториану, но эта девушка умела быть наблюдательной, и умела делать выводы. Об этой стороне её личности не было известно даже Викториану, рядом с ним она была искренним ребёнком, ведь со своими близкими мы долгое время остаёмся детьми.

Показная простота и наивность привлекали внимание, однако не пускали никого глубже, не раскрывая душу молодой девушки. Круг общения Ноэлли также вызывал удивление у всех в Амбэрале, кому не довелось познакомиться с ней чуть ближе. Как и многие юные королевы светских домов, она вынуждена была много времени проводить среди непосвящённой знати, и в эти моменты маска сидела на ней как влитая. Но как только Великие Дома собирались вместе отдельно от всех прочих семей, собеседницей молодой Брюнне становилась Лиана Беатриче Гемблет, наследная Королева воинского дома Гемблет. Со стороны, дружба непоколебимой воительницы и изнеженной светской девочки казалась абсурдом, но это для тех, а это были практически все жители Амбэралы, кто забыл древнее повеление: «Бойтесь женщин Великих Домов, какими бы наивными и беспомощными они не выглядели. В каждой из них живёт истинная сила, и каждая из них будет биться до конца, даже если и не сможет победить.» Вот такое сердце билось в груди у Ноэлли: сердце воина, сердце защитницы, сердце истинной королевы своего дома!

Абриэль помнил их первую встречу. Приём у Люэно, куда, в очередной раз, приехали все наследники Мюриэле. Великие воинские дома редко выбирались куда-либо, тем более на территорию светских земель, но позиция Араэля была непоколебима. «Мы едем и всё!» – бросил он, заставляя детей собираться. Глава западного воинского дома надеялся, что подобные мероприятия помогут его детям познакомиться с теми, с кем им предстоит заседать в Совете и общими усилиями вести Амбэралу к её будущему. Однако во дворце Люэно его планы были совершенно неосуществимы. Толпа жителей Амбэрал-Юранде затмевала собой всё празднество, а посвящённые предпочитали стоять в стороне, не собираясь участвовать в этом происходящем сумасшествии. Именно тогда он и увидел её, она стояла рядом с Лианой Гемблет. Уже тогда ему показалось необычным подобное знакомство, и он подумал, что эта девочка не так проста, как кажется на первый взгляд. Позже были другие встречи, балы, приёмы, и, как-то незаметно для себя, они стали радоваться новым встречам и печалиться, когда наступало время прощаний. Абриэль никогда в своей жизни не ощущал такой лёгкости, сквозившей в их разговоре, разве что когда рядом была Мирэль, но это было другое. Со временем всё изменилось, разрешение глав домов было получено, и вот Ноэлли уже стала его невестой. Вот только останется ли она ей после всего, что ей предстоит услышать сейчас?

- Ноэль, – улыбнулся Абриэль, медленно подойдя к девушке и взяв в свои ладони её руки. Им не нужно было слов, достаточно лишь взгляда, чтобы передать все те чувства, что так грубо и неуклюже описываются словами. В такие моменты им не нужно было ничего, кроме того, чтобы быть рядом. Ещё Викториан и Араэль замечали, что вместе они словно создают свой собственный мир, недоступный ни для кого другого.

Ноэлли ощущала его тёплую радость от встречи, но в ней настойчиво сквозило беспокойство: какое-то виноватое выражение то и дело мелькало в глазах её жениха, перемешиваясь с искренними чувствами от их встречи.

- Абриэль, – она отстранилась от Мюриэля и внимательно заглянула ему в глаза, – ты прибыл по делу, ведь так?

Абриэль замялся, плечи ссутулились, а глаза приняли досадливо-виноватое выражение, словно её жених никак не мог дать тот ответ, который девушка захотела бы услышать. В такие

моменты она вспоминала, что он – наследник дома Мюриэле, а не только её Абриэль. Вся его фигура говорила о твёрдости и непоколебимости намерений, но Ноэллия знала, что в душе в этот момент у него всё сворачивалось в узел от страха, что она не сможет понять и принять его решение. Он был силен в бою и за столом переговоров, но с близкими людьми он был открыт и беспомощен, даже если внешне он не показывал этого.

- Да, – чуть слышно отозвался он, – дело в том, что мне необходимо уехать.

Ноэллия стойко выдержала эту фразу. За мгновение миллионы мыслей пронеслись в её голове, начиная с того, что помолвка расторгнута, заканчивая гораздо более худшими вещами, но мудро порешив не торопить события, она только кивнула, приглашая его продолжить.

- Мне необходимо уехать в Кер-носе-Мане.

- Сердце Истоков? – недоумённо переспросила Ноэллия.

- Да, – кивнул Абриэль, он сел в кресло напротив неё и опустил взгляд. – Вчера ночью Ерардэр Морзано принял меч дома. Я был там, дом Морзано действительно обрёл истинного Короля, но за столько лет беззакония от традиций дома мало что осталось. Ерардэр понимает это, поэтому он попросил меня отправиться с ним в Иль-де-Нарса и посетить хранилище.

Ноэллия мысленно выдохнула, по крайней мере, её подозрения оказались ложными и неправдоподобными. Она знала, что Абриэль дружен с наследником Морзано, но не предполагала, что ей придётся настолько близко столкнуться с этой дружбой. Ей было известно об отношениях Абриэля и Анаэля. Если их и можно было назвать братьями, то с большой натяжкой. Когда же младший Мюриэле говорил о Ерардэре, то напоминал собой Фернандесса Истаресса, рассказывающего о своём младшем брате. Ей не нужно было слов, чтобы понять, как важен для её жениха его друг, и, войдя в его жизнь, ей придётся принять её со всеми дополнениями и последствиями.

- Я не могу точно сказать, что движет мной, Ноэль, может, я просто боюсь, что Ерардэр не выберется оттуда живым, а может, просто надеюсь найти там что-то, что может дать расцвет и моему дому тоже. Я не знаю, но я чувствую, что мне нужно туда отправиться именно сейчас.

Ноэллия внимательно посмотрела на своего жениха. Опущенные руки, открытый взгляд, Абриэль был искренен с ней, он сказал ей правду, и девушка действительно ценила это. Она не могла сказать, что очень хорошо знала наследника дома Мюриэле, однако за годы их знакомства и недолгое время помолвки она уяснила одно, Абриэль никому и никогда не раскрывает своих слабостей. Но сейчас он сидел перед ней и признавался, что не знает, что гонит его в далёкие земли. Он мог соврать. Абриэль не знал, что Ноэллия легко почувствует его ложь. Мысленно королева призналась себе, что даже если бы она поняла, что он солгал, девушка ни за что бы не подала виду. Но сейчас он раскрыл перед ней все карты и добровольно передавал решение в её руки.

На мгновение младшую Брюнье охватила паника. Никогда ещё в своей жизни она не принимала столь ответственных решений, тем более не принимала решений за кого-то. А сейчас ей нужно было решить за будущего Короля дома Мюриэле, одного из величайших воинов своего времени. Ноэллия знала, что кто бы не переубеждал его до неё, он с лёгкостью бы отверг любые пути. Но она... Если она скажет нет, он останется. Один её каприз и всё останется по прежнему..., но что будет стоять Абриэлю отступить от выбранного пути. Затянув цепи, она может убить его, окончательно лишить его воли и силы. Он не понимал, что с ним происходит, но Ноэллия понимала слишком хорошо. Королева светского дома хаоса видела, как мучительно принимает воин порядка стихийное течение силы. Мюриэле не привык к такому, подобное пугает его, но всё, что он чувствовал было лишь осознанием пути, прочерченного ему Нитями Вечности.

Неужели она, дочь дома Брюнье, будущая королева дома Мюриэле может поступить эгоистично в такой ситуации? Конечно же, нет.

Медленно тонкая ладонь легла ему на щёку, заставляя поднять глаза.

- Абриэль, – чуть слышно проговорила Ноэллия, и во взгляде её было полное спокойствие и осознание, – я всё понимаю. Это твой путь, и я не вправе удерживать тебя от него. Наши судьбы связаны, это подтвердил дом Фьене, поэтому ни для кого из нас не имеет значения, если перед этим нам нужно будет выдержать ещё одно испытание. Я знаю, что этот путь важен для тебя, и я верю тебе и верю, что тебе удастся со всем справиться и вернуться.

Абриэль смотрел в искренние тёмно-синие глаза своей невесты. Он чувствовал, что вот-вот из них могут пролиться горькие горячие слёзы, но она улыбалась. Улыбалась, несмотря на то, что тысяча сомнений и страхов каждое мгновение заполняли её сознание, но она снова и снова отбрасывала их, потому что знала, потому что верила в него.

- Ноэль, – не в силах сказать что-либо Абриэль крепко обнял её, уткнувшись лицом в мягкие светлые волосы, – дождись меня, – шептал он, – я вернусь, слово наследника дома Мюриэле.

Ноэллия только кивнула, украдкой позволив нескольким слезинкам выкатиться из глаз. Ещё раз прижав её к себе, Абриэль отстранился и последний раз взглянув в глаза своей невесты, отвернулся и направился к выходу из сада.

Викториан нашёл сестру в саду у озера, там, где оставил её Абриэль. Казалось бы, ничего не изменилось, и безмятежная картина снова наполнила этот сад, и лишь только глава дома мог заметить чуть дрожащие пальцы и покрасневшие глаза молодой девушки, синева которых наполнилась грустью и задёрнулась дымкой непролитых слёз.

- Тыпустила его, – мягко констатировал Викториан, остановившись в двух шагах от неё.

Ноэллия встrepенулась, но, не поднимая головы, ответила.

- Да, у меня не было права удерживать его в Амбэрале, – несмотря на дрожь, голос её звучал твёрдо, от чего глава дома Брюнье невольно улыбнулся.

- Но ведь ты же могла его остановить, – продолжил Викториан, наблюдая за реакцией сестры.

- Могла, – глухо ответила Ноэллия, но тут же, словно услышав себя, она подняла взгляд и ответила более твёрдо. – Да, могла. Он позволил мне вершить его судьбу. Я не могла не оправдать такого доверия. Я знаю, это его путь, и если это наше испытание, то я пройду его вместе с ним.

Викториан грустно улыбнулся. Его маленькая девочка уступила место сильной и непоколебимой королеве Брюнье, будущей королеве Мюриэле, знающей истинную ценность этих уз. Но при этом, какой бы сильной она ни была, она всё так же оставалась его маленькой Элли. Он крепко обнял свою сестрёнку, прижимая к себе, чувствуя, как она, наконец-то, позволила себе заплакать.

- Мы справимся, Элли, мы пройдем это вместе, – подумал он и мысленно пообещал себе, что несмотря ни на что, он всегда будет рядом, и будет верить её сердцу, сердцу его надежды.

Судьба видела белого всадника, во весь опор скачущего на север. Постепенно Нити судьбы вплетались в единый ковёр. Ещё немного и случится предначертанное. Уже сейчас в силуэте белого всадника, молодого наследника Мюриэле, можно было увидеть черты Нитей времени, вплетающихся в узор молодого воина, скачущего прочь из горящего замка...

Глава 2. Еرارдэр

За окном начался дождь, тяжёлые капли со звоном разбивались о стекло, грозя ворваться внутрь и разрушить тепло и тишину комнаты. Камин пылал ярко, освещая тёмную фигуру Еرارдэра, задумчиво разглядывающего меч дома. Теперь он его, три поколения его семьи не могли его получить, а теперь он здесь, в его руках. В детских мечтах Еرارдэр, естественно, видел себя законным Королём, но до сих пор не мог поверить, что это случилось наяву. Огромный груз ответственности разом рухнул на его плечи, вся многовековая история и сила дома теперь зависела от его решений. Еرارдэр боялся ошибиться, боялся, что не оправдает доверия, возложенного на него домом. Что он может сделать? Кто он, чтобы вершить судьбы этого мира?

- Ты – Еرارдэр Морзано, – пришёл мысленный ответ, – и этого более чем достаточно. Зачастую, этому миру гораздо лучше известно, что нам по силам, а что нет, и если нас ставят перед тем, что кажется недостижимым, то точно знают, что в наших силах сделать невозможное.

Вечером пришла весть от Абриэля: он едет с ним. Мысль о том, что Еرارдэр поедет не один придавала ему уверенности. В конце концов, Иль-де-Нарса дали клятву допускать в Сердце Истоков всех истинных потомков Великих Домов, кто нуждается в знании. Абриэль – законный наследник, а у Морзано есть меч дома. Никто не посмеет встать у них на пути или усомниться в их праве. Больше всего беспокоило то, что ни он, ни Абриэль практически ничего не знали о королевстве Иль-де – Нарса. Все старые записи, созданные много веков назад давно устарели и едва ли могли отражать текущую действительность земель Голубых лесов. Да и не так много информации пережило падение Великих Домов, по какой-то причине отступники стремились уничтожить эти знания в первую очередь. После создания Амбэралы, Иль-де-Нарса остались в стороне, и, постепенно, связь с ними прервалась. Еرارдэр не мог даже предположить, что их ждёт, но искренне надеялся на помощь тех, чья память значительно превосходила память его дома. Абриэль будет здесь через три дня, поскольку ему нужно было решить свои дела с родными. Тогда у Еرارдэра оставалось достаточно времени, чтобы навеститься в земли дома Истаресс, посетить храм памяти, и, если Фернандесс позволит ему зайти в библиотеку, то возможно Морзано удастся найти хоть какие-нибудь знания о том, с чем они могут встретиться в этом путешествии. Он не мог не попытаться узнать хоть что-то, что увеличит вероятность того, что они смогут пережить этот поход.

Неожиданно тяжёлая дверь скрипнула, и в открывшейся полоске света проявилась фигура Керлиндера, его троюродного брата и наместника. Ненадолго задержавшись у входа, он вошёл, плотно прикрыв за собой дверь. Танец языков пламени отражался в зеленовато – голубых глазах наместника, делая их по-кошачьему жёлтыми и хищными, светлые волосы были взлохмачены, и магия огня загадочно украшала их своими искрами.

- Все приближённые дома соберутся завтра к вечеру, – заговорил он, присаживаясь напротив, – они готовы принять тебя и посылают искренние поздравления с принятием меча и короны.

- Спасибо, Керлиндер, – слегка улыбнувшись, ответил Еرارдэр, – без тебя, я бы не справился со всем этим.

- Чепуха, – фыркнул тот, – ты это знаешь не хуже меня, к тому же, – он усмехнулся, хотя его усмешка больше напоминала лёгкую улыбку, – как наместник Великого Дома Мюрзано, я обязан выполнять определённые функции, имеющие огромную важность для каждого жителя королевства, – всё это было сказано наигранно-важным тоном с паузами и придыханием достойными самой настоящей театральной постановки. Керлиндер просто дурачился, впервые за недолгое время почувствовав себя свободно. Однако Еرارдэр не выдержал этого

каламбура и запустил в брата диванную подушку, которую тот ловко поймал и тут же отправил обратно.

- Да, может великим Королём вы уже и стали, но меткости вам всё равно не достаёт, – продолжал смеяться Керлиндер.

Терпение Ерардэра лопнуло:

- Ну, Керер, держись, – крикнул он и, схватив злосчастную подушку, бросился на ничего не ожидавшего брата. Тот на секунду опешил, быстро пришёл в себя и, схватив с дивана вторую подушку, тоже ринулся в бой.

Спустя двадцать минут оба великих воина и монарха дома Морзано валялись на полу, не в силах остановить смех. В последний раз они так смеялись семь лет назад, когда Ерардэр ещё жил вместе с Керлиндером, его семьёй и Гретелией. Тогда они ещё были беззаботными детьми, которые могли весь день посвящать своим собственным делам, не заботясь ни о чём на свете. Оба на секунду подумали, что уже скучают по тем временам. Но время требует вернуть долг, и они были не способны уклониться от его воли.

Отсмеявшись, Ерардэр посмотрел на потолок. За годы жизни в цитадели, он никогда не замечал, насколько тот был красив. Обычно кабинет отца был связан для Ерардэра не с самыми приятными воспоминаниями. Юный Морзано всегда старался покинуть его как можно быстрее и поэтому даже не замечал, как над его головой разворачивалось прекраснейшее действие.

Весь потолок был покрыт яркой фреской, выполненной в сине-серебристых тонах, как и все помещение. Она изображала знакомый с детства сюжет, который каждый ребёнок Великого Дома читает с благоговением и ощущением осязаемого чуда и своей далёкой причастности к этому действию. Эта была та сказка, частью которой они могли стать. Они – то, во что превратил Амбэральский договор Великие Дома, они – эпилог этой сказки, а ведь всегда здорово ощутить себя частью чего-то глобального и волшебного.

В каждом Великом Доме была такая фреска, но, написанные в разное время, каждая из них по-своему иллюстрировала прошедшие события. Фреска в кабинете главы дома Морзано была одной из старейших среди Великих Домов. Воинские замки вообще редко перестраивались, да и для них были в сто раз милее старая тяжёлая резьба, выполненная ещё в эпоху заключения Амбэральского договора, чем новая лёгкая классическая лепнина, украшающая залы большинства светских домов.

На потолке были изображены двенадцать молодых людей, стоящих вокруг каменного стола. Каждый из них имел определённые атрибуты и черты, свойственные своему дому. Воинские дома обнаруживались сразу, едва ли последние тысячелетия сильно сказались на них. Ближе к центру можно было увидеть яркую Фигуру представителя северного воинского дома Морзано. Самого Морзано. История не сохранила имён тех, кто заключил Амбэральский договор, они так и остались призраками, скрытыми за именами своих семей. Первый Морзано был высокого роста с длинными чёрными волосами и тёмными болотно-зелёными глазами, облачённый в традиционное чёрно-серебряное одеяние. Едва ли в Ерардэре можно было узнать потомка этого Великого воина, но время беспощадно к истории, и суровый страж ночи уступил место молодому зеленоглазому Ерардэру, также держащему в своих руках меч своей семьи. Напротив нарисованного Морзано стояла хрупкая фигура светловолосой девушки в бело-голубом платье, цвет которого бесспорно указывал на западный воинский дом Мюриэле. Абриэль, ожидая его после посвящения, рассмотрел изображение, и сказал, что в их замке Мюриэле изображена точно также, что заставило Ерарэра ещё раз восхититься своим старинным замком и историями, которые он хранит в своих стенах. Через сектор от Морзано стояла ещё одна девушка – главный предмет спора многих веков и потомков южного воинского дома. Длинные тёмные волосы, тёмно-серые глаза, красно-чёрное платье – это была Гемблет, истинная Гемблет, глава восточного воинского дома. Ерардэр невольно вглядывался в черты древней Королевы. Она казалась печальной, словно пережившей глубокую утрату или предательство

самых близких и дорогих людей. В её чертах он угадывал Лиану, нынешнюю Королеву Гемблет, величайшую наследницу своей семьи. Гемблеты тоже падали на достаточно долгое время, и путь главы восточного воинского дома будет лишь чуточку легче его собственного. Лиана Гемблет была лишь второй истинной главой своего дома после его очередного затяжного падения. Гемблеты потеряли многое, и он точно знал, что именно эта фреска была безвозвратно перерисована и навсегда утрачена в восточной цитадели. Напротив изображения Гемблет стоял рыжеволосый воин, которого по облачению можно было скорее принять за праздничного церемониймейстера, чем за одного из великих воителей древности. Арити, – про себя улыбнулся Ерардэр, – южный воинский дом. Свою рыжесть они сохранили вплоть до текущего времени вместе со своей мудростью и честью. Между ними стояли ещё восемь человек, но узнавать их было гораздо сложнее. Четыре светских и четыре жреческих дома сильно изменились за прошедшие тысячелетия. Без ошибок он мог назвать лишь двоих. Золотоволосая девушка, в руках которой была огромная книга в золотистом переплёте, без сомнений являлась Истаресс – главой дома памяти. Напротив неё же располагался великий маг, опиравшийся на посох. Ни свободное сине-фиолетовое одеяние, ни таинственный посох не сохранились в этой семье, и лишь медальон на шее, выполненный в виде песочных часов, указывал на принадлежность к хранителям времени, последним потомкам великих стражей – Фьене. Остальные же фигуры стирались в незнакомую массу, и лишь черты их лиц могли позволить предположить, к какому дому относится каждый из них. Но Ерардэр уже отвлёкся, переведя взгляд в центр старинной фрески, где был изображён круглый янтарный стол с тринадцатью мечами, равномерно расположенными на четырнадцати секторах окружности. Среди знакомых до боли клинков Великих Домов лежал хрустальный меч, последнее, что осталось от Лит-эс-Этте, исчезнувшего Великого Дома порядка. На картине его передавали молодому Литеусу, ещё ребёнку, посвящённому во все таинства Великих Домов и давшему клятву хранить мир в Амбэрале и поддерживать единство Великих семей. Он должен был стать главным вассалом амбэральских правящих семей, однако, к сожалению, в последние десятилетия занимающие это место слишком часто стали забывать о своей истинной роли. Ерардэр невольно скривился, вспоминая нынешнего Литеуса. Он даже не был уверен, что тот прошёл посвящение, не говоря уже о прочих обязанностях Наместника Амбэралы. Однако на этой картине была ещё одна фигура, которая никак не могла укрыться от внимания Ерардэра. Она манила к себе своей загадочностью, при этом не давала ответа ни на один вопрос, терзавший молодого Короля. Чуть поодаль от общего стола стояла она. Тёмно-зелёное платье свободно развивалось, словно с самого рождения оно было частью ветра, длинные, взлохмаченные, распущенные волосы следовали за ним, а в тёплых тёмно-карих глазах застыла великая мудрость и смирение. Словно глядя на них, юных наследников, творящих амбэральский договор, она уже видела кончину всех этих детей судьбы. Иль-де-Нарса, отказавшаяся вступить в Амбэральский союз, но разрешившая построить на своей территории Кер-носе-Мане, став невольно хранительницей всего наследия чужого государства. Зачем ей это? Ерардэр не мог понять. Страницы истории и тысячи лет погребли истину под своими одеяниями, но, может быть, ему удастся открыть хоть щёлку, чтобы понять, зачем было сделано столько, чтобы просто объединить двенадцать разрозненных королевств. Ерардэр хотел знать больше, чтобы хоть немного предположить, что ждёт его там, за границей Амбэральских земель, в далёких и неизведанных землях Голубых лесов.

- Керер, – неожиданно серьёзно позвал он, – мне необходимо уехать в Иль-де-Нарса, я должен спуститься в Кер-носе-Мане.

От неожиданной смены настроения Керлиндер невольно вздрогнул и сел, внимательно разглядывая своего брата. Ерардэр продолжал глядеть в потолок, словно сказанные им слова были полны обыденности, а реакция наместника была вполне привычным и уже успевшим наскучить, явлением.

- Ты хочешь восстановить наследие, – тихо с пониманием отозвался Керлиндер. Несколько мгновений было достаточно для него, чтобы понять, зачем Ерардэру так необходима эта поездка, как и то, что молодой Король не отступится от неё. В глубине души наместник Морзано разделял порыв своего брата, ему тоже хотелось восстановить былую силу и знания некогда великого воинского дома. Истинный Морзано в нём рвался в бой, не страшась никаких препятствий, но наместник опасался.

- Это небезопасно, Ерардэр, – чуть слышно начал он, – ты всего лишь первое поколение истинных правителей Морзано, если с тобой что-то случится...

- То есть ты, – резко перебил его Ерардэр. Керлиндер обречённо вздохнул и мягко, но уверенно продолжил.

- Да, есть я, но ведь ты прекрасно понимаешь, что правление наместника, пусть и законного, намного уступает царствованию истинного Короля. У тебя нет наследников, Ерардэр, и много недругов. Ты рискуешь своим домом, отправляясь в этот поход.

- Но со мной будет Абриэль, – усмехнулся старший Морзано, – вряд ли найдётся что-то, что сможет превзойти по силе нас обоих.

- Земли Иль-де-Нарса неизвестны и покрыты ореолом тайны. Возможно, что там таится то, что вы даже представить себе не смогли бы, – Керлиндер помолчал несколько мгновений, ещё раз мысленно оценивая ситуацию. Наместник понимал, что Ерардэр поедет, хочет он того или нет. Керлиндер и сам чувствовал, что судьба направляет молодого Короля, и он не был намерен становиться у него на пути.

- Хорошо, – согласился наместник, – я сделаю всё, что необходимо, но ты должен обещать мне одну вещь.

- Какую? – чуть улыбаясь переспросил Ерардэр. Кериэль широко улыбнулся, а его глаза вспыхнули азартом.

- Ввиду нашей уязвимости, – шутливо начал он, – по возвращении ты обещаешь мне подумать о следующем поколении.

- Естественно, господин наместник, – рассмеялся Ерардэр, наконец-то поднимаясь на ноги.

В тот же вечер, несмотря на дождь, Ерардэр верхом выехал в Святилище Истаресс, надеясь успеть вернуться домой к вечеру.

Как и дом Фьене, Истарессы относились к жреческим домам и сохранили ещё одну из способностей, давно потерянную другими домами: способность помнить. Представители этой семьи славились отличной памятью на любые мелочи, а также умели чувствовать время и по мелким крохам видеть всю картину прошлого. Это было словно проматывание Нитей времени назад, хоть и не требовало таких затрат энергии как ритуал Фьене. Многие знания документировались и представляли собой легендарную Библиотеку Истаресс – величайшее хранилище, уступающее разве что Лит-эс-эттским склепам, уже давно потерянным, и Иль-де-Нарсовским хранилищам. Однако существование последних на сегодняшний день вызывало огромные сомнения. Правителей Истаресс всегда было двое: старший наследник становился главой дома и великим хранителем силы своей семьи, младший же, помимо наместника, становился хранителем библиотеки. И лишь разрешение обоих правящих Истарессов могло открыть туда путь кому-то постороннему. Ерардэру предстояло встретиться с Фернандессом и Юанессом – молодыми наследниками дома. Они ещё не вступили полностью в своё звание, так как подготовка молодых Истарессов длилась восемь лет, и только после этого они могли официально вступить в свои права. До этого времени они уже считались главой и наместником, однако реальная власть продолжала принадлежать старшему поколению: Суанесу Антаресу – их отцу и Терранесу Антарессу – их дяде.

Если бы ему пришлось идти на разговор в любом другом доме, Еرارдэру предстояло бы встретиться с действующим главой семьи, однако у Истарессов было своё правило на этот счёт. Как хранители памяти они ценили взаимосвязь поколений, и поэтому всех пришедших встречал человек их собственного поколения, их собственного времени и сознания. Еرارдэра это очень сильно успокаивало: значительно проще было беседовать со знакомым с детства Фернандессом, чем невольно робеть перед Руаном Суанесом, его отцом, иногда напоминающим неприступные горы, с совершенно непоколебимым лицом и пронзающим взглядом.

Как и дом Фьене, храм Истаресс был открыт для посещений, и каждый желающий мог попросить о помощи. И, если его просьба была оправдана, ему помогали. К сожалению, сейчас этот дом, как и во многом дом времени, потерял свою значимость для большинства жителей Амбэралы. Люди больше не желают знать прошлое, предпочитая повторять одни и те же ошибки и думать, что они уникальны на своём пути. Они не желают учиться на знаках прошлого, а стыдятся их, наивно полагая, что знание нелицеприятных фактов очерняет их самих, а отнюдь не даёт им толчок двигаться дальше и не допускать непоправимое. Лишь Великие Дома до сих пор обращались к дому Истаресс, поскольку после отсоединения Иль-де-Нарса, он стал последним хранилищем знаний на территории двенадцати королевств.

Дождь уже перестал идти, когда чёрный всадник подъехал к замку семьи Истаресс. В отличие от многих прочих резиденций светских и жреческих семей, резиденция этого дома представляла собой классическое сочетание геометрических форм, обрамлённых небольшими бортиками и классическими колоннами. Весь вид здания отражал простейший закон этого дома – ничего лишнего, кроме нужного. У замка не было крепостной стены, основной черты воинских домов, однако Еرارдэр знал, что сама Библиотека Истаресс ничуть не уступает в защите цитаделям Мюриэле, Морзано, Арити и даже Гемблет. Не стоило недооценивать хранителей памяти, как и не стоит недооценивать силу самой памяти, способной неожиданно подарить неоспоримое преимущество тому, кто владеет знанием.

Передав коня служителям храма, Еرارдэр медленно поднялся по каменным ступеням, идущим к основному зданию и поднимающимся на высоту около пятидесяти метров. Эта лестница запомнилась ему ещё по детским забавам. Когда Истарессы устраивали приёмы, на которые он, к удивлению многих, был приглашён вместе с Гретелией, они с Фернандессом и Юанессом сбегали на улицу и носились по лестнице, стараясь обогнать друг друга. Беззаботное детство быстро кончилось, но светлые воспоминания остались. И теперь, поднявшись наверх, он открыл дверь, встретившись с серьёзно-насмешливым взглядом повзрослевшего Фернандесса.

Фернандесс Суанесс Истаресс был его ровесником, высокий и довольно худой, в детстве он скорее казался младшим братом рядом с таким же высоким, но более крепким Юанессом. Одет он был в традиционное жёлто-золотистое одеяние дома, сочетавшееся с его светло-рыжеватой шевелюрой, едва закрывающей уши. Голубые глаза внимательно разглядывали гостя. Оба наследника не виделись несколько лет, с тех пор как Еرارдэра его отец в очередной раз выслал из дому, и теперь Морзано не знал, как вести себя со старым другом.

Несмотря на насмешку в глазах, лицо Фернандесса не дрогнуло, он чуть наклонил подбородок в приветственном жесте, следя цепким взглядом за новым гостем. Еرارдэр недоумённо кивнул в ответ.

- Приветствую вас в великом храме времени, Еرارдэр Ристофер Морзано, – монотонным голосом начал он, – надеюсь данное посещение даст вам ответы на ваши вопросы.

От неожиданности столь официального обращения и приветствия Еرارдэр замер, не в силах сказать ни слова. Даже с годами выработанный самоконтроль не смог скрыть с лица безумного удивления и недоумения. Он понимал, что теперь к нему должны обращаться подобным образом, но оказался совершенно не готов к тому, чтобы встретиться с таким отношением.

- Фернандесс Суанес Истаресс, – медленно начал Ерардэр, возвращая себе способность говорить, – благодарю вас за приветствие, и надеюсь, что сотрудничество наших домов поможет нам на пути истины.

На несколько мгновений между ними повисло молчание, но лишь для того, чтобы разом прерваться громким хохотом, официально недопустимым для столь почтенных и древних стен. Двое хохотали, напрочь позабыв про все правила приличия. Сейчас они были не действующими Королями домов, а теми же мальчишками, не раз разбивавшими колени на здешних ступенях.

С трудом остановив рвущийся наружу смех, Фернандесс улыбнулся и крепко обнял своего старого друга.

- Рад видеть тебя, Ерер, – улыбнулся Фернандесс, – похоже тебе по-прежнему неблизки официальные приёмы и церемонии?

- Не преувеличивай, – притворно фыркнул Морзано, – я просто не привык видеть у тебя настолько самодовольное выражение лица.

- Ну да, ну да, – кивнул Истаресс и продолжил, – я понимаю, что ты здесь по делу, поэтому думаю, что лучше нам будет пройти в залы.

Они двинулись по светлому коридору вглубь помещения к книжной гостиной. Она называлась книжной, поскольку все её стены были заставлены книгами, в которых находилась наиболее часто запрашиваемая информация, не несущая в себе какой-либо серьёзной ценности или тайны. Мебель из тёмного дерева и золотистый ковёр в виде солнца только дополняли атмосферу спокойствия и уюта.

Они опустились в кресла. Фернандесс посмотрел на своего друга, призывая начать разговор. Оба они давно не виделись, но, учитывая напряжённые отношения в семье Морзано в последние годы, едва ли Ерардэр приехал сюда ради дружеской встречи.

- Мне необходимо посещение библиотеки Истаресс по одному вопросу, – официально начал Морзано, зная, что на такие темы нужно говорить только серьёзно. Это был уже не разговор двух друзей детства, а диалог двух домов, каждый из которых силен и почитаем по отношению к другому. В этой речи нет места шуткам и иносказаниям, каждое слово выдаёт собственную суть, ведь оба дома рискуют, вступая в подобный союз.

- Ты получил разрешение старшего дома? – нехотя спросил Фернандесс. Наследник семьи мог обратиться к ним только с позволения главы дома, и молодой Истаресс вынужден был соблюдать этот закон, даже несмотря на то, что прекрасно знал, что Ристофер был фиктивным Королём и ужасным отцом. Если его друг скажет нет, то он ничем не сможет помочь ему, как бы ему того ни хотелось.

- Я и есть глава дома, – грозно и уверенно проговорил Ерардэр в подтверждение откидывая полы плаща, открывая глазам Фернандесса простой старинный меч, но для Истаресса не требовалось дополнительных подтверждений, чтобы понять, что это истинный меч дома Морзано.

- Но... как? – еле слышно спросил Фернандесс, не в силах поверить собственным глазам.

- Ристофер упал с лошади и умер два дня назад. Сразу после этого я принял посвящение, – ровным тоном ответил Ерардэр, опуская глаза.

- Ясно, – кивнул Истаресс, приходя в себя. В глубине души он до сих пор не мог принять тот факт, что его друг теперь законный Король дома Морзано, дома, где уже много лет никто не мог получить меч своей семьи, – но что тебе нужно в хранилище?

Ерардэр вздохнул и медленно ответил:

- Мне необходимо узнать хоть что-то про Иль-де-Нарса, я принял решение посетить Кер-носе-Мане и хочу понять, что ждёт меня там.

- Кер-носе-Мане, – ещё более удивлённо спросил Истаресс, – но туда уже давно никто не ездит, даже в Сердце Истоков.

- У меня нет выбора, Ферес, – покачал головой Морзано, – за годы падения моего дома многие знания были утрачены, а подобную потерю не восстановить ничем, даже с помощью библиотеки Истаресс, – он внимательно посмотрел на друга, взглядом договаривая, что, несмотря на их дружбу и слабость его собственного дома, Еرارдэр не готов был стать временным вассалом дома памяти, – а права на ошибку у меня нет, иначе мой дом впадёт в небытие ещё на несколько поколений. Кер-носе-Мане мой единственный выход, чтобы восстановить всё. Я не хочу отправляться в полную неизвестность, поэтому и прошу у тебя разрешения посетить хранилище.

Фернандесс кивнул. С одной стороны, он понимал своего друга: его дом находился на грани полного исчезновения, а ещё одного падения Амбэрала вряд ли переживёт. Истарессы ещё помнили, что первая трагедия в этих местах произошла по причине того, что один из Великих Домов полностью исчез, не оставив после себя наследников. С другой стороны, знания об Иль-де-Нарсе относились к одним из самых секретных, и он не мог самовольно предоставить своему другу эту информацию.

Истаресс поднялся и посмотрел в окно. В такие минуты посвящённый хранитель памяти понимает, какую ответственность он несёт перед этим миром. От его воли может зависеть существование Великого Дома, а, следовательно, и всей Амбэралы.

- Мне необходимо поговорить с Юанессом, – наконец ответил Фернандесс, – знания об Иль-де-Нарса хранятся в старом хранилище, Истарессы не спускались туда уже около шести-десяти лет.

- Я понимаю, – кивнул Еرارдэр, – вне зависимости от вашего решения я отправлюсь в земли Голубых лесов. Прошу лишь по возможности направить меня теми знаниями, которые вы можете мне открыть.

- Спасибо, что понимаешь, – грустно улыбнулся Фернандесс, – подожди здесь, мне необходимо увидеть Юанесса.

Еرارдэр кивнул, и старший Истаресс покинул комнату.

Ни Суанеса, ни Терранеса не было в храме, однако Фернандесс и Юанесс уже имели полное право самостоятельно принимать подобное решение. Это было частью их посвящения. Спустившись на нижние этажи, старший Истаресс зашёл в одну из комнат, отделанных светлым деревом с узорами осенней листвы. Юанесс сидел в высоком кресле и перечитывал какие-то списки. В отличие от брата, Юанесс был в меру крепкий, волосы его были темнее, скорее рыжевато-каштанового оттенка, но глаза у обоих братьев были голубые, словно наполненные истинным спокойствием знаний и памяти.

- Юанесс, – окликнул вошедший, на что младший Истаресс поднял голову и внимательно посмотрел на своего брата. Фернандесс был из тех людей, кто даже в серьёзные времена всегда сохранял улыбку и лёгкое отношение к жизни. Сейчас же он стоял перед ним с каменным лицом, и Юанесс невольно замер, готовый услышать любую новость, начиная от начала войны и заканчивая полным уничтожением Амбэралы.

- Что случилось? – чуть слышно переспросил он, боясь подумать о худшем.

- В храм прибыл Еرارдэр Морзано, – чуть слышно проговорил Фернандесс, присаживаясь рядом и продолжая пялиться в пол с таким видом, словно он только что уронил любимый мамин стеллаж с книгами. Впрочем, даже когда он это сделал, вид его был менее раскаивающимся.

В ответ на сказанное взгляд младшего Истаресса наполнился облегчением и ярым возмущением. С какой стати его старший брат сначала пугает его своим обречённым состоянием, а потом сообщает о том, что их старый друг посетил цитадель.

Невольно прочитав по лицу брата всё, что он об этом думает, Фернандесс невозмутимо продолжил.

- Теперь он глава дома Морзано, Ерардэр получил меч сразу же после смерти Ристофера. Я видел клинок, – бросил он на немой вопрос Юанесса, – это действительно подлинник. Он собирается отправиться к Сердцу Истоков, поскольку за годы безвластия многие знания и традиции его семьи были утеряны. Ерардэр просит дать ему информацию о землях Иль-де-Нарса, чтобы он знал, что ждёт его на пути.

Юанесс задумался. Теперь серьёзность его брата стала ему понятна. Данные об Иль-де-Нарса уже много веков не выходили на свет. Считалось, что они хранят в себе истинную суть силы, которую опасно было раскрывать недостойному. Это был первый раз, когда они с братом вынуждены были принять решение о раскрытии или не раскрытии информации. Старшие откажутся помогать им: это должно было быть их решением.

- Если мы не поможем, – начал Юанесс, – то есть вероятность, что Ерардэр погибнет в Иль-де-Нарсовских болотах, и дом Морзано снова шагнёт назад на своём пути, и неизвестно, когда ещё будет дан новый шанс на его возрождение.

- Я понимаю, – вздохнул Фернандесс, – но не знаю, как поступить в данной ситуации.

- Ты ему веришь? – осторожно спросил Юанесс, внимательно вглядываясь в глаза своего брата. Он знал, что уже сейчас Фернандесс перенял многое от истинных Истарессов, даже не подозревая об этом. Его внутренне чутьё уже просыпалось и всё чаще и чаще давало отголоски, заметные всем, кроме самого старшего наследника, всё ещё в шутку продолжающего называть себя бездарем.

Фернандесс задумался и прислушался к себе. Верит ли он Ерардэру? Конечно, ведь он его лучший друг, но должна ли дружба влиять на дела дома, тем более когда речь идёт о доме памяти.

Юанесс понял без слов то, что терзало будущего Короля Истаресс, он улыбнулся, все ответы действительно были на поверхности.

- Он твой друг, ведь так, – мягко начал младший наследник, Фернандесс только кивнул в ответ, – ты посвящённый Истаресс, умеющий слушать себя. Неужели твоё чутьё тебя подведёт, и ты назовёшь другом недостойного человека? У него есть меч, истинный принятый меч, и это лишь подтверждает его слова. Если твоя душа верит ему, значит, он действительно достоин этой чести, – закончив, Юанесс легко рассмеялся и шутливо пригрозил, – не стоит сомневаться в себе, великий Истаресс.

Фернандесс рассмеялся и шутливо пихнул брата в бок.

- А вам не следует зазнаваться, Хранитель Истаресс, – и, поднявшись со стула, двинулся к выходу, обернувшись только стоя в проходе, – тогда через полчаса у библиотеки, мне одному её не открыть.

Дождь снова зарядил не на шутку, когда три фигуры вышли из основных ворот замка Истаресс и двинулись вверх в горы. Библиотека Великого Дома Истаресс находилась в небольших горах, возле которых и была расположена резиденция семьи. Пройдя несколько минут под дождём и окончательно потеряв из виду резиденцию, они подошли к гладкому участку горы, расположенному в сердце холмов, в самой низкой точке этих мест, по уровню даже ниже, чем фундамент самой резиденции. Ничем не примечательная скала, однако, цепляла глаз Ерардэра. От неё тянуло чем-то необъяснимым, далёким, глубоким, древним как мироздание и могучим как Беспредельность. В этот момент юный Морзано окончательно поверил, что он ещё не потерял возможность чувствовать сосредоточение сил Вечности, ибо в этом месте они просто били ключом.

Оба Истаресса, не сговариваясь, разошлись в разные стороны от скалы. Сквозь проливной дождь Ерардэр мог видеть лишь их очертания в ярко-жёлтых плащах и ощутить движение узла Нитей, проснувшегося от вмешательства наследников памяти.

Не глядя на гостя, Фернандесс коснулся рукою скалы, Юанесс сделал то же самое, и, словно услышав их, скала ожила. Гладкая поверхность под их ладонями тут же стала необычайно острой и две тонкие струйки крови покатались по тёмному камню. Резкая вспышка света и, вместо неприступного участка стены, перед Ерардэром раскрылись резные ворота, сплошь исписанные символами Вечности. На мгновение он не мог поверить, что это великолепие является реальностью, Легендарная Библиотека Истаресс распахнула свои двери, и Ерардэр едва мог дышать, жадно охватывая взглядом величественную цитадель.

- Заходи давай, – мягко улыбнулся Фернандесс, он и сам помнил тот миг, когда впервые увидел хранилище. Надо отдать честь, в отличие от него самого, удивление Ерардэра выразилось лишь открытым ртом и по-детски восхищёнными глазами, сам он при первом походе скакал как ребёнок в преддверии праздника, хотя ему тогда было всего десять лет. Юанесс быстро окинул их обоих взглядом и первым двинулся вперёд. Хранилище представляло собой его будущую резиденцию, а, значит, он был здесь полноправным хозяином. Фернандесс последовал за ним, поторапливая Ерардэра, также заморожено наблюдающего за закрытием огромных дверей.

Вход скрывал за собой огромный зал, сплошь заполненный книжными стеллажами, не оставляя на стенах ни миллиметра свободного пространства. Шкафы поднимались на два этажа, со всех внешних стен на три этажа поднимались балконы, также заставленные шкафами с книгами, свитками, пергаменатами и прочими хранилищами сокровищ мысли прошлых веков.

- Это общий зал, – пояснил Фернандесс, – здесь находится относительно новая и часто используемая информация. Большинство посетителей не заходят дальше этого зала.

И тут только Ерардэр заметил, как из большого зала на всех уровнях вели множество дверей, то и дело сменяющихся коридорами. Можно было лишь представить, сколько же ещё таких залов находится в библиотеке, сколько ещё миллиардов источников Истарессы сберегли и сохранили в своих подземельях

В это время Юанесс подошёл к круглому столу в центре зала. Поверхность его состояла из странной субстанции похожей на воду, перемешанной с вязким белым веществом. Стоило Юанессу коснуться поверхности, как белое вещество начало меняться, превращаясь в странные символы, понятные лишь самим Истарессам, ну и, возможно, легендарным стражам, которых давно уже не существовало в этом мире.

- Что там, Юнес? – спросил Фернандесс.

- Четырнадцатый зал главного круга, но туда сможешь зайти только ты, Ерер может подождать в круговой исследовательской комнате.

- Это за двести восьмым входом? – уточнил Фернандесс.

- Да, с левого конца, – кивнул хранитель, – прошу меня простить, но мне нужно вернуться в главный дом.

Юанесс ушёл, а Ерардэр с Фернандессом двинулись по загадочным извилистым коридорам и помещениям. Они проходили через залы, во много раз превосходящие великолепие главного помещения хранилища, но Истаресс не останавливался ни на мгновение, заставляя гостя быстро оглядываться и практически бежать, чтобы поспевать за своим проводником. Наконец, они очутились в просторном помещении, напоминающем кабинет. Стены его были отделаны светлым деревом, из такого же материала была и мебель. Обычный рабочий кабинет, только книги необходимо было принести извне, с внешних залов библиотеки.

- Подожди здесь, я сейчас вернусь, – сказал Фернандесс и покинул комнату.

Ерардэр оказался заперт в кабинете в подземной библиотеке Истаресс. Да, ситуация была, мягко говоря, не обнадеживающая, оставалось только полагаться на своего друга и верить, что он не подведёт его и не оставит здесь навсегда. С другой стороны, его уже пустили в это старинное хранилище, а, значит, и удерживать его без причины никто не будет. Ерардэр

принялся ждать, прогуливаясь из стороны в сторону по небольшому помещению, ища что-то необычное в окружающей обстановке.

Спустя минут двадцать, дверь с грохотом распахнулась и в комнату ввалился Фернандесс с ног до головы нагруженный какими-то книгами, свитками, пергаменами так, что едва ли в его руках уместилось бы ещё что-нибудь. Не давая Еرارдэру помочь, он быстро подошёл к ближайшему столу и грохнул на него весь принесённый скарб.

- Да, информации действительно оказалось не густо, – выдохнул он, переводя дух. – Иль-де-Нарса не только древнее государство, но и ещё весьма скрытный народец. За всё время их существования нам известны лишь самые общие моменты, но и среди них найдётся кое-что полезное для тебя.

Словно не хранитель этих сокровищ, а ненасытный путешественник, он стал быстро рыться в принесённых бумагах, пытаясь найти в них что-то.

- Вот, – Фернандесс протянул Еرارдэру старый кусок пергамента, – старая карта периода Амбэральского договора. На ней все четырнадцать государств изображены отдельно, создано ещё до гибели Лит-эс-Этте и создания янтарного стола. Тогда Иль-де-Нарса были всего лишь ещё одним независимым государством на этой земле, однако когда двенадцать семей приняли решение объединиться, Иль-де-Нарса неожиданно отказались и остались на своей земле, не принимая присягу Литеуса как Наместника.

Еرارдэр молча слушал друга, разглядывая старинную карту. Пёстрой мозаикой разными цветами на ней были отмечены границы семей, ныне объединённых амбэральским союзом. Вот четыре воинских дома, обрамляющие земли двенадцати Великих семей. Невольно он скользнул пальцами по месту, где сегодня находились земли Морзано. Внутри этих границ располагались светские и жреческие дома, а посередине оставался белый островок, бывший когда-то землями дома Лит-эс-Этте, ныне занимаемые Литеусами и их вассалами. Но если двигаться взглядом на юго-восток, то там появлялись земли, давно уже исчезнувшие из всех карт Амбэралы. Дикие леса, быстрые реки, сам дух хаоса и истинной сути природы этого мира. Даже на листке пергамента эти земли были изображены тёмным насыщенным цветом, символизирующим место, откуда с лёгкостью можно не найти дорогу назад.

- Они ничего не объяснили, – продолжал Истаресс, – только сказали, что наступит день, когда земли Иль-де-Нарса станут последним пристанищем Великих семей, но никто не понял этого предостережения. Однако несмотря ни на что, Кер-носе-Мане всё-таки был построен на их земле. А дом Голубых лесов, как ещё называют правящую семью Иль-де-Нарса, был назван хранителями всех Великих Домов и гарантом того, что каждый из них сможет вернуть свои знания и возродить семью, чтобы не допустить трагедию, приведшую к созданию Амбэралы. В общем, – вздохнул он, – по всем законам Иль-де-Нарса обязаны допустить тебя в святилище, неважно насколько изменились их устои и принципы за последние десятилетия. – Истаресс грохнул огромную кипу книг на стол и серьёзно посмотрел на друга, – они никогда не отступали от законов Великих семей. Их места наполнены такой силой, которая уже очень давно не присуща Амбэральским домам. Они истинный источник этой силы, и я не знаю, напугает ли это тебя, или наоборот обнадёжит. Законы и обычаи Иль-де-Нарса могут кардинально отличаться от наших и возможно, будут способны удивить тебя, но знай, что за каждым из них стоит многовековая мудрость. – Он перевёл дыхание и небрежно указал на книги, – всё это я вычитал отсюда. На самом деле это крохи, объединённые со способностью Истарессов чувствовать истину. Вот в этой, – он указал на толстый тёмно-зелёный том с позолоченным тиснением, – даже есть карта того, как добраться до столицы Иль-де-Нарса, но карта старая, составленная более эры назад, когда последний Истаресс побывал в тех землях, – он глубоко вздохнул, и Еرارдэр понял без слов, что Фернандесс имел в виду. В те далёкие времена дом памяти пал или был на грани неминуемой гибели, так что у наследника или наследницы не оставалось другого выхода, кроме как посетить Сердце Истоков. Но этот факт ещё больше оправдывал

необходимость его путешествия. Ведь если Истарессы смогли вернуть былую мощь и влияние, то что может помешать ему возродить традиции дома Морзано?

Ерардэр открыл карту и быстро прошёлся взглядом по переплетению дорог. Благодаря прошлым военным походам, весь путь, вплоть до границы земель Гемблет, был ему хорошо знаком. Дальше начинались леса, и единая дорога расходилась во множество путей, лишь один из которых мог привести его в Мир-оре-Арсе – столицу королевства Голубых лесов, расположенную недалеко от Кер-носе-Мане – главной цели их путешествия. Взяв графит, он сделал несколько пометок на чистом листе, надеясь, что в процессе путешествия он сможет применить найденные крупницы информации.

- Есть ещё одно, – продолжил Фернандесс, – даже не пытайтесь проникнуть в Кер-носе-Мане самостоятельно. Он открывается только кровью и волей представителя правящей семьи Иль-де-Нарса, желательно жреческого посвящения. Они не смогут войти в хранилища ваших семей, но путь до векового круга вам придётся пройти с ними. – Фернандесс снова стал рыться в охапке принесённых манускриптов, пока не выудил из них старый, едва сохранившийся кусок пергамента, тщательно завернутый в ткань, чтобы хоть немного остановить процесс разрушения. – Вот, – он протянул его Ерардэру, – самое подробное описание Кер-носе-Мане, которое мне удалось найти. Здесь сказано, что помимо глав Великих Домов, в его создании участвовал некий Мастер, якобы в своё время создавший Амбэральские клинки и кинжалы родов. Но мне кажется, что это невозможно, ведь мечи Великих Домов существовали уже много эр, прежде чем Сердце Истоков было построено. Сам вход в Кер-носе-Мане тоже найти непросто. Как я и говорил, он открывается только членом семьи Иль-де-Нарса, но вы можете попытаться найти его. Он находится в сердце самого большого узла межвременных Нитей.

- Межвременных Нитей, – усмехнулся Ерардэр. – Фересс, я не Истаресс и даже не Фъене, я не способен видеть Нити пространства и времени...

- Видеть, может, и не сможешь, – спокойно перебил Истаресс, – но чувствознания тебя никто не лишал. Твой дом ещё в состоянии ощущать эти токи, в конце концов, ни один воинский дом не способен выжить без умения чувствовать окружающий мир, а это и есть токи Нитей времени и пространства. Думаю, в тех местах великая сила ведёт себя более свободно, и ощутить огромное сосредоточение токов силы для тебя не составит никакого труда. В конце концов, Морзано всегда были ближе к хаосу, нежели к порядку.

Ерардэр улыбнулся. Да, чего стоило традиционное чёрное облачение со вставками серебряных узоров. В каждой четвёрке было два тёмных и два светлых дома, два приближённых к хаосу и два к порядку. Нет, это не было разделением на зло и добро или на свет и тьму, это были две стороны равновесия, создающие энергию мира. Все знания об этом балансе уже давно были утеряны, остался только цвет, да и склонность к определённому использованию силы и способам принятия решений относительно своей судьбы.

Морзано и Гемблеты были воинскими домами хаоса, и вряд ли существовала сила, способная остановить их. Свободные и бескомпромиссные, они жили этим миром, и мир принимал их как часть себя. Мюриэле и Арити же были воинами порядка, существующими скорее где-то вдаль, чем здесь и сейчас. Они были рассудочны и спокойны. Им было свойственно то врождённое истинное спокойствие, пронизывающее каждую суть их существа, что сильно отличалось от спокойствия, присущего представителям тёмных домов: вынужденное, как единственный способ удерживать пламя, живущее внутри. Истаресс был домом порядка, и Фернандессу порой было трудно понять интуитивные и с виду безрассудные поступки молодого Морзано, что тот считал абсолютно приемлемыми и закономерными.

- Запомни, – продолжал Фернандесс, указывая на пергамент, – в том месте обязательно должен быть ключ, именно он и будет алтарным столом для членов семьи Иль-де-Нарса. После подтверждения права откроется вход, здесь сказано, что там будет лестница, уходящая вниз. Вам придётся спуститься, залы Сердца Истоков занимают слишком много места. Тут сказано,

что там есть ловушки для мародёров и отверженных, но о том, как их обойти, здесь ничего не сказано. Финальной точкой вашего пути станет круглый зал Великих Домов. Именно там находятся входы в хранилища каждой из семей, но прежде чем войти, тебе будет необходимо доказать право сердца и крови, а также позволить определить, насколько глубоки будут знания, которые тебе откроются. Ходит легенда, что в том зале заключены осколки кинжалов семей, созвучные им и чувствующие текущее состояние дома, именно они и решат, как далеко в хранилище ты сможешь войти.

- Но каким образом его открыть...

- Также как открывается алтарь любого Великого Дома, правом крови, сердце приложит своё право, и печать сможет понять, кто и зачем пришёл.

Ерардэр кивнул, обдумывая полученную информацию. Крохи, лишь мелкие крохи, недостаточные для столь опасного путешествия, но это было уже что-то, ведь всего несколько минут назад он не знал ничего о доме Голубых лесов кроме того, что тот существует.

- А кто сейчас возглавляет Иль-де-Нарса? – спросил Ерардэр, и Фернандесс улыбнулся.

- Вот на этот единственный вопрос я смогу дать тебе точный ответ, – он обошёл стол и выудил единственную непотрёпанную книгу из всей кучи, к тому же на её корешке явно вырисовывался герб семьи Истаресс, – когда-то давно дом Истаресс был связан с Иль-де-Нарса кровными узами, поэтому их древо частично отражается у нас. – Он быстро пролистал несколько страниц, – я знаю лишь, что главу дома зовут Вериус Валлет Иль-де-Нарса, но ни возраст, ни пол, ни состояние власти, я тебе сказать не смогу.

- Камень не отображает жизнь, – невольно вспомнилось Ерардэру. Симьен Гретель любила повторять эту фразу им с Керлиндером, – камень даёт лишь знак, но путь человек должен увидеть сам.

Фернандесс ещё раз просмотрел принесённые документы, очевидно, больше он не мог ничего поведать о тех землях. Воистину если дом памяти не в силах узнать что-то, то Иль-де-Нарса действительно несколько не потеряли своего могущества, а даже укрепили его.

- Больше я ничего не смог найти, – грустно улыбнулся Фернандесс.

- Ничего, – искренне улыбнулся Ерардэр, – ты и так помог мне больше, чем я предполагал, – закончив свои пометки, он поднялся, и они оба двинулись к выходу.

- Когда ты отправляешься? – спросил Фернандесс.

- Дня через три, – задумчиво ответил Морзано, – мне необходимо дождаться Абриэля и уладить дела в семье. Поэтому я думаю, что раньше нам просто не удастся выехать.

- Вы поедете через земли Гемблет?

- Да, думаю, Лиана не будет против небольшой делегации, пересекающей её земли.

- А если она спросит причину вашего пути? – насторожился Истаресс.

- Отвечу, как есть, – пожал плечами Ерардэр. – В конце концов, Сердце Истоков и строили ради этих целей.

- Возможно, – задумался Истаресс, – с Лианой едва ли будут какие-то проблемы, но Девор. Ты же в курсе, что он, мягко говоря, тебя недолюбливает?

Ерардэр усмехнулся, их вражда с Девором Гемблетом началась в глубоком детстве. Как и многим детям им страстно хотелось того, чего у них нет, не замечая, что другие дети с удовольствием бы поменялись с ними местами. Ерардэр был нежеланным ребёнком, и он всегда с лёгкой завистью смотрел на другие семьи Великих Домов, в том числе на дом Гемблет. Родемор, отец Девора и Лианы, был истинным правителем, в отличие от своих родителей, и, получив трон, он смог поднять семью и вернуть восточному воинскому дому былое величие. Их семья не была идеальной, но в ней всегда присутствовала забота и участие. Лиана была долгожданной принцессой семьи, наследницей трона, на который и вступила, когда ей исполнилось двадцать три. Её обожал отец, души не чая в своей девочке. Её любила мать, не всегда до конца понимавшая свою дочь. Немного погодя, родился Девор, и, казалось, ничто не предвещало

беды, но откуда-то в маленьком ребёнке возникла затаённая обида, позже переросшая в ненависть. Он был вторым. Он был младшим, он не мог получить короны дома и обязан был подчиняться своей сестре. Возможно, на наследнике сказалась близость внешних земель и постоянные контакты с кочевниками, но почему-то Девор считал это подчинение унижительным и неприемлемым. Он пытался было заявлять свои права, но Лиана оказалась сильнее. Истинная принцесса Гемблет была неприступна и непоколебима, что даже зарождающиеся аргументы, вынуждены были погибнуть едва появившись. Вскоре молодой Гемблет смирился, в глубине души всё ещё веря, что его время когда-нибудь придёт. Еرارдэр был для него как бельмо на глазу: единственный наследник без всяких прочих претендентов. Ему казалось, что северному принцу всё досталось слишком легко, не подозревая об обратной стороне этой медали. Морзано же предпочитал не обращать внимания на поведение Гемблета, искренне считая его полным дураком.

- Но к счастью, главой дома является Лиана, – улыбнулся Еرارдэр, – и это действительно спасение как для дома Гемблет, так и для прочих семей.

Наконец, они вышли из библиотеки и приблизились к основной резиденции Истаресс.

- Ну вот и всё, – проговорил Фернандесс, – больше я ничем помочь не могу.

- Я знаю, Фересс, спасибо тебе, – улыбнулся Морзано.

- Берегите себя, и будьте осторожны, в тех краях сила живёт своей жизнью и не стоит пытаться запереть её в наши рамки.

Еرارдэр только кивнул, принимая предостережение. Попрощавшись с другом, он спустился по ступеням вниз со скалы, туда, где его дожидался конь, приготовленный младшими хранителями цитадели.

- Пора в путь, – подумал Еرارдэр, – слишком много ещё нужно сделать.

Уже стемнело, когда он вернулся в цитадель Морзано. Передав коня и скинув плащ, он направился в свои покои, чтобы вздремнуть хотя бы час до приезда семьи, но сделать это ему не удалось. Едва открыв дверь в свою комнату, он увидел фигуру, гордо восседающую в одном из кресел. Еرارдэр готов был возмутиться, когда фигура поднялась и повернулась к нему.

- Бабушка, – по-детски воскликнул он и бросился обнимать женщину.

Симьен Гретелия Раона Морзано-Сервеншир была невысокой, но очень величественной женщиной. В свои семьдесят она всё ещё казалась той далёкой королевой, о чьей красоте славали песни по всей стране и даже за её пределами. Последняя королева Морзано сохранила традиции своего дома. Семья пала по линии правителя и по мужской линии, но женские традиции оказались нетронуты. Её отец и брат (отец Ристофера) были отступниками, непринятими мечом, поэтому она, истинная посвящённая, получившая знания от своей бабушки была не понята ими и предпочитала жить вдали от главной цитадели, куда не простирались их опасные взгляды. Ристофер, выросший в атмосфере отступничества и непринятия, полностью проникся образом жизни своих предшественников, поэтому у него не было шанса изменить как судьбу дома, так и свою собственную. Однако брак его оказался удачным. До сих пор никто не понимает, как отступник смог добиться законного брака с посвящённой, но союз состоялся. Аллелия Аонна Редоме была дочерью одного из истинных приближённых Морзано и порой знала о силе этой семьи больше, чем сам Ристофер. К сожалению, после рождения Еرارдэра силы её организма ослабли. Возможно, сказалась энергетика отступившего дома, губительная для посвящённой, или болезнь начала пожирать её намного раньше, но едва Еرارдэру исполнилось пять, как глаза королевы Морзано окончательно закрылись. То, что происходило потом, Симьен Гретелия до сих пор вспоминает с ужасом. Всё словно полетело под откос. Никто и не подозревал, что на плечах маленькой хрупкой женщины держалось всё относительное спокойствие в северном воинском доме.

Ристофер сорвался. Если раньше жена могла хоть как-то управлять его гневом и направлять его к нужным решениям, то теперь он словно обезумел, находя единственное утешение в бешеных скачках и схватках, из которых зачастую выходил побеждённым. Тогда, придя на похороны к жене своего племянника, матрона семьи не ожидала увидеть ничего светлого. Она уже давно оставила надежду на то, что её дом воскреснет: слишком много грязи накопилось в этой семье за прошедшие годы. Гретелия не ждала ничего и просто не могла предвидеть той встречи, которая изменила всю её дальнейшую жизнь. Несмотря на положительные отзывы об Аллелии, женщина не сочла нужным ни разу не посетить главную цитадель. Казалось, что её сердце огрубело после всего, что приключилось в её жизни. Огрубело и закрылось по отношению к правящей семье своего дома. Свою дочь и внуков Гретелия воспитывала по Великим законам, однако любое упоминание о возможном возрождении дома вызывало у неё лишь горькую усмешку. Поэтому она никогда и не видела Еرارдэра, вплоть до того самого дня.

Закончив с официальными церемониями и вдоволь насмотревшись на притворное отчаяние, последняя посвящённая представительница дома Морзано решила прогуляться по замку. В конце концов, эта цитадель видела все их взлёты и падения, знала и лучшие, и худшие времена, делила со своими жителями радость и отчаяние. Гретелия понимала, что бы ни произошло, это место всегда будет оставаться её домом. Кто бы ни занимал трон, храм всегда может впустить её, чтобы помолиться и попросить прощения у сил дома для своей семьи.

В тот вечер она решила спуститься в Сердце своего дома, пока другие жители цитадели заняты проведением необходимых церемоний, поэтому Гретелия незаметно для всех проследовала в нижние залы, спустилась по ступенькам в храм. Лёгкое движение сил, и тяжёлые каменные плиты раскрылись, пропуская её в основной коридор храма. Медленно проведя рукой по семейному древу, сверху донизу покрывавшему одну из стен, женщина грустно улыбнулась, слишком давно ни одно из этих имён не вспыхивало искристо-белым, светом главы дома, светом истинного Короля. Большинство имён горели ровным синеватым светом, часть из них уже потухла, как и имя Аллелии, указывая, что жизнь покинула этого члена семьи. Её имя было другого оттенка, едва заметного непривычному глазу. Это был тайный свет, свет хранителя дома. Точно таким же светом пылало имя наместника при правлении законного Короля. Но сейчас стена молчала. Не давая никаких ответов.

- Камень являет истину, – грустно подумала Гретелия, осторожно проводя рукой по стене. В этом сияющем дереве Морзано не было искры, благодаря которой оно запылало бы невиданным светом. Не было ... и, скорее всего, уже не будет. Грустно вздохнув в ответ на собственные мысли, женщина двинулась дальше к тёмным металлическим дверям, отделяющим алтарную часть храма, ту, где по сей день хранится меч Великого Дома Морзано, так и не нашедший своего Короля.

Двери распахнулись, и Гретелия медленно ступила на искрящиеся плиты зала. Синий огонь на алтаре заискрил, приветствуя хранительницу, однако что-то было не так. Все чувства женщины обострились, пытаясь найти причину, создающую это незнакомое течение силы, ни разу не замеченное ею в этих стенах. Новые обрывочные потоки текли откуда-то из-за алтаря, мелкими вспышками рассыпаясь в пространстве. Быстро зайдя за древнее изваяние, суровая Королева была готова ко всему: к бою, вызову, отчаянию, но была не готова увидеть маленького ребёнка, свернувшегося у подножья камня.

Мгновенное удивление заставило Гретелию замереть, подозрительно оглядывая нежданного гостя. Он был чуть постарше её собственного внука, чёрный, видимо парадный, камзол был испачкан в земле. Мальчик сидел, уткнувшись в колени так, что всклокоченные тёмно-русые волосы полностью закрывали лицо, открывая лишь детские руки, крепко сжатые в кулаки. Со стороны казалось, что он даже не плакал, ни звука, ни шороха, ни движения не разносилось по залу, только бесконечное отчаяние, всеми силами сдерживаемое маленькими детскими ручонками.

Секундный мысленный вопрос и сердце подсказало ей ответ, снова бросивший её в пучину непонимания. Это был Ерардэр, Ерардэр Ристофер Морзано – теперь уже никому не нужный ребёнок и предполагаемый будущий глава этого дома. В это мгновение он до боли напомнил ей Ристофера, когда тот был ещё ребёнком и не мог принять разрушительных принципов своего отца. Тот также забивался в дальние углы дома и изо всех сил старался не заплакать, повторяя себе, что он должен быть сильным. Только это не спасло его от судьбы. И едва ли в том Ристофере, которого она знала сейчас, остался хоть какой-то отголосок того мальчика, рыдавшего в неприступных стенах этого замка. И вот теперь перед ней был другой ребёнок, столь же беззащитный под ударами этого мира, но.... как ему удалось проникнуть в храм? Невольно Гретелия огляделась, вспомнив, где она находилась всё это время. Просто так никто не мог войти в эти помещения. Ристоферу, как отступнику, эти ходы были недоступны, как же...?

Она ещё раз перевела взгляд на ребёнка. От него тянулась сила, сила, которая смутила её восприятие у самого входа в храм. Нет, он попал сюда сам, и семейная магия пустила его, признав достойным.

- Ерардэр, – чуть слышно прошептала Гретелия. Она не была ни Фьене, ни Истаресс, чтобы чувствовать силу в словах, но в это мгновение ощущения затопили её. В нём был огонь, была сила, способная раздуться в безудержный пожар и перевернуть весь дом Морзано. Он мог стать законным Королём, Королём, которого многие годы не видела её семья. Мог...

Гретель медленно присела перед ребёнком и едва ощутимо погладила его по волосам. Ерардэр вздрогнул и резко вскинул голову, в панике глядя на женщину, так неожиданно появившуюся рядом с ним. Тёплые тёмно-зелёные глаза смотрели прямо на неё, ожидая... чего... удара, обиды, боли... но в них было и другое..., то, во что сама Гретелия боялась даже поверить. На самом дне плескалась сила, ещё незаметная снаружи. Он выдержит, он со всем справится, он сможет пройти через всё: пламя воина дома хаоса разгоралось в его душе.

- Ерардэр, – чуть более мягко повторила женщина, глядя ребёнку прямо в глаза. Ей даже на секунду показалось, что сама она, даже если захочет, не сможет отвести взгляд. Этот ребёнок своей внутренней силой удерживал внимание на себе, пытаясь считать её намерения, – я не причиню тебе вреда. – Маленький Ерардэр снова окинул королеву недоверчивым взглядом, после чего видимо решил, что сильной опасности она не представляет, и немного успокоился, вернув своим глазам мягкое детское выражение. Однако Гретелия знала, что стоит лишь дать повод и юный воин хаоса снова проснётся, готовый принять бой.

Женщина села напротив него на каменные плиты, ни на секунду не задумавшись ни о холоде, ни о порче платья, сейчас ей следовало быть с ним на одном уровне, иначе она не сможет заслужить его доверия, как и понять, что же тут происходит.

- Как ты сюда попал? – осторожно спросила Гретелия, боясь неосторожным движением вновь напугать своего внучатого племянника. Однако мальчик отзывчиво поднял взгляд, став вновь похожим на обычного ребёнка, который пытается притереться к неожиданно появившемуся собеседнику.

- Я не знаю, – чуть потупив взгляд ответил Ерардэр, – я просто прибежал сюда. Папа не знает, но я часто ухожу сюда, здесь меня никто не может найти.

Гретелия мысленно усмехнулась, конечно его не найдут, потому что ни один из жителей замка не являлся посвящённым. Резиденция дома Морзано кишит сотнями людей, но ни один из них не имел доступа в самое сердце этой цитадели.

- Поэтому я и убежал сюда, – тем временем ребёнок продолжал свой рассказ уже более уверенным и эмоциональным голосом. Вся сталь из его облика ушла, и сейчас перед Гретелией был просто мальчик, запутавшийся в Нитях силы, которые он чувствует, но не может понять, – я не хотел, чтобы меня нашли, а сюда никто не ходит, вот только вы...

- Да, – улыбнулась матрона дома Морзано, – я одна из немногих, кого это место всё ещё признаёт своим потомком и наследником. Но, – она снова серьёзно оглядела его, – как ты открыл дверь?

- Никак, – удивлённо ответил ребёнок, – я просто открыл её и всё.

Гретелия задумалась: сила ребёнка была совершенно бесконтрольной и подсознательной. Крик о помощи мог быть воспринят замком наравне с кровным приказом наследника, а может даже и Короля. Воистину, цитадель любила юного Ерардэра, раз так отзывалась на его зов. Неужели, – задумалась Гретелия, – он сможет распахивать двери силы без всяких ритуалов, как раньше, как истинные Короли дома. Со временем от него потребуют церемоний, но его воля будет прежде всех прочих предубеждений. Ерардэр был свободен в своей силе и независим в своих решениях. У него есть шанс стать достойным правителем дома Морзано, если она не потеряет его, так же как потеряла Ристофера

- А кто ты такая? – непринуждённо спросил мальчик, и Гретелия на секунду готова была оскорбиться тем, что он обратился к ней на ты. Но в душе никакого возмущения не возникло. Их сила сливалась в этих стенах, создавая иную, свойственную лишь этому дому атмосферу, в которой слову «вы» просто не могло быть места.

- Неужели ты меня совсем не помнишь? – улыбаясь, переспросила она, мысленно ругая себя, что за все годы так и не удосужилась разглядеть сына Ристофера..

Ерардэр задумался, а потом уверенно ответил.

- Ты приходишь в замок, но редко, и никогда не остаёшься, – он на секунду замолк и осторожно продолжил, – а ещё ты ругаешься с папой, и после того как ты уезжаешь он ещё долго злится на всех.

Гретелия кивнула, грустно улыбнувшись. Её отношения с племянником действительно складывались не самым лучшим образом. Отчаявшись вернуть его на истинную тропу, она не упускала возможности задеть его, указав на то, что он всего лишь самозванец на месте законного главы дома. Они часто ругались, после чего Гретелия гордо покидала замок, обещая себе больше не возвращаться сюда. Но гармония храма снова и снова тянула её назад, напоминая ей об истинном предназначении и том пути, который женщина уже давно избрала сама.

- Моё имя Гретелия, – медленно начала она, – Гретелия Раона Морзано-Сервеншир, я родная тётя Ристофера и сестра Рортиера, его отца. Можно сказать, что я твоя двоюродная бабушка.

- Бабушка, – удивлённо воскликнул Ерардэр, глядя на женщину, и Гретелия в очередной раз мысленно стукнула себя за забывчивость. Ребёнок был предоставлен сам себе и, естественно, никто не потрудился познакомить его с историей семьи. Тем более с какой-то двоюродной бабушкой.

- Да, это так, – кивнула она, – а ещё у тебя есть брат, правда он чуть младше. Его зовут Керлиндер, и я думаю, вам стоит познакомиться друг с другом.

Ерардэр молчал, удивлённо глядя на неё. Всю свою жизнь он и не подозревал, что у него есть ещё кто-то, кроме матери и отца. Ристофер, ввиду своего положения, предпочёл выгнать всех немногочисленных членов семьи из замка, дабы они не служили постоянным напоминанием ему о его положении. Благодаря Гретелии, все Сервенширы были посвящёнными, поэтому их присутствие рядом с Ристофером вызывало у последнего приступ ненависти. Он предпочёл окружить себя недалёкими вояками, чем истинными посвящёнными приближёнными своего дома, включая членов своей семьи. Для Ерардэра это окружение было единственно возможным, и смерть Аллелии окончательно разорвала последнюю ниточку, связывающую его с тем, что могло оставить ему хоть какой-то шанс на то, чтобы изменить свою судьбу.

- Он не выживет здесь, – поняла Гретелия, – они сломают его, так же как сломали Ристофера в своё время. Она должна увезти его, увезти в западный замок, туда, где проживала её

семья, и защищать до тех пор, пока он сам будет не в состоянии противостоять нынешнему кругу своего отца.

- Ты хочешь пойти со мной? – серьёзно спросила Гретелия, глядя в глаза ребёнку. На мгновение собственный вопрос показался ей слишком глупым, но ничего другого её сознание придумать не смогло. Теперь женщина не сомневалась, падение Ерардэра может окончательно уничтожить дом Морзано. До этого момента ей казалось, что проще дожидаться окончательной гибели правящей ветви, задохнувшейся в своём падении и подняться с помощью её семьи. Всего несколько минут назад она полагала, что Керлиндер будет достойным Королём для северного воинского дома, но теперь Гретелия поняла: Керлиндер – достойный воин, друг или даже наместник, но поднять из пучины весь дом он будет не в силах. Для этого нужен истинный Морзано, интуитивно чувствующий свою силу, как сидящий перед ней совсем ещё юный Ерардэр.

Она видела, что мальчик задумался. После ухода Аллелии его в замке ничего не держало, за исключением, конечно, самого замка, который точно будет скучать по своему любимчику. Сердце дома должно понять, что останься Ерардэр здесь – и все предыдущие усилия будут напрасны. Она заберёт его у Ристофера, заберёт, не сказав ни слова. Едва ли отступник вообще вспомнит о ребёнке в такой момент. Ей нужно было только его согласие, обо всём прочем Гретелия подумает после.

– Но зачем тебе это? – серьёзно спросил мальчик, снова заглядывая ей в глаза. Женщина поняла, соврать она не сможет, этот ребёнок незримо чувствовал фальшь, и если хотя бы раз попытаться обмануть его, то доверие будет утеряно навсегда.

- Я хочу, чтобы трон Морзано занял истинный Король, – искренне ответила Гретелия, – я устала от смуты, устала видеть падение своих близких. Я хочу вернуть истинную мощь и величие своему дому, какую он заслуживает. Я могу обучить тебя, могу подготовить к посвящению и, может быть, когда-нибудь в этом зале меч откликнется на твой зов. Я в это верю и поэтому прошу у тебя помощи, – закончила она и внимательно посмотрела на Ерардэра. Взгляд ребёнка снова стал нечитаемым, видно было, что он обдумывал ситуацию, но пока что не принял никакого решения.

- Я согласен, – едва слышимые слова пронзили тишину. Ерардэр поднял голову и повторил более уверенно, – я согласен идти с вами. Ты не врёшь. Ты говоришь правду, и он согласен с тобой.

- Он? – переспросила Гретелия.

- Замок, – ответил малыш, – он согласен с вами, поэтому и я согласен.

Женщина облегчённо выдохнула, Сердце дома приняло её решение, теперь всё было в её руках. Она поднялась, поправила полы платья и обернулась к Ерардэру.

- Пойдём? – она протянула ему руку, и ребёнок осторожно вложил свою ладонь, словно боясь обжечься. Теперь всё было правильно. Она чувствовала: всё так, как должно быть. На секунду Гретелия остановилась у древа семьи. Имя Ерардэра горело синим, ничем не примечательным светом. Нет, подумала женщина, камень не отображает жизнь, он только указывает путь, а окончательный выбор мы делаем сами.

Два лестничных пролёта, и они уже в верхних залах. Как и ожидалось, коридоры были пусты, никто и не пытался искать наследника. Гретелия только усмехнулась, прежде чем отправиться к выходу из замка. Она предупредила только Тарьятию, хранительницу цитадели, следящую за всеми хозяйственными делами в резиденции Морзано. Женщина не была посвящённой, но неплохо знала высшие законы, поэтому на просьбу Гретелии только кивнула, признавая справедливость такого решения. Спустя полчаса Гретелия и Ерардэр уже ехали в экипаже по пути в западную младшую резиденцию дома Морзано. Удивлённый ребёнок жадно разглядывал пейзажи за окном и думал о Керлиндере, который обязательно станет его новым другом,

а женщина молча наблюдала за ним, ловя себя на мысли, что впервые за долгое время у неё так спокойно на душе.

Конечно, воспитание двух маленьких Мозано требовало огромных усилий для уже немолодой королевы. Уже взрослым Ерардэр признал, что у их бабушки было воистину королевское терпение, если она смогла выдержать их двоих, да ещё и воспитать из них достойных амбэральцев, на что сама женщина обычно отвечала, что ему ещё придётся побывать в её шкуре. На следующий день Гретелии удалось получить согласие Ристофера и до четырнадцати лет Ерардэр прожил в младшем замке Морзано, под тщательным присмотром Симьен Сервеншир-Морзано и её семьи. Его начали обучать тем наукам, о существовании которых он даже не подозревал. Сила давалась ему легко, она послушно текла, следуя его воле, на что Гретелия часто отвечала: «Ни одна сила не даётся просто так, чем больше тебе дадут, тем больше с тебя потребуют потом, и твоей мощи едва хватит, чтобы совершить предначертанное». Ерардэр быстро смирился с этой мыслью, понимая, что жизнь его никогда не будет простой. И если он хотел вернуть истинный дом Морзано, он должен быть готов к любым испытаниям на своём пути. Керлиндер же первые годы восхищённо следовал за старшим братом. Он не обладал такой силой, как Ерардэр, но с возрастом в мелких потасовках почти не уступал ему в умении и ловкости. Наследник Морзано ценил своего брата, долгое время это был единственный человек, которому он мог рассказать практически всё. Они были неразлучны до тех пор, пока в день четырнадцатилетия Ерардэра неожиданно вызвал Ристофер с требованием немедленно явиться в главную цитадель. Гретелия была в бешенстве, как только этот отступник, спустя столько лет, смеет требовать его возвращения в замок. Удержать своего воспитанника женщина не могла, но и отпускать его было страшно. В четырнадцать лет у каждого человека происходит окончательный отрыв от своих родителей и, какое-то время, он не может найти себя, не понимает, как управлять собой без помощи своих близких, поэтому может оказаться лёгкой добычей для любого влияния или окружения. Ристофер не знал этого, но интуитивно потребовал сына в самый опасный для него момент. В ночь перед отъездом, втайне от всех, Гретелия провела предварительное посвящение. Она не могла посвятить своего второго внука даже как воина, Ерардэр был ещё слишком молод, но сила дома откликнулась на зов женщины и пообещала защищать будущего Короля от напастей отступника. В ту же ночь наследник выехал в главную резиденцию Морзано. Ристофер встретил его холодно и, даже скорее, презрительно, однако дом был рад своему Королю. Весь вечер после приезда Ерардэр просидел в храме, как в детстве свернувшись у дальней стены, стараясь защититься от этого мира. Там в младшей резиденции он был под защитой, Гретелия не давала его в обиду, а Керлиндер всегда был поддержкой в любых делах. Теперь же он остался один, наедине с ужасом, от которого когда-то убежал. Ерардэр до сих пор не понимал, что удержало его тогда от падения в пропасть. Отец, не выдержав силы посвящённого, отослал его в поход по защите восточных земель от кочевников, где он и познакомился с наследником дома Мюриэле. Общение с представителями других посвящённых домов поставило всё на свои места, и спустя два года, вернувшись к изрядно поседевшей Гретелии, он уверенно мог сказать, что выстоял этот бой. Теперь королева видела его другим, не тем напуганным ребёнком, которого она нашла в храме дома, не тем потерянным подростком, которого она провожала в главную резиденцию, даже не тем воином, которым он вернулся из походов. Она, наконец-то, видела Короля, истинного правителя своего дома. Что-то незримо изменилось в нём, неуловимый блеск в его взгляде заставлял любого убедиться в том, что перед тобой не отступник, не наместник, а глава северного воинского дома Морзано – Ерардэр.

И сейчас Гретелия внимательно вглядывалась в глаза своего внука, ища там ответы на все вопросы.

- Я прибыла раньше, – заговорила она, – мне хотелось поговорить с тобой до приезда семьи и приближённых дома.

Ерардэр только кивнул, жестом предложив ей располагаться. Гретелия опустилась обратно в кресло, а её внук занял другое, напротив неё.

- Керлиндер упомянул, что ты планируешь уехать, – невозмутимо начала женщина, а Ерардэр мысленно усмехнулся. Керлиндер никогда не был болтливым, тем более он никогда не выдал бы тайну своего брата, даже если бы был уверен, что это не повлечёт за собой никаких последствий. Ссылка на молодого наместника была лишь уловкой, чтобы докопаться до истины. Скорее всего, королева узнала это от старшего Мюриэле или Истарессов, и просто хочет подтвердить услышанную информацию.

- Дорогая Симьен Гретелия, – улыбнулся Ерардэр, едва сдерживая смех, – неужели я мог предположить, что Керлиндер упомянет при вас столь важную информацию. Я в полном недоумении и разочаровании.

В ответ на это его бабушка тоже улыбнулась, признавая своё поражение и сбросила с себя образ светской дамы, открыв привычную для внука Гретелию Морзано – уверенную, бескомпромиссную, не зависящую ни от чьего мнения, истинную дочь северного воинского дома.

- Хорошо, – рассмеялась она, – ты меня раскусил. До меня дошла весть, что молодой Мюриэле собирается покинуть Амбэралу, хотя, казалось бы, для него это не самое лучшее время для путешествий. Учитывая ваше постоянное таскание друг за другом, я решила, что это скорее твоя инициатива, а Мюриэле просто ока зался жертвой ситуации.

Ерардэр рассмеялся. Рассуждения бабушки всегда были точными и искомётными. Он даже удивлялся, как в свои годы она сохранила настолько живой ум и непринуждённый нрав.

- Да, – кивнул он, – Абриэль действительно оказался жертвой ситуации, но это не значит, что он ничего не выиграет от этого путешествия.

- Естественно, – фыркнула Гретелия, – иначе он не откладывал бы принятие короны и не рисковал бы нарваться на гнев Викторiana.

- Ну так вот, – продолжил Ерардэр, чуть снизив голос, – через три дня я отправляюсь в Кер-носе-Мане вместе с Абриэлем, чтобы открыть тайник дома.

Гретелия замерла, удивлённо посмотрев на него.

- Иль-де-Нарсовские земли, – задумчиво протянула она, – ты уверен?

- Более чем, – твёрдо ответил Ерардэр, – знания нашего дома утеряны, резиденция разграблена. Если я не справлюсь, то дом снова канет в небытие, – он поднял голову, внимательно глядя ей в глаза, – у меня нет права на ошибку, я должен понимать, с чем имею дело. К тому же Истарессы дали мне достаточно информации, чтобы добраться хотя бы до столицы дома Голубых лесов

Гретелия смотрела на него, не говоря ни слова. Ерардэр замер, впервые он увидел у неё такой взгляд: его бабушка, в свои семьдесят лет держащая в своих руках все Нити правления Великим Домом Морзано, была напугана. Вся фигура её словно говорила о беспомощности, и он едва узнавал перед собою ту женщину, которая когда-то увезла его из замка Морзано. Она молча встала и подошла к окну, вглядываясь в темноту с детства знакомых земель.

- Я предполагала, что так будет, – глухо ответила Гретелия, касаясь рукой холодного стекла, – я не могла вечно защищать тебя. В конце концов, моя роль лишь хранительница храма, а никак не глава дома, – она глубоко вздохнула и продолжила. – Я не могу возразить тебе, твои решения верны. И будь на твоём месте другой Король, я бы без сомнения одобрила это путешествие, но сейчас, – женщина медленно повернулась и посмотрела своему внуку прямо в глаза, – пойми, Ерардэр, слишком многие в Амбэрале желают тебе смерти. Они призывали, что северный воинский дом вот вот канет в небытие и не желают изменения ситуации. Ты молод и рядом с тобой нет того, кто смог бы научить тебя предвидеть подводные камни. Тебе всё придётся проходить самому, самому скатываться в пропасть и снова подниматься на свет. Семья примет тебя, на то она и твоя семья, но прочие жители Амбэралы – это другой вопрос. Совет Великих Домов не встретит тебя с распростёртыми объятиями, даже если ты

подтвердишь истинность своего назначения наличием меча дома. Это мало кого будет интересовать. Сейчас многие из Великих семей глухи и сосредоточены только на себе, забывая истинный смысл амбэральского договора. Некоторые давно уже пали или близки к падению. Боюсь, что нам не на что рассчитывать, кроме собственных сил. Но ты прав, мы слабы, наши знания уничтожены, а мудрость канула в небытие. Кер-носе-Мане действительно наилучший выход из этой ситуации. Я тоже думала об этом когда-то, но если ты не вернёшься, Керлиндер не сможет в одиночку выстоять на троне, он наместник, возможно лучший из тех, которые только могли бы быть, но наместник, а не Король. Ты всегда говорил, что твоя жизнь стоит немного, теперь же её цена выросла в разы. За ней стоит не только твоё будущее, но и будущее всей семьи и Морзановских земель, включая их жителей. Вечность! Я не переживу, если с тобой что-то случится. Иль-де-Нарса всегда были жестоки, их законы неукоснительны, даже сама сила там чувствует себя иначе, нежели в наших землях. В любом случае ты не останешься тем, кто ты есть сейчас, – глаза Гретелии наполнились слезами, – я боюсь, боюсь, наконец, потерять тебя. Снова захлебнуться в смертях близких людей, я...

Этого Ерардэр уже не мог терпеть.

- Бабушка, не надо, – отчаянно крикнул он и, поднявшись на ноги, крепко обнял её. Он ещё не пересёк границу земель Голубых лесов, а основы его мира уже начинали рушиться безвозвратно. Железная королева Морзано не могла сдерживать слёз, отпуская своего внука в опасные земли. После стольких лет выдержки внутренние барьеры рухнули, не в силах больше сдерживать поток эмоций, разрывающих её душу. Насколько мы должны быть сильными? Почему такие как мы никогда не позволяем себе слабость? Почему нам проще разбиться о стену непонимания, чем раскрыть свою истинную сущность? Мы не сильные, мы лишь кажемся сильными, кажемся непробиваемыми, но внутри мы всё ещё живы, мы всё ещё люди, тоже имеющие право на собственные слабости и ошибки. Гретелия плакала и мысленно корила себя за то, что так и не смогла сдержать слёз. В это мгновение опора ушла из-под ног Ерардэра. Она больше не сможет его защищать, теперь настало его время защитить её.

- Бабушка, – чуть слышно прошептал молодой Король, – не надо, прошу тебя.

- Прости меня, – отозвалась Гретелия и, отстранившись, вытерла непрошеные слёзы, выпрямляя спину, так, что ничто, кроме слегка опухших глаз, не выдавало недавних событий, – я не должна была показывать тебе свою слабость. Больше я не подведу тебя, – она снова отвернулась к окну, вглядываясь в тёмное небо, – наверное так и было суждено. Весь мир словно благоволит твоему пути, и кто я такая, чтобы препятствовать ему. Да, – королева глубоко вздохнула, возвращая ровность своему голосу, – я боюсь, но мои страхи – это моя проблема, ты же должен идти вперёд, не отступая от своей судьбы. Я отпускаю тебя, теперь ты волен сам принимать свои решения, я же остаюсь лишь хранительницей храма, до тех пор, пока новая королева не займёт моё место.

Гретелия наконец-то отошла от окна и подошла к внуку, мягко улыбаясь.

- Новое время требует новых путей, – медленно сказала она, – я так ждала этого нового, что не позаботилась отбросить старые наросты, но это мой и только мой бой. Ты не должен смущаться моим отставанием, у вас с Керлиндером свой путь, может и не всегда открытый нашим глазам.

Гретелия медленно приблизилась и крепко обняла Ерардэра, как обнимала множество лет назад, когда ему едва исполнилось десять. Поцеловав внука в лоб, она отправилась в сторону двери, обернувшись лишь на пороге.

- Не волнуйся за семью, она примет твой выбор, чтобы ни случилось, – и, медленно выйдя из комнаты, плотно закрыла дверь.

А Ерардэр остался в темноте, немигающим взглядом смотря в то место, где только что была его бабушка. Она отпустила его, передала все Нити в его руки, сделав его самого хозяином своей судьбы. Теперь все его победы и поражения будут на его совести. Ему некуда отсту-

пать. Всё прошлое давно уже обрушилось. Можно идти только вперёд, глядя прямо в глаза собственной судьбе.

Немного погодя в дверь постучали, Керлиндер в тёмно-серебристом камзоле наместника распахнул дверь в кабинет.

- Все представители дома собрались, ждут только тебя.

Ерардэр медленно обернулся на голос, не глядя в глаза своему брату. На нём, помимо традиционного костюма Морзано, была одета длинная чёрная накидка, расшитая серебряными нитями. Каждый символ на ней нёс свой смысл, творя главу Великого Дома, придавая ему сил и направляя на верный путь. В непривычно убранных тёмно-русых волосах блестела серебряная полоска – символ главы дома. Меч, заслуженный по праву сердца и крови, был закреплён на наборном поясе из посеребрённого металла.

- Ерер, – осторожно позвал Керлиндер, не понимая реакции брата.

- Я не могу, Керер, – глухо ответил Ерардэр, отворачиваясь, – я не тот Король, которого они ждали столько лет. Я не великий воин, не хранитель Великих законов. Я просто ребёнок, получивший за какие-то заслуги меч дома. Они не примут меня.

- Ерер, – резко прервал его Керлиндер, а затем, словно опомнившись, продолжил более мягко, – они не могут не принять тебя, потому что они твоя семья. Они часть тебя, как и ты – их часть. Вы одно целое, и разве могут они причинить тебе боль? Они ждали тебя, ждали множество лет. Ты боишься разочаровать их? Да, возможно в глубине души они и ожидают великого правителя, но великие не берутся из ниоткуда. Они вырастают путём проб и ошибок, миллион раз падая, но всё равно поднимаясь, понимая свою ответственность и признавая свои ошибки. Это и отличает великого правителя. Да, сейчас, представ перед ними, ты не будешь великим Королём, но ты должен показать, что сможешь им стать. С их поддержкой и помощью ты сможешь поднять дом. И они поверят тебе, поверят в тебя, как поверили я и Гретелия. В конце концов, – Керлиндер подошёл ближе и встряхнул брата за плечи, – тебе ещё предстоит доказать всему Совету, что ты действительно достоин занимать трон, и твоя семья – твой единственный союзник в этом вопросе.

Ерардэр задумчиво поднял на него взгляд, повернувшись.

- Если ты сейчас не сделаешь этот шаг, всё остальное не имеет смысла, – твёрдо и с непривычной жёсткостью проговорил Керлиндер, – до этого я видел только своего брата. Даже во время посвящения в храме я не воспринимал тебя никак иначе. Но теперь я вижу перед собой Короля, великого правителя, за которым последует весь северный дом, наместником которого я являюсь, и это честь для меня. Мы все с тобой, Ерардэр, и наша сила есть часть твоей силы, мы сделаем всё, что сможем, но первый шаг ты должен сделать сам.

Ерардэр усмехнулся и снова посмотрел на своего брата. Он даже не успел заметить, как из тихого и замкнутого Керлиндера тот превратился в настоящего наместника дома, того, кому он сможет доверить всё, и кто с честью разделит с ним бремя этой короны. Чёрное одеяние и младший меч дома придавал его фигуре какую-то необъяснимую твёрдость и непоколебимость. Нематериальная лёгкость, свойственная Керлиндеру теперь сочеталась с глубоким чувством ответственности второго главы семьи. И этот человек его брат, неужели он сам не сможет соответствовать ему?!

В то же мгновение Керлиндер улыбнулся, потому что наконец-то увидел то, что ждал всё это время. В доли секунды место запутавшегося и неуверенного юноши занял настоящий Король. Вся фигура Ерардэра внушала величие и подчинение, а в зелёных глазах вспыхнул огонёк, свойственный всем истинным главам Великих Домов: полный силы и непоколебимой уверенности. Что-то древнее и необъяснимое читалось в нём в это мгновение, и Керлиндер физически ощутил едва различимые Нити новой эпохи, эпохи в которую крупными буквами будет вписано имя дома Морзано...

Недавняя война с раасскими кочевниками и долгие годы отступничества дома значительно проредили его ряды. Многие из представителей семьи погибли, другие уехали за границу, стараясь избежать безумного влияния Ристофера. То же произошло и с посвящёнными приближёнными дома. Сейчас все гости помещались в малом зале, в то время как в лучшие времена дома Морзано, им не хватило бы и балльных помещений.

Керлиндер спустился первым и внимательно оглядел всех собравшихся. Впереди всех на импровизированном троне восседала, до сей поры негласная глава семьи. Симьен Гретелия, несмотря на свой возраст, излучала непоколебимую силу и властность, словно годы были лишь пылью, незаметно пролетевшую у её ног. Чуть поодаль, стоял один из последних посвящённых воителей северного воинского дома, отверженный и запертый на долгие годы в своём замке, а теперь отпущенный с приходом нового Короля. Крамбеор Белиор Рартимер, изрядно поседевший, с усталыми, но всё ещё горящими глазами, уверенно стоял рядом с креслом Гретелии. Её муж, ещё один из великих воинов, пал ещё до рождения своего внука в одной из битв с кочевниками. С другой стороны от кресла, стояла единственная дочь Гретелии и Мать Керлиндера Франтензия Гретелия Морзано-Сервеншир-Нунарде. Оба её младших брата, ещё совсем юными, пали в битве вместе с её отцом. Рядом с ней стоял её супруг и отец Керлиндера Нулимон Чарао Нунарде, принявший имя Мириер. Он не был выходцем из земель Амбэралы, однако, он принимал Великие законы и прошёл посвящение, поэтому никто не посмел бы упрекнуть его в невежестве. Чуть поодаль стояла женщина по возрасту чуть моложе самой Гретелии. Её платье отличалось от покроя прочих дам свободным фасоном и минимальным количеством вышивок, а длинные волосы были убраны в высокую причёску. Родственница Морзано в пятом поколении, на сегодняшний день она оставалась последней из воителей, владеющих техникой Нитей силы. Её дети и внуки смогли перенять часть знаний, но основного мастерства так и не смогли освоить. Тапеллания Варнаве Каророн присутствовала здесь со всей своей семьёй, что, впрочем, сделали и многие присутствующие в зале. Рядом с ней, прячась за фигуру всемогущей бабушки, стояла девочка лет семи. Пиллария, – едва вспомнил Керлиндер, – Пиллария Шолле Морзано-Каророн. Он едва знал её имя, не говоря уже о том, чтобы видеть лично, но её близость к Тапеллании наводила на мысли, что возможно летающие клинки дома Морзано снова вернутся к жизни. В другой стороне зала располагались единственные выжившие родственники Аллелии Морзано, матери Ерардэра. Её старшая сестра Амирия Аонна Редоме со своей семьёй, и её младший брат Адриин Раворен Редоме. Лишь несколько дней назад он, наконец-то, смог вернуться в родной дом, до этого множество лет вынужденный блуждать по землям Морзано, скрываясь от главы дома. Молодой Редоме жаждал мести, желая, чтобы кровь Ристофера пролилась как плата за его сестру, не выдержавшую жизни в главной цитадели дома. Сейчас он был здесь, его враг мёртв, но Керлиндер всё равно опасался, что в любой момент от этого человека можно было ожидать чего угодно. Как бы Адриин не любил Аллелию, Ерардэр сын Ристофера и истинный Морзано, кто знает, какие же чувства победят в нём в самый неподходящий момент. Наконец, окинув взглядом всех родственников и посвящённых приближённых дома, Керлиндер обратил своё внимание ещё на одну фигуру. Это был подросток лет пятнадцати, стоящий у самой дальней стены. Тень закрывала его лицо, но Керлиндеру было достаточно силуэта, чтобы понять личность ещё одного представителя дома Морзано.

- Круотер, – мысленно произнёс он, – что он здесь делает? Как он вообще попал на это собрание, – в душе всколыхнулось беспокойство. Этот ребёнок отравлен злобой своего окружения, он даже не является посвящённым и не имеет никакого понимания того, что представляет из себя Великий Дом. Чего же он хочет добиться, находясь здесь?

Наконец, Керлиндер занял своё место слева от главного возвышения, продолжая осматривать собравшихся. На лестнице слышались шаги, тяжёлые резные двери скрипнули,

открывая взорам собравшихся высокую тёмную фигуру. Едва свет упал на вошедшего, все, наконец, увидели того, кого ждали так много лет... В его движениях не было ни робости, ни страха, совсем недавно сковывающих его, лишая сил. Уверенный взгляд молча осматривал присутствующих. Даже непосвящённый мог ощутить, какая сила тянулась от этого человека. Еرارдэр Ристофер Морзано, глава дома и законный правитель этих земель.

Керлиндер мысленно улыбнулся: начало положено, теперь оставалось только выстоять перед несколькими присутствующими.

Еرارдэр молчал, медленно оглядывая собравшихся. Несмотря на невозмутимый вид, внутри у него всё переворачивалось от ощущения множества оценивающих взглядов, направленных прямо на него. Но отступать было некуда, сейчас представители семьи и близких к дому посвящённых родов ждали его слов, а он, словно ребёнок, впервые читающий заученные строки на детском празднике, не мог вспомнить ни слова, продолжая внимательно смотреть в глаза своих подданных. Многих из этих людей он видел впервые. Из-за падения Ристофера семья распалась и практически потеряла связь друг с другом. Хорошо он знал лишь Гретелию и родителей Керлиндера, с которыми он вырос, остальные же оставались для него загадкой и полной неожиданностью.

Свет от луны скользнул сквозь окно, отразившись в серебряных узорах плаща и утонув в тёмно-зелёных глазах Короля. Еرارдэр улыбнулся.

- Добрый вечер, – непривычно громкий голос отразился от стен, создавая едва заметное эхо, – спасибо вам, что приехали сюда. Для меня очень важно, что силы дома наконец-то соберутся вновь и Морзано смогут возродиться среди прочих амбэральских домов, – его взгляд на секунду задержался на Гретелии в глазах которой играло тепло и одобрение. – Я понимаю, – продолжил он, – что для кого-то я не тот правитель, которого вы ждали. Но я Морзано и мой меч доказательство этому. – В подтверждение своих слов Еرارдэр вынул из ножен творение великого Мастера, сверкающий в лунном свете, клинок дома Морзано. Пальцы уверенно сомкнулись на рукояти и все могли увидеть, что реликвия принимала нового Короля, сияя ослепительным светом северного воинского дома. Он опустил меч и снова заговорил. – Два дня назад я получил посвящение. Как вам известно, моим наместником стал мой брат Керлиндер. Я прошу у вас помощи и поддержки на своём пути, чтобы дом шёл в едином направлении согласно Великим законам.

На мгновение все замолчали. Сердце Еرارдэра замерло. Его приговор решался в эти секунды.

- Мы рады, что корона дома вернулась в надёжные руки, – вкрадчивый женский голос нарушил тишину, и Еرارдэр встретился взглядом с одной из опаснейших женщин королевства, Тапелланией Каророн, – и верим в чутьё и силу нового Короля.

- Согласен, – грузным голосом отозвался Крамбеор, – я рад, что моя семья сохранила верность традициям в эти годы, и я могу участвовать в возрождении дома.

Амирия внимательно оглядела его, стараясь увидеть что-то недоступное никому другому, и, выступив вперёд, заговорила.

- Моя семья также сохранила посвящение, но даже это не спасло от гибели мою сестру, – в зале повисло молчание, а Еرارдэр замер, не отводя глаз от своей тётки. За все эти годы он ни разу не встречался с семьёй своей матери, и не мог даже предположить, что можно было ожидать от этих родственников. Тем временем она продолжила, – да Аллелия была посвящённой, но её больше нет. Её сын жив и сейчас стоит перед нами. Я чувствую, что он Морзано в полном смысле этого слова, но это и пугает меня. Мы не помним истинных Королей Морзано, помним только отступников, и эта память наша погибель. Но я готова оставить воспоминания и ярлыки ради веры в то, что тот, кого мы видим перед собой действительно откроет нам истинный путь, – закончив, она чуть улыбнулась Еرارдэру и отошла обратно к хмурому Адриину.

Наконец, Гретелия, как негласная глава семьи, посмотрела на своего внука.

- От своего лица и от лица своей ветви семьи я признаю, что Ерардэр Ристофер является истинным Королём дома Морзано, и никто и ничто не способно препятствовать этому. Дом признал тебя, как признаёт и твой путь как часть своего.

Она улыбнулась, и Ерардэр облегчённо вздохнул, улыбнувшись в ответ.

- Уважаемая королева, – надломленный насмешливый голос нарушил возникшее умиротворение, – вы уверены, что учли все стороны, прежде чем признавать его Королём. Гости обернулись, чтобы увидеть говорящего мальчишку, вышедшего из своего угла на свет и представшего прямо перед Гретелией и Ерардэром. Свет упал на его фигуру, явив членам семьи худого и угловатого подростка лет пятнадцати.

Он был одет в традиционные цвета Морзано, но, в отличие от всех остальных, выглядел небрежно и даже неряшливо, смотрясь растрёпанным цыплёнком на фоне гостей. Его тёмно-русые волосы казались грязными и стояли торчком. Небольшие бледно-голубые глаза сильно выделялись на худом лице. Он жестоко ухмылялся, с насмешкой оглядывая всех присутствующих.

- Боюсь, – медленно растягивая слова, продолжил он, – что этот человек является не единственным кандидатом на трон дома Морзано.

- Замолчи, Круотер, – прошипела Гретелия, но тот словно не замечая её, продолжил.

- Вам может быть неизвестно, но у Ристофера Морзано есть ещё один сын, – он жестоко ухмыльнулся и высокомерно посмотрел в сторону королевы дома. – Могушественная Гретелия наверняка умолчала о столь значительном факте, – глаза женщины метали молнии. Казалось, что она готова в то же мгновение задушить наглеца прямо в этом зале, но её жизненные принципы не позволяли ей даже подняться в ответ на эту провокацию, чем Круотер нагло пользовался. – Видите ли, я, являясь сыном главы дома Морзано Ристофера, также имею право получить меч и верховенство домом. Тот факт, что этот самозванец, – он красноречиво посмотрел на Ерардэра, лицо которого сохраняло холодную маску, – всё детство прятаящийся за юбки нашей старейшей матроны, отнюдь не говорит в его пользу. К тому же, какой из него Король, если большую часть жизни он прожил вдали от резиденции Морзано, вдали от своего Короля. О какой преданности тут вообще может идти речь, уважаемые представители дома?

Зал замер, вслушиваясь в речь наглеца. По застывшей тишине невозможно было понять, то ли это молчание возмущения поведением оратора, то ли это скрытое возмущение тем фактом, что им было неизвестно о существовании этого юноши.

- Исходя из этого, я требую от Ерардэра вернуть меч на место, дабы я смог законно принять свой трон, – закончил подросток, требовательно глядя на Ерардэра.

Лицо главы дома Морзано не выражало в тот момент ничего, но в глазах его плескалось множество эмоций. Шок от осознания того, что у Ристофера был ещё один сын, недоумение, от всей этой ситуации, раздражение от столь открытого хамства и желание в ту же секунду стукнуть мальчишку чем-нибудь тяжёлым, чтобы вправить ему мозги раз и навсегда. Ерардэр впал в ступор, не в силах сказать что-либо, неожиданная новость сделала его уязвимым, и он никак не мог понять, кого же видит перед собой: ещё одного брата, или врага, явно заслуживающего наказания. Тишина, казалось, стала осязаемой, никто не мог шелохнуться, словно боясь окончательно разбить что-то хрупкое и ценное.

- Круотер Ристофер Аалая-Морзано, – мягкий спокойный голос словно выплыл, осторожно разрезав затянувшееся молчание. Керлиндер выступил вперёд, спокойно и чуть снисходительно оглядывая подростка.

- Морзано-Аалая, – огрызнулся Круотер, но наместник лишь мягко усмехнулся и продолжил.

- Нет, Аалая-Морзано, – спокойно ответил Керлиндер, – твоя Мать не была связана узами судьбы, ты был рождён вне брака. В данном случае род матери стоит первым вне зависимости от положения и знатности обоих родителей, – по-учительски пояснил он и продолжил, обраща-

ясь ко всем собравшимся, – так вот, этот юноша действительно является незаконно рождённым сыном Ристофера Морзано. Но, как мы все знаем, Ристофер не был посвящённым или признанным домом, а, следовательно, не имеет права наследования. Фактически дом мог избрать любого члена семьи вне зависимости от близости кровной связи с последним Королём. Также напомним, – он выразительно посмотрел на Круотера, – для тех, кто забыл историю Великих Домов, что кинжалы цитаделей хранят в себе Сердце всего дома и выбирают наследника из всех ныне живущих представителей. В таком случае, если бы избранный был жив, но другой посвящённый пришёл получить клинок, у него бы ничего не вышло, дом сделал свой выбор раз и навсегда. Меч мог ждать любого, но он сделал свой выбор и признал истинного Короля в Ерардэре, в чьих руках он сейчас и находится.

- Это ложь! – прокричал Круотер. – Никаких законов не существует, ты придумываешь их в угоду своему Королю, как оправдание для ваших махинаций. А сами вы ничто и никакая сила вам не поможет противостоять мне!

Лицо Керлиндера не дрогнуло. По залу прошло едва осязаемое беспокойство. Гретелия сидела, не шелохнувшись, предоставляя возможность своим внукам самим найти выход из этой ситуации.

- Я Король, я! – продолжал кричать Круотер. – А не сын этой сумасшедшей...

- Что! – послышался рёв у стены. Никто не успел опомниться, как Адриин выскочил вперёд и готов был уже снести наглеца с лица земли, когда путь ему перегородил Керлиндер, останавливая его удар своим клинком.

- Арин, остановись! Успокойся! – кричал он, но Адриин словно не слышал. Он не позволит в этих стенах оскорблять свою младшую сестру, которая потеряла жизнь из-за этого мерзкого дома. Адриин с самого начала был против её брака с отступником, и её смерть только подтвердила его мысли, но он не позволит очернить её память. Множество лет младший Редоме скитался в надежде отомстить, своими руками уничтожить Ристофера, чтобы тот раз и навсегда запомнил, какую боль Морзано причинили его семье. Амирия отвернулась от него: слишком много гнева и жажды мести заняли его сердце. Адриин не мог думать больше ни о чём, вся жизнь его представлялась сплошным крестовым походом, поэтому, когда Ристофер вдруг пал, вся окружающая действительность оказалась бессмысленной. Волоча своё жалкое существование, он вернулся в дом сестры, которая впустила его, надеясь, что теперь, после гибели объекта его ненависти, Адриин сможет, наконец-то, вернуться к жизни. Но у того были другие планы, боль и сердце его оказались не отомщены и подсознательно он искал новую жертву для своей мести, чтобы излить всю горечь этих долгих лет мучений и страданий.

Первым предполагаемым кандидатом на роль виновника, конечно, был Ерардэр. Но увидев своего племянника, сына своего главного врага, он понял, что ничего не сможет ему сделать. Он был похож на Ристофера, только с более мягкими чертами и яркими живыми глазами, но, в отличие от прошлого Короля, от него незримо веяло силой и величием. Глядя на него можно было без сомнений сказать, что этот человек посвящённый, причём посвящённый Великого Дома, преданно несущего свою судьбу. Адриин ничего не мог ему сделать, не смел даже подумать об этом, когда рядом появился тот, кто идеально подходил на роль виновника всего этого. Байстрюк Ристофера, наглый ребёнок, ничего не сведущий в Великих законах, вот тот, кто идеально олицетворял всё то, что нёс в себе Ристофер. Его оскорбление Аллелии стало последним поводом для него самого. Туча гнева всколыхнулась и затопила сознание, оставив лишь только одну мысль – месть.

Но его клинок неожиданно встретил преграду. Керлиндер со спокойным лицом выступил вперёд, не давая ему добраться до наглеца.

- Отойди, Керер, – прорычал Адриин, – это не твой бой.

- Но и не твой, – абсолютно спокойным тоном ответил наместник, – ты не контролируешь себя, отступись, я разберусь во всём.

Адриин был с этим не согласен, но и сражаться с Керлиндером ему не хотелось.

- Керлиндер, – угрожающе проговорил он, – я не хочу драться с тобой, отойди с моего пути.

- Нет, не могу, – грустно улыбнулся наместник и с лёгкой жалостью осмотрел Адриина. Выглядел тот действительно неважно, словно обезумевший зверь с красными глазами, готовый броситься на любого, кто осмелится ему помешать. Керлиндер же оставался непоколебимым, его скорее пугало, что Адриин может пострадать от своих эмоций, нежели причинить ему вред. Любому посвящённому известно, что когда воин теряет свой самоконтроль, он проиграл, даже не достав оружие.

Ерардэр было хотел уже вмешаться, но Гретелия и Керлиндер мысленным криком остановили его. Сейчас для Адриина всё было красной тряпкой, и стоит Ерардэру вступить за своего сводного брата, как в мыслях младшего Редоме он сразу же окажется по другую сторону баррикад. Гретелия могла ему приказать, но в его семье тоже был свой глава.

- Адриин, перестань, – струящийся, но в то же время очень твёрдый голос вырвал его из оцепенения. Позади него стояла Амирия, его старшая сестра и глава его семьи. Волей или неволей, он вынужден был подчиняться ей, и хоть главы посвящённых семей редко позволяли себе такое прямое вмешательство, сейчас Адриин был в шаге от безумия и необходимо было остановить его любой ценой.

- Ария я... , – начал он, виновато глядя на сестру.

- Отпусти Керлиндера, он знает, что делает, – глухо произнесла она и отвернулась. Адриин, ещё раз бросив недовольный взгляд на достаточно сильно напуганного Круотера, нехотя поплёлся за сестрой.

Керлиндер мысленно выдохнул. Если бы Адриин не остановился, битвы было бы не избежать, а никому не хотелось начинать новый путь дома Морзано с кровопролития и противостояния. Благо Амирия оказалась умнее и вовремя остановила своего брата. Ерардэр остался в стороне, но это не его бой, его задача защищать семью от внешних сил и восстанавливать истину. А с этой ситуацией наместник вполне был способен совладать в одиночку, пусть даже придётся немного применить оружие для лучшего аргумента.

- Хорошо, – обратился Керлиндер к Круотеру, – хочешь занять трон, сразись сначала со мной, тогда, быть может, у тебя и появится шанс получить корону.

Крамбеор невольно усмехнулся. Как человек, привыкший разгадывать стратегии противников, он легко понял игру Короля и наместника. Круотер был слишком молод, его ум затуманен иллюзиями, и, вкупе с юношеской категоричностью, он просто не способен был слышать и видеть то, что происходит вокруг. Подросток признавал лишь тот мир, в котором закрылся сам, и единственная возможность открыть ему глаза – это уступить место действию и заставить очевидность выступить саму за себя.

Ерардэр, отошедший от шока, с интересом наблюдал картину, разворачивающуюся на его глазах. Не каждый день увидишь такую великолепную игру Керлиндера. Будь они в другом месте, он бы точно не удержался от аплодисментов. Его наместник всегда хорошо видел людей, умел находить нужные слова и действия, и сейчас он разыгрывал очередной привычный сценарий, который несколько раз использовал и на Ерардэре. Даже самое непробиваемое ослиное упрямство гибнет под ударом истины, иначе уже ничего не может помочь человеку. Ерардэр не желал вмешиваться в это действие, но кое-что он мог сделать. Когда его не будет, Керлиндер останется за главой дома, и необходимо, чтобы его значимость ничуть не уступала значимости Короля.

- Керлиндер, – уверенно позвал он, и когда юный наместник обернулся, протянул ему меч, всё это время находившийся у него в руках. Глаза Керлиндера расширились от удивления. Меч дома, брат протягивал ему меч дома! Символ правления Королей. Конечно, помимо Ерардэра сейчас он единственный, кто может коснуться этого клинка, но наместник не ожи-

дал такой чести. На глазах у всей семьи Керлиндер принял меч Морзано, светло-синие искры пробежали по мечу. Наместник! Истинный наместник! Он сам словно стал выше, и в до этого спокойных глазах появилась глубокая мудрость и непоколебимое равновесие.

Круотер тоже вытащил меч, простенький клинок, слишком украшенный для того, чтобы быть боевым оружием, слишком массивный, чтобы защищаться от скоростных ударов, слишком неподходящий для молодого воина.

Они встали друг напротив друга, Круотер занёс меч, занимая боевую позицию, Керлиндер же церемониально прижал клинок дома к груди, не желая использовать его в битве. Это был знак его права выступать здесь от имени Ерардэра, и он с честью выйдет победителем из этой ситуации.

Круотер сорвался вперёд, стараясь заставить наместника врасплах. Ему отчаянно хотелось доказать, что он ничуть не хуже Ерардэра или кого бы то ни было, и юноша был готов ради этого на всё. Он с детства привык биться, и в своих краях слыл непобедимым. Намного превосходя по силе своих сверстников, Круотер привык побеждать и даже не рассматривал вариант поражения. Лезвие его оружия уже приближалось к наместнику, замершему с закрытыми глазами и прижимающему к груди меч дома.

- Вот, – подумал Круотер, – ещё немного...

Лезвие неслось с ужасающей скоростью, и лишь за какие-то доли секунды, когда Круотер уже мысленно праздновал победу, глаза Керлиндера раскрылись. Даже в такой спешке подросток не мог не заметить, что от взгляда наместника словно полыхнуло жаром. Лёгкое незаметное движение и массивное оружие Круотера рассекло воздух. Промажнулся?! Неужели промахнулся! Он замер, ошарашено оглядывая пустое место, где несколько секунд назад стоял наместник.

- Сумон, – послышался приторно-вежливый голос из-за спины, – вы собираетесь сражаться или я могу уйти?

Круотер обездумел, ещё никогда его не унижали подобным образом, ещё никогда он не был так зол. Беспорядочные удары сыпались во все стороны, но ни один из них не достигал цели. Наместник легко уворачивался, даже не пытаясь использовать своё оружие. Мальчишка был слаб, он не имел никакого представления ни о мире, окружающем его, ни о истинной силе. Круотер не умел контролировать свои эмоции, не умел чувствовать противника, не умел слушать этот огромный и невероятный мир, чтобы увидеть то, что недоступно обычному взору. У него не было шанса.

- Перестань, – в отчаянии закричал подросток, продолжая наносить тяжёлые рубящие удары, – прекрати бегать, сражайся!

Последнее, что смог зацепить глаз Круотера, это как Керлиндер обернулся. Несколько вспышек боли в разных местах, и вот он уже лежит на полу не в силах даже пошевелиться. Керлиндер, завершив последний удар корпусом, медленно поднялся и передал так и неиспользованный меч Ерардэру. Тот кивнул, принимая назад своё оружие, и наконец-то подошёл к обессиленному подростку. Круотер приподнялся на локте, стараясь хоть мельком увидеть то, что происходит. Его грёзы рухнули. Стремясь сюда за победой, он оказался на полу, поверженный наместником, даже не Королём! Круотер был слаб и впервые осознал это слишком хорошо. Всю жизнь привыкший полагаться на физическую силу, он заметил, что помимо этого есть ещё что-то, и это что-то никак не могло оформиться в его мыслях. Эти люди были другими, все они. Что-то незримое выделяло их, заставляя кровь застыть в жилах, если ты перешёл им путь. Обезображенный меч Круотера валялся где-то поодаль. Его прошлого больше не было, а будущее полностью исчезло, сражённое Керлиндером.

Перед глазами проскользили тёмные полы плаща. Круотер поднял взгляд и ужаснулся. Рядом с ним, опустившись на колено, сидел Ерардэр Морзано. Невольно по телу подростка прошёл холодок. Теперь он искренне боялся этого человека, и если для наместника Круотер

оказался никем, то теперь Король просто уничтожит его за посягательство на корону. Однако лицо Ерардэра было на удивление спокойным и полным умиротворения. Он внимательно разглядывал подростка, стараясь увидеть что-то, недоступное взорам других. Круотер замер, ожидая своего приговора, боясь даже шелохнуться под взглядами этих людей.

- Ты сделал ошибку, – начал Ерардэр, и голос его прозвучал одновременно твёрдо и успокаивающе, – ты попытался посягнуть на силы, неподвластные тебе, силы, к которым ты не испытываешь ни привязанности, ни уважения. Естественно, что они оттолкнули тебя, приведя к поражению. Никакую крепость нельзя взять прямым ударом, основанным только лишь на глупом упрямстве и безрассудстве. Если ты не будешь идти вместе с этим миром, он уничтожит тебя, как болезнь на собственном теле. Ты сделал ошибку, но не ошибается тот, кто ничего не делает. Твой путь был не прост, но он привёл тебя сюда, и у тебя всё ещё остался выбор. Сейчас твой прошлый путь окончен, а новый ты выберешь сам. Ты всё ещё остаёшься Морзано, что бы ни произошло, ты всё ещё часть этого дома. Ты можешь вернуться к своей судьбе. Если ты готов учиться и бороться с самим собой, ты можешь стать другим. Можешь занять своё место среди членов дома Морзано как истинный посвящённый, а можешь блуждать в тумане, так и не найдя смысл своего существования. Ты мой брат и я не хочу терять тебя даже не успев встретить, но твоя воля свободна и выбор этот можешь сделать только ты сам. Я предлагаю тебе остаться в доме и начать учиться под предводительством Гретелии и Керлиндера или отправиться восвояси и больше никогда не появляться в этих стенах.

Ерардэр поднялся и медленно пошёл в центр зала. Керлиндер, стоявший напротив, в этот момент видел, как быстро начало меняться лицо подростка. Изумление и непонимание сменились растерянностью. Круотер был ещё слишком юн, и едва ли мог предвидеть свой путь. Возвращаться ему было некуда. По информации Керлиндера, его мать давно уже была замужем, и королевский байстрюк явно не вписывался в её новую семью. Круотер был разрываем противоречиями: с одной стороны, принадлежность к древнему роду тянула его в храмы и залы, а привычка жить в обычном мире, далёком от каких-либо законов, пугала его перспективой вечно быть запертым в этом странном обществе с его непонятными законами и традициями. Но было одно различие, различие, определяющее всё. В том, привычном ему мире, его уже никто не ждал. Он никому не был нужен. А здесь, нужен ли он этим людям как насмешка над их благородством? Они были сильны, сильны и величественны, и подсознательно Круотеру хотелось почувствовать себя частью этого мира. Не как враг и насмешник, а как один из них, владеющих частью мудрости этого мира. Сердце отозвалось криком, сомнения были отброшены, у него больше нет другого пути.

- Ерардэр, – громко окрикнул Круотер, наконец, поднимаясь на ноги. В ответ на это, глава дома остановился и обернулся, ожидая продолжения, – я прошу тебя обучить меня тому, что подобает знать члену дома Морзано, чтобы впредь я мог достойно занять своё место в семье.

- Ты уже часть этого дома, – улыбнулся Ерардэр, – я рад, что ты вернулся домой.

Взять на себя обучение Круотера вызвался Крамбеор, слишком этот нахальный и глупый мальчишка напоминал ему его самого, когда он после долгих скитаний всё-таки осознал ценность законов силы и своей семьи. Тапеллания вместе со своей семьёй отбыла вскоре, любезно попрощавшись со всеми. Поймав взгляд Керлиндера, она слегка кивнула ему, признавая его талант и право на звание наместника. Гретелия же внешне кажущаяся привычно холодной и отчуждённой, была безумно горда обоими своими внуками. Эта парочка сумеет возродить дом, теперь у неё не осталось никаких сомнений.

Когда зал, наконец, опустел, Керлиндер судорожно выдохнул и позволил себе опуститься прямо на пол. Ерардэр же привалился к косяку, закрывая глаза. Лицо его расслабилось. Всё это время оба находились в таком внутреннем напряжении, что теперь готовы были упасть от усталости. Каждый взгляд, каждый жест, всё было под их контролем, но они выстояли, и теперь дом Морзано может надеяться на возрождение.

- Конечно, если Еرارдэру удастся вернуться, – мысленно добавил Керлиндер, но тут же в уме отогнал эту идею куда подальше.

- Наконец-то это закончилось, – проворчал наместник, разваливаясь на полу, – я под конец уж решил, что придётся ещё и с Адрином дуэль устраивать.

- Благо Амирия ещё имеет над ним власть и смогла увести его, – старший Морзано дошёл до ближайшего кресла и бесцеремонно развалился в нём, – ну, по крайней мере, кроме Круотера меня никто не пытался свергнуть.

- Лиха беда начало, – ответил Керлиндер, – не думаю, что Совет будет столь же рад твоему возвращению, как наша семья.

- Да, – задумчиво усмехнулся Еرارдэр, – с ними придётся повозиться.

- Но сегодня у нас всё получилось, а, значит, разберёмся и с Советом, – беззаботно рассмеялся наместник, как в далёком детстве, словно через мгновение ему не придётся снова бороться вместе с братом за судьбу своей семьи.

- Меня беспокоит Адриин, – помрачнел Еرارдэр, задумчиво глядя перед собой, – что с ним происходит?

- Периодические помутнения рассудка, – ровно ответил Керлиндер, – из-за вспышек гнева и выбросов эмоций младший Редоме даже не может удержать оружие средней силы. Он всё гасит, что бы ни попадало на его пути. И Адриин не хочет бороться, боюсь, что Амирия запросто может потерять и его, если он растеряет последние крупницы своего сознания.

- И что можно сделать? – спросил Король.

- Нам ничего, – фыркнул Керлиндер, очевидно, что и ему самому не нравилась эта ситуация, – как бы сильны мы не были, мы не можем повлиять на его волю. Все выборы он делает сам. Амирия может, конечно, настучать ему по голове, но глядя на него сегодня, не думаю, что это даст какой-либо эффект.

- Какой парадокс, – грустно улыбнулся Еرارдэр, – свобода выбора даёт нам столько возможностей, и в то же время может обернуться страшным проклятием

- Да, – согласился Керлиндер, – это действительно так. Чтобы получить помощь, нужно сначала захотеть измениться, а потом попытаться идти выбранным путём, даже если кажется, что это невозможно. Если ты устремлён, то ничто не сможет тебя остановить и всё будет способствовать и помогать тебе на этом пути.

- Как нам, – улыбнулся Еرارдэр.

- Как нам, – кивнул его брат, – по крайней мере, Амирия и Тапеллания высказали тебе своё почтение, а Крамбеор, по-моему, вообще в восторге от этой ситуации. У нас неплохие союзники. Конечно, это не много, но если костяк дома Морзано будет таким, нам нечего опасаться, по крайней мере в собственной семье.

- Есть ещё Круотер, – слегка усмехнулся старший Морзано, – не знаю, что ожидать от этого подростка. Он отравлен злобой, причём злобой на Ристофера, так же, как и я когда-то, – проговорил Еرارдэр, поднимая взгляд, – Круотер хотел получить трон не для того, чтобы насолить мне, а чтобы отомстить отцу.

- Но ты же справился с этим, – улыбнулся наместник, – сумел преодолеть эту злобу.

- Справился, – глубоко выдохнул глава дома, – но это был долгий и непростой путь, и вряд ли кому-нибудь я пожелаю пройти его.

- К сожалению, наши желания редко спрашивают, – спокойно продолжил младший Морзано, – и Круотер уже вступил на этот путь. Не спорю, что в любой момент он может сорваться, но мы не можем пройти его путь за него самого. Максимум, что мы можем сделать, что ты можешь сделать как его брат и человек, прошедший подобный путь, это поддержать его и помочь разобраться в себе, поделиться своим видением пути и, возможно, открыть ему глаза на то, что на самом деле происходит с ним.

- Но как мне с ним разговаривать! – воскликнул Еرارдэр. – Он же не станет меня слушать!

- С чего ты взял? – переспросил Керлиндер, прищурившись. – Возможно некоторое время назад он не дал бы тебе и слова вставить, но сейчас этот ребёнок сломлен, его идеалы разрушены. Максимум что Круотер будет делать, это фыркать и огрызаться, пытаюсь хоть как-то почувствовать себя в безопасности. Не мне тебя учить, что нужно объяснить ему, чтобы он понял, что подобная защита не выход из положения, что есть другие пути, гораздо более сильные и действенные.

Ерардэр рассмеялся.

- Мне объяснять ему?! Мне, недоучке, вечно скитавшемуся по стране. По-моему, ты мне льстишь, я не тот человек, который способен научить.

- Но рано или поздно тебе придётся учиться этому. Учить своих детей, учить желающих, а после учить в храме. Будучи воином, всю свою жизнь тебе предстоит быть учителем, продолжая являться учеником. Это не страшно, что ты чего-то не знаешь, страшно не желать узнать после обнаружения незнания. У тебя впереди целая жизнь, чтобы выяснить это. Тебе просто нужно идти и чувствовать своё сердце. Ты поймёшь, когда нужно будет говорить, а когда пройти мимо бессмысленного ждущего разговора. Когда можно быть категоричным, а когда осторожным в своих суждениях. Для этого нет готового рецепта, этому ты, как и все мы, будешь учиться всю жизнь и, вполне вероятно, будешь ошибаться. Но не ошибается тот, кто ничего не делает, и с каждым разом твоё восприятие будет совершенствоваться, и ты почувствуешь, когда нужно сделать тот или иной шаг.

Ерардэр невольно улыбнулся и посмотрел на брата.

- По-моему ты и так превосходный учитель.

- Да брось, – фыркнул Керлиндер, – моя роль обязывает учить Короля дома, вправлять ему сознание, когда это необходимо, поэтому мне тоже придётся учиться чувствовать окружение, чтобы вовремя дать тебе совет или предостережение. Такова моя роль, может поэтому мне проще даётся это искусство. У тебя же это лишь часть пути, включающем ещё путь воина, правителя и хранителя, значения и суть этих ролей тебе придётся искать самому, тут я тебе уже не помощник.

Ерардэр задумался. Множество ролей, обязанностей, ответственностей... Путь, выбранный им, пролегал по очень крутой и извилистой дорожке, и идти по ней вслепую не представлялось возможным. Поэтому ему нужны были знания – вот и последнее подтверждение правильности его выбора.

- Когда ты вернёшься из Иль-де-Нарса, – неожиданно начал Керлиндер, – если сможешь, то Расскажи мне про то, что узнал там. Устрой себе практику как учителя, – он поднял взгляд и Ерардэр понял, что его брат тоже осознаёт страшную реальность. У них ничего не осталось, их знания крохи, и в глазах великого Керлиндера на мгновение вспыхнула беспомощность от неуверенности в своих внутренних силах. Если бы на то была его воля, он бы тоже отправился вместе с ними, но кто-то должен остаться здесь и наместник дома Морзано смиренно принимает свой долг.

Двое всадников двигались прочь от неприступных стен цитадели Морзано. Путь их лежал на восток, в пустынные земли, откуда каждое утро выглядывали первые лучи, освещающие все грани Амбэральских земель. Чёрный конь скакал во весь опор, разбивая копытами землю, неся на себе такого же тёмного всадника, скрывающегося под чёрным походным плащом. Ветер то и дело пытался сорвать капюшон, надеясь увидеть лицо наглеца, посмеявшегося обогнать его в его же степях, но снова и снова терпел неудачу, невольно подчиняясь силе воина, идущего по пути судьбы. Второй, белый конь не отставал от своего спутника, но двигался гораздо мягче, хоть и с той же стремительностью и отвагой. Белый всадник даже не пытался надеть капюшон, и светлые волосы уже всю находились во власти ветра и солнца. Владыка ветров улыбнулся

им и пустился следом, сопровождая их в дальнюю дорогу в те края, где даже ему не ведомы все тайны...

Глава 3. Лиана

За окном раздался грохот надвигающейся грозы, но девушка даже не подала виду, задумчиво глядя в огонь. Чёрный замок со своим скромным убранством создавал ощущение защищённости, но порой ничто не может защитить от собственной судьбы. Вот и сегодня ей не спалось. В детстве в такие минуты она убегала в главный ритуальный зал. Там, у самого Сердца дома, как ей казалось, никто и ничто не сможет причинить ей боль. Но годы шли и реальность маленькой девочки всё больше и больше покрывалась тёмными пятнами очевидности. Нет, она не потеряла веру в лучшее, просто научилась жить в новом мире, играя по его законам, но при этом не давая никому посягнуть на свои собственные принципы.

Вот уже три года её голову венчала диадема дома Гемблет. Скромное украшение без всякой резьбы, выполненное из чёрного матового металла, сердцем которого был ослепительный гранат, алый как один из цветов восточного воинского дома.

Девушка невольно обернулась к украшению, лежащему на небольшой подставке у неё на столе. Гемблеты давно уже разучились Видеть, но старинные книги говорили, что этот рубин был не просто символом власти или красивой безделушкой. Когда-то он был частью регалии, индивидуального оружия кого-то из семьи Гемблет, чьё свойство было являть истину и открывать то, что сокрыто от глаз потоками времени. Рядом с диадемой лежал грубый огромный меч, с виду совсем не походивший девушке. Простые тяжёлые ножны, тёмный металл, затягивающий малейшие искры света. Со стороны подобное творение могло показаться пугающим, но сама она испытывала к этому клинку глубокую привязанность, как к совершенно живому существу, близкому её сердцу и душе. С самого детства меч был расположен к ней, позволяя иногда касаться жёсткой потёртой от времени поверхности, согревая неожиданным теплом.

Но сегодня даже он был непокоен. Сердце забилося быстрее в необоснованном предчувствии, и, повинуясь какому-то неведомому порыву, Королева дома Гемблет вскочила с кресла и схватила диадему. И лишь на мгновение взгляд смог зацепить на блестящей поверхности камня нечёткую картину чёрного и белого всадников, скачущих в далёкой степи, и высокую чёрную фигуру, с безумно отчаянными глазами...

Двое путников наконец-то пересекли границу земель дома Гемблет. Амбэральский договор предусматривал полное отсутствие каких-либо официальных границ так что любой человек мог свободно перемещаться по землям всех двенадцати королевств. Однако каждый житель этой страны прекрасно знал, где заканчиваются владения одного дома и начинаются другого.

Вот и теперь, переехав через деревянный мост над небольшим ручьём, Ерардэр мысленно отметил, что они пересекли границу. Природа на их пути постоянно менялась. Суровые таёжные земли сменили лиственные леса, а теперь перед ними была далёкая степь, простирающаяся до самых высоких холмов, за которыми и находился край Голубых лесов, куда они и держали путь. Лошади устали, и было решено сделать привал прямо у пограничного ручья и пополнить запасы воды, поскольку в этих краях её было не так много.

Степные земли, раскинутые под палящим солнцем, словно задыхались в собственном огне и с нетерпением ждали зимы. А зимы здесь были прекрасные: холмы и поля, покрытые ровным слоем снега, передевали чёрное королевство в ослепительно белые цвета, переливающиеся на солнце радужными бликами. Но сейчас весна лишь начинала своё шествие и солнце ещё не успело полностью предъявить свои права на эти земли.

- Как думаешь, – растянувшись на траве спросил Ерардэр. От полуденного солнца его клонило в сон, и он готов был уже задремать под звуки журчащего ручья, из последних сил

не давая себе заснуть. – Сможем ли мы обойти резиденцию стороной, или нам обязательно придётся посетить замок Гемблет?

Абриэль расседлал своего коня и задумчиво опустил рядом.

- Если нарвёмся на Девора, нам в любом случае придётся туда ехать, потому что в твоём присутствии вряд ли он сможет адекватно реагировать на происходящее, – устало усмехнулся Мюриэле, – К тому же, теперь ты глава дома и по статусу выше его. Ничего он тебе, конечно, не сделает, но нервы потрепать может.

- Да, в этом он мастер, – лениво протянул Ерардэр, – но будем надеяться, что нам повезёт.

Абриэль только кивнул и задумался, спокойно разглядывая зелёные холмы, касающиеся сияющего голубого неба. Никто из них никогда не общался с Лианой один на один, и поэтому он не знал, как глава дома Гемблет отнесётся к их путешествию. Его отец, как и многие другие правители, всегда отзывался о ней как о мудрейшей девушке, спокойной и рассудительной, никогда не принимающей поспешных решений, вопреки неугомонному темпераменту своего младшего брата. Лиана знает и уважает Великие законы, поэтому она не встанет у них на пути. Однако лишний раз афишировать цель своего путешествия им тоже не хотелось, неизвестно, как может воспринять Совет их решение о поездке. С Девором сам Абриэль не особо ладил, и по возможности старался максимально избегать общения с ним. В их совместных походах они обходились только деловыми отстранёнными разговорами, сохраняя шаткий нейтралитет, который тут же пропадал, стоило Ерардэру подойти к ним. Младший Гемблет был одним из самых неугомонных среди молодых наследников и Королей Великих Домов. Многие его недолюбливали, многие игнорировали, ведь Королевой всё-таки была его сестра, которая могла в случае чего приструнить зарвавшегося наместника, по совместительству своего младшего брата. По сравнению с тем же Керлиндером, толку от Девора как от наместника не было никакого, скорее Лиане приходилось нянчиться с ним, не рассчитывая на какую-либо помощь или поддержку. Самого Абриэля Лиана, скорее всего, примет спокойно, ведь ей известно, что он является женихом её лучшей подруги, и в будущем из-за Ноэлли ему не раз придётся быть гостем в этом доме и принимать её в своей цитадели. Но как она воспримет Морзано, главу ещё недавно падшего дома, он не знал...

Ерардэра же совсем не беспокоили подобные мысли. Он лежал, закрыв глаза и стараясь прислушаться к себе. Что-то новое поселилось у него в душе, что-то стойкое, тёплое и всеобъемлющее, что-то, чему он сам пока не мог найти объяснения. Он словно отстранился от всего, что происходило вокруг и оказался далеко, слишком далеко отсюда, чтобы думать о житейских делах. На душе у него было спокойно, казалось, что-то незримое стоит за его спиной, то, что неизменно ведёт его по пути судьбы и не даёт отступить. Перед началом путешествия его ещё одолевали страхи и сомнения, но теперь он был спокоен и уверен в правильности своего решения. И если бы вы спросили его, почему он так думает, Ерардэр бы только улыбнулся, ведь слова не способны объяснить то что происходило у него на душе.

Немного отдохнув и собрав вещи, друзья отправились дальше. Солнце уже клонилось к закату, и тёмные тени стали ползти по земле, пытаясь дотянуться до копыт лошадей, мирно пересекающих высокие травы.

Всадники высматривали место для ночлега, когда сзади послышался топот коней, и голоса, явно подгоняющие скачку. Недолго думая, Ерардэр и Абриэль остановились. В этих местах совсем негде было прятаться, и даже если бы их не заметили, уже было слишком поздно пытаться скрыться от чужих глаз. Единственным разумным решением было принять бой, да и для двух посвящённых, почти что Королей, мало кто мог оказаться серьёзной угрозой в амбэральских землях. Оба развернули коней в сторону звука, пытаясь разглядеть догоняющих. В свете закатного солнца неизвестные всадники казались ещё более тёмными и нереальными. Чёрные одеяния, грузные фигуры – таким было большинство населения этих земель, но было то, что сразу же зацепило глаз Ерардэра – ярко красный шарф на шее у первого всадника и алая

отделка плащей. Последние надежды развеялись, их догонял никто иной как Девор Гемблет, младший король этих земель.

Невольно Ерардэр выпрямился на коне, рука поползла к рукояти родового меча. От младшего Гемблета можно было ожидать всего, даже открытого вооружённого столкновения. Абриэль тоже приосанился и проверил оружие, готовый в случае опасности пустить его в ход.

Наконец всадники подъехали к ним и остановились напротив. Их было пятеро, внутренний круг Девора, его шайка, как за глаза называли их многие амбэральцы. Первым на чёрном коне восседал Девор Родемор Гемблет, в отличие от коня Ерардэра это животное было более сильным, однако менее подвижным и гибким, плохо приспособленное к длительным скачкам. Сам Девор был высокого роста, широкий в плечах, и чем-то напоминающий Викториана своей медвежьей фигурой. Однако Викториан, несмотря на это, смотрелся почтенно и достойно, Девор же создавал впечатление дикаря, готового разорвать свою жертву голыми руками. Он был одет в обычные традиционные чёрно-красные одежды дома Гемблет, чёрные выющиеся волосы контрастом падали на кроваво-красный шарф, а раскосые чёрные глаза внимательно оглядывали странников. За ним стояли ещё четверо всадников, в которых узнавались Лумур Ророс Тенте, лучший друг Девора, и его главнокомандующий во всех походах. Это был молодой человек старше самого Девора, с хищным и цепким взглядом. Дом Гемблет постоянно воевал. Находясь на границе с воинственными раасскими племенами они вынуждены были снова и снова совершать походы или отбиваться от временных захватчиков. Лумур однажды остался единственным в своей деревне, пережившей нападение, после чего пришёл в замок и попросился в ученики. Приближённые и глава дома вырастили и обучили его. Он был умен и талантлив, однако всех пугала хладнокровная жестокость, навсегда поселившаяся в душе этого ребёнка. С другой стороны от Гемблета стоял его троюродный брат, сын двоюродного брата его отца, Акварон Санимон Гемблет. В отличие от черноволосых Гемблетов, Квари носил небольшую русую косу на манер Сенденов, из земель которых была родом его мать. Он был наименее воинственным из всей шайки, тёмные глаза выражали беззаботность и беспечность, а на лице неизменно была полуулыбка. Прямо за ним чуть справа стояло двое черноволосых юношей, которых издалека можно было принять за близнецов, хотя они просто были братьями, младшими сыновьями одного из Гемблетовских приближённых. Фартуор Вараде Тамбет был на три года старше своего брата, оба имели традиционную внешность степных земель с непривычно короткими волосами. Насколько было известно путешественникам, старший Тамбет не отличался болтливостью, предпочитая держать своё мнение при себе. Даже сейчас, глядя ему в глаза Абриэль и Ерардэр не видели ни презрения, ни заинтересованности, только абсолютное спокойствие, впитывающее в себя окружающий мир. Младший брат, несмотря на сильную внешнюю схожесть со старшим, сразу выделялся более резкими движениями и цепким взглядом. В отличие от спокойного и выдержанного Фатора, этот молодой человек производил впечатление молодого хищника, также пытающегося читать этот мир, но делая это настолько быстро и поверхностно, что суть вещей постоянно ускользала от его внимания. Дантуор Вараде Тамбет был самым младшим из всей компании, поэтому порой не задумываясь следовал советам старших. Абриэль точно знал, что юноша в восхищении от Девора, и это, по его мнению, не могло привести ни к чему хорошему.

Всадники остановились напротив друг друга, не отрывая взглядов. Ерардэр мог почувствовать кожей какое злорадство плясало в тёмных глазах молодого Гемблета. Губы были искривлены в жестокой усмешке, и Морзано всеми силами сдерживался, чтобы не нахмуриться в ответ. Нет, он не ненавидел этого человека, но его присутствие всегда было связано с какими-то необъяснимыми вспышками эмоций, зачастую неприемлемыми при решении важных дел. Девор был посвящённым, но при этом самоконтроль оставался не самой сильной его чертой. Не способный контролировать свои эмоции, он становился пороховой бочкой на любом мероприятии Великих Домов, особенно в присутствии Ерардэра. В чём-то эти двое были безумно

похожи. Внутренний хаос на поле боя превращал их в саму стихию, не подвластную никому, стремительную и непобедимую. Они были словно из одного теста, но в то же время их пути были различны, и каждый делал свой выбор, за который ему предстояло нести ответ.

- Как интересно, – низкий голос Девора наконец разбил тишину, накрывшую долину, – Ерардэр Морзано и Абриэль Мюриэле, что же занесло вас в земли семьи Гемблет?

Ерардэр невольно вздохнул, теперь он глава дома, а значит его статус теперь выше, чем у его друга и отвечать придётся ему. Абриэль же пока мог довольствоваться ролью наследника, хотя насмехаться над ним Девор бы просто не посмел, слишком велико было влияние Араэля Мюриэле в Совете, да и сам младший Мюриэле не уступал ему ни в чём. За Абриэлем был дом, а с Ерардэром ещё можно было побороться.

- Приветствуем тебя, Девор Родемор Гемблет, – торжественно начал Ерардэр, видя небывалое удивление на лице своего собеседника. Он снова почувствовал себя спускающимся по лестнице в зал, где его ожидали старейшины дома Морзано. Он не проиграет. Пока он спокоен, торжественен, верен своим принципам, он не проиграет, – а также твоих спутников. Мы держим путь через твои земли по делам наших семей, поэтому считаем необходимым сейчас же продолжить путь.

Девора эти слова только разозлили, он впился взглядом в Ерардэра, но тот остался невозмутим.

- Интересно, – протянул Гемблет, – какие дела у ваших семей могут быть здесь, в восточных землях, на границе Амбэральских территорий, – лицо его снова окрасила ядовитая ухмылка, – а может два наследника решили сбежать, и избежать наказания за проступок перед главой дома? В таком случае, я буду вынужден задержать вас, до выяснения всех обстоятельств.

Абриэль невольно вздрогнул, слова Девора большей частью относились к Ерардэру, учитывая его взаимоотношения с отцом. Если бы Мюриэле умел говорить мысленно, он бы прокричал Ерардэру не высовываться, прикинуться наследником и молча добратся, так как это уже неизбежно, до замка Гемблет. Но Ерардэр естественно поступил как истинный Морзано. Тирада Девора вызвала у него лишь улыбку и внутреннее ощущение торжества, поднявшееся из самых глубин сознания. Нет, Ерардэр не был ни шпионом, ни политиком; он вырос на правде, и эта правда пропитала его до глубины души. Абриэль знал, что его друг практически не умеет врать, по крайней мере он ненавидел это делать. И вот сейчас в ответ на явное заявление о его неподчинении главе дома, Ерардэр только улыбнулся мягкой лёгкой улыбкой и не говоря ни слова распахнул полы своего плаща и вынул из ножен творение великого Мастера – клинок дома Морзано. Ладонь сомкнулась на рукояти, и яркий свет охватил лезвие – меч признал Короля.

-Но как... – Девор замер, не в силах произнести ни слова. Этот идиот, его главный недруг, человек, которого он желал видеть сгинувшим в канаве, а его дом потерянным и забытым, стал Королём, причём законным Королём, признанным силой своей семьи. Злость волной захлестнула младшего Гемблета, потому что ему никогда не придётся так хвастаться мечом своего дома. Лиана! У них была Лиана! А он всего лишь наместник.

- Отступник, – в бессилии прорычал младший Гемблет.

- Ты же видишь, что нет, – спокойно ответил Ерардэр, пряча оружие.

Девор закипал, ещё одна фраза или невольное движение и Гемблетовский зверь сорвётся, не осознавая никаких последствий.

- Отведём их в замок, Девор, – мягкий голос Аквариона предотвратил подступившую катастрофу, – свою задачу ты выполнил, а нам нужно ещё закончить патрулирование границ.

Услышав это, Лумур чуть дёрнулся и впился ненавидящим взглядом в родственника своего командира. Акварион не любил битв, а тем более бессмысленных битв. Как он с таким мировоззрением до сих пор оставался в шайке Девора, оставалось загадкой, но тот ценил этого молодого человека за способность иногда открыть ему глаза на происходящее. Наверное, в

глубине души Девор понимал, что без силы, удерживающей его психику в стабильном состоянии, он бы давно уже сгинул и стал отступником. Однако в последнее время влияние Аквариона стало ослабевать, и ему всё сложнее становилось удерживать наместника от импульсивных поступков.

Но в этот раз разумные слова подействовали, и Девор, ещё раз царапнув взглядом обоих странников, велел братьям Тамбет увести тех в замок, а сам, в сопровождении остальных, продолжил свой путь, не сказав ни слова гостям своих земель.

Краем глаза Абриэль успел заметить презрительное выражение лица Лумура. Честно говоря, его этот человек пугал даже больше чем вспыльчивый Девор. Лумур провёл некоторое время в плену у раасков и что-то в нём неминуемо изменилось после этого. Несмотря на воспитание в семье восточного воинского дома, он не был сильным воином, выезжая только за счёт упорства, словно таран пробивая себе желаемую дорогу. Тенте, если это действительно была его настоящая фамилия, не умел играть гранями Нитей, как настоящие посвящённые, он не видел оттенков, он видел только два цвета, определяющие качество его мира. Лумур никогда не влезал в тонкости управления Великих Домов, он выбрал Девора, как своего единственного владыку, и был готов идти, расчищая его путь к вершине, кто бы ни стоял на этом пути.

Наконец, когда трое всадников скрылись за ближайшим холмом, Фартуор обернулся к странникам и спокойно произнёс:

- До замка минут сорок пути, лучше выехать сейчас, чтобы успеть до закрытия врат, а то после этого в замок попасть сможет только Девор и его сопровождающие.

Абриэль и Ерардэр на секунду замерли, не ожидавшие, после дерзких речей младшего наследника, спокойных рассуждения его подчинённого.

Фартуор лишь улыбнулся, его всегда забавляла реакция людей, когда они узнавали, что не все в компании младшего Гемблета были несдержанными самодурами, напроочь лишёнными такта. Дантуор хотел было возмутиться, но одного взгляда старшего брата было достаточно, чтобы умирить его пыл. В компании Девора он мог творить, что хотел, но оставаясь с Фатором, он невольно признавал в нём старшего, стыдясь не озвученных упрёков, которые проскальзывали в его глазах. Вот и сейчас, после насмешки Девора и его бегства, старший Тамбет разговаривает с этими двумя как с высокопоставленными лицами, долго ожидаемыми и наконец прибывшими. Конечно, на самом деле, они и были этими лицами, пусть и посетившими их столь неожиданно. Девор назвал обоих странников преступниками, и Дантуор не понимал, почему его брат сопровождает этих людей как проводник, а не как надсмотрщик.

Не имея возможности обсудить это при посторонних, младший Тамбет начал приглядываться к путникам, стараясь понять, в чём же причина подобного отношения. Сначала все ехали молча, чуть погодя, светлый всадник, кажется, он был из Мюриэле, спросил об обстановке на восточных землях. Фатор охотно отвечал ему, описывая последние события. Невольно в разговор ввязался чёрный всадник, Морзано, которого так не любил Девор. Вопреки предвзятости Дантуора, сложившейся под мнением Девора, в отсутствии явной агрессии Морзано был отнюдь не вспыльчив и не холодно спокоен. Он учтиво поддерживал разговор, улыбаясь в забавных моментах и мягко упуская особо острые темы. Младший Тамбет был также поражён тем, что несмотря на удалённость их земель от территории Гемблет, оба они неплохо знали здешние традиции и стиль боя. Морзано вообще, казалось, был в своей стихии, настолько легко он принимал многие особенности восточного воинского дома, словно они были частью его самого. Любопытство всё нарастало, и Дантуор решил вопреки привычке, позволить себе немного пообщаться с этими людьми. Девор, конечно, понимает больше, но и его брат не может ошибаться, а значит, настало время ему самому понять все тонкости этой игры.

Спустя полчаса они, наконец-то, увидели цитадель – чёрную крепость, массивно возвышающуюся над просторами степи. Строгий минимум украшения, чёткие и простые узоры.

Каждый камень в этом месте был поставлен с определённой целью и не нёс в себе ничего, кроме своего основного значения. Единственным ярким пятном был красно-чёрное знамя дома, развевающееся на самой высокой башне.

- Добро пожаловать в резиденцию дома Гемблет, – торжественно провозгласил Фатуор и резко сорвался с места, несясь к главным воротам. Сопровождающие его двинулись следом.

Вход в замок был достаточно узок и состоял из нескольких переходов, уместающихся в толщине огромной внешней стены. Первой преградой были деревянные ворота, за ними следовала кованая решётка и такие же кованые ворота. Такой обороны не было ни в одном из замков Великих семей. Внутреннее убранство цитадели дома Гемблет было достаточно простым, но в то же время отличалось изысканностью и элегантностью: резная деревянная мебель, однотонная отделка стен с минимальным количеством узоров и украшений и двухцветные ковры, закрывавшие пол в главном зале, куда путников привели братья Тамбет.

- Вот, – Фатуор указал на достаточно уютный уголок для посетителей цитадели, – вам нужно подождать здесь. О вашем прибытии уже доложили и когда будет возможно, вас пригласят к Лиане.

- Спасибо, Фатуор, – улыбнулся Ерардэр, – и удачи тебе на восточных землях, – тот в ответ только кивнул и, потянув за собой замершего брата, покинул помещение.

Воспользовавшись возможностью, Абриэль постарался, насколько это было возможно, привести себя в порядок после путешествия. В конце концов, он будет единственным наследником в присутствии двух Королей, а также представителем своей семьи на этой встрече, поэтому молодой человек просто не мог ударить в грязь лицом даже в мелочах.

Ерердера же его собственный внешний вид беспокоил меньше всего. Встреча с Лианой будет его первой официальной аудиенцией в качестве главы дома. В отличие от Абриэля, не раз присутствовавшего на подобных мероприятиях с отцом, для Морзано всё это было в новинку. Он слышал о Лиане как об одной из величайших Королев этого дома, и знал, что её высоко ценит как Совет, так и другие дома. Она уже три года возглавляла самый беспокойный и воинственный дом и с успехом гасила все назревающие конфликты.

- Прошу проследуйте за мной, – голос молодой девушки, резко отвлёк обоих странников от собственных мыслей. Одна из хранительниц замка, одетая в алое платье с чёрным поясом, отражающим принадлежность к окружению дома Гемблет, повела их за собой. Они поднялись по каменной лестнице наверх и двинулись по коридору. Судя по всему, кабинет Лианы находился в дальнем крыле, вдали от главного входа и ближе к подземному храму цитадели. Подобное расположение было нормой для воинских домов, и Морзано мысленно улыбнулся своему пониманию. Так пройдя ещё несколько подъёмов и коридоров они остановились перед массивной тёмной дверью, украшенной узорчатой ковкой, на которой был изображён огромный медведь. Девушка-хранительница ещё раз кивнула на дверь и покинула их.

Ерардэр невольно почувствовал, как задрожали его собственные колени и, повернувшись, поймал такой же неуверенный взгляд своего друга. Отступать было поздно. Они уже были здесь, у входа в кабинет, слишком поздно было пытаться повернуть назад. Морзано глубоко вздохнул и осторожно толкнул дверь, первым входя внутрь.

Убранство кабинета главы дома значительно отличалось от остального замка, по которому они шли. Возможно, это было связано с тем, что в воинских домах кабинет Короля являлся одним из самых старых помещений цитадели. Стены были украшены резьбой по тёмному дереву, идущему поверх алого полотна. Небольшие окна были скрыты массивными шторами с вышивкой по краю, на полу лежал толстый ковёр со сложным тёмно-алым узором. Но самым примечательным, как и в любом кабинете главы воинского амбэральского дома, был потолок. Старинная фреска, изображающая заключение Амбэральского договора, знакомые лица, не раз виденные в кабинетах своих собственных замков и лишь одно различие. На месте, где в замках Морзано и Мюриэле стояла Гемблет, краска была другого качества и тона. Это

можно было заметить по игре лучей заходящего солнечного света, а опытному художнику было достаточно и полувзгляда, чтобы подтвердить, что это изображение было нанесено значительно позже изначального. Вместо воинственной и прекрасной Гемблет в ало-чёрном одеянии на потолке был изображён грузный мужчина в чёрной одежде с ярко-красным воротником. Вот он – символ падения восточного воинского дома, символ потери уважения к своим Королевам. Немногим было известно, что Гемблеты при всей своей мощи и непобедимости были бес- сильны, если в верхушке дома не было достойной женщины, способной усмирить и направить эту силу. Королевы этой семьи всегда были легендарны, от природы умеющие усмирять собственную мощь в то время, как Королям требовались годы, чтобы подчинить себе свою силу. Это изображение отражало потерю домом Гемблет своей главной истины, но когда взгляд с потолка опускался на Лиану, сидящую в кресле, на душе наступало успокоение, потому что Великий Дом всё же вернул себе свою Королеву.

Лиана была высокой девушкой крепкого телосложения с длинными чёрными вьющимися волосами, собранными в высокий хвост. На спокойном лице ярко выделялись тёмно-серые, почти чёрные глаза, такие же, как и у её младшего брата. Одета она была в длинное красное платье, украшенное струящимися чёрными узорами по подолу. Девушка была не намного старше своих гостей, но создавалось ощущение, что между ними пропасть в целую жизнь. Она была Королевой, никто увидевший её не посмел бы даже подумать иначе. Лиана Беатриче Гемблет – само воплощение силы и стати своего дома. Достаточно было находиться рядом, чтобы ощутить какой древней мощью веет от совсем ещё юной девушки. Сила была на её стороне, она сама была силой этой семьи, её детищем, её Королевой. Истинная Гемблет – единственное, что пришло в головы обоим гостям, на мгновение замершим у входа...

При первом взгляде на Лиану с души Ерардэра рухнул огромный камень. Перед ним была посвящённая, истинная посвящённая, которая никогда не пойдёт против Великих законов в угоду своим собственным амбициям. Им не стоит опасаться открывать ей истинную цель своего путешествия, ведь глава восточного воинского дома бесспорно знает ценность наследия каждой амбэральской семьи.

- Приветствуем вас, Руан Гемблет, – торжественно произнёс Ерардэр, чуть опустив подбородок в почтительном кивке. Абриэль повторил его жест, удивляясь смелости своего друга. Конечно, сейчас по статусу Морзано был выше, будучи главой своего дома, но даже в равной ситуации, Абриэлю потребовались бы все силы, чтобы не ступешеваться перед Королевой Гемблет.

Лиана поднялась с кресла и кивнула гостям.

- Шлю приветствие в ответ, Руан Морзано и Милрен Мюриэле, – улыбнулась она.

Ерардэр и Абриэль от удивления замерли, переглянувшись.

- Но откуда вам известно о моём статусе? – настороженно переспросил Морзано, опускаясь в чёрное кресло, стоящее практически напротив главы дома.

- Это часть пути любого посвящённого Короля, – ответила Гемблет. – Могу предположить, что ваше посвящение прошло не так давно, и вы ещё не усвоили многие новые качества и особенности. Однако уверяю вас, совсем скоро вы сможете с лёгкостью отличить главу дома даже среди самых сильных воителей. Признание амбэральского дома просто невозможно спутать ни с чем другим.

Ерардэр мысленно улыбнулся, Нити судьбы снова направляют его по верному пути. Он шёл сюда, чтобы биться за своё право, а получил совет и наставление, которые так жаждал в своём путешествии. Ему на мгновение показалось, что весь мир перевернулся, чтобы преподать ему те уроки, которые он так желал познать, и Лиана, как часть этой силы, чувствовала и действовала в соответствии с ней.

Жестом Лиана пригласила обоих гостей располагаться в креслах, после чего и сама вернулась на своё место.

- Итак, – сдержанно проговорила Королева, – мне сообщили, что вы пересекали земли дома Гемблет и встретили патруль моего брата. Конечно, вы оба имеете полное право передвигаться по любой части Амбэралы, в конце концов наша страна давно уже отказалась от границ. Однако вы не те гости, которых мы привыкли видеть, и мне хотелось бы узнать, с какой целью вы оказались в наших краях. Мой брат подразумевает дурное, но мне бы хотелось услышать от вас о причине вашего нахождения здесь.

- Руан Лиана, – спокойным голосом ответил Ерардэр, – вам как Королеве, достаточно недавно прошедшей посвящение, мы можем открыть истинную цель нашего путешествия. Мы собираемся перейти степные земли и уйти в сторону Голубых лесов, туда, где по легенде располагается Иль-де-Нарса. Наша цель – Кер-носе-Мане, колыбель знаний Великих Домов.

Лиана молча кивнула, давая знак, что поняла, что они хотели сказать. Ей не требовались объяснения того, зачем Ерардэру было необходимо это путешествие. Всякий, знавший состояние нынешнего дома Морзано понимал, что необходимы колоссальные знания и усилия, чтобы восстановить истинное место этой семьи в Совете и Амбэрале в целом.

- Я понимаю, – кивнула она Ерардэру. – Ваш дом требует от вас многого и вы делаете всё, чтобы справиться со своей задачей. Однако я не понимаю к чему это путешествие для наследника семьи Мюриэле. Насколько мне известно, сейчас не самое лучшее время для вас покидать страну, – Королева холодно посмотрела на сидевшего неподалёку наследника.

Абриэль замер под пристальным взглядом девушки. Ему было прекрасно известно, что Лиана являлась близкой подругой Ноэллии, и его нахождение здесь не может не вызвать вопросов у того человека, кто был прекрасно осведомлён об их помолвке. У Королевы Гемблет может возникнуть мысль, что он просто воспользовался поездкой друга и пустился в бега, чтобы избежать свадьбы, хоть в этом и не было ни капли правды. Ерардэру было проще. Они с Лианой были на одной волне, прекрасно понимая друг друга без продолжительных объяснений. В конце концов, семьям хаоса, тем более воинским, всегда было проще понять друг друга. Их объединяло что-то незримое, какое-то глубокое свойство, которому, он был уверен, они сами не были способны найти объяснение. Абриэль же был единственным представителем домов порядка в этой комнате, и ему необходимо было объясниться с Лианой, иначе она сделает свои собственные выводы на его счёт. В отличие от Ерардэра, наследник дома Мюриэле чувствовал себя не комфортно в присутствии Королевы семьи Гемблет. Да, она была сильна, безоговорочно сильна и мудрость её не вызывала сомнений, но логика её мышления и поступков была скрыта от Абриэля, лишая его спокойствия и контроля над ситуацией, в которой он оказался. К тому же сейчас Лиана обращается именно к нему, и уйти от прямого ответа Мюриэле не удастся. Придётся рискнуть и рассказать всё, не думая о том, какую реакцию может вызвать у Королевы его признание.

Абриэль глубоко вздохнул, стараясь взять себя в руки и перетянуть себе частичку спокойствия и самообладания своего друга. В конце концов, никто в этом замке не причинит им вреда, как и не сможет повлиять на их решение, если подтвердится, что Араэль и Ноэллия дали своё разрешение на его поездку. Всё что он должен сделать, это постараться избежать непонимания, возникшего между ними, а это было сделать гораздо проще, чем вести открытое противостояние.

- Раз уж здесь разговор посвящённых, то я не вижу смысла для секретов, – ответил Мюриэле, – я воин порядка и всегда был им по праву рождения. Однако сейчас мир неизменно меняется и каждый из нас ощущает это, хоть и не всегда может найти объяснения своим чувствам. Мысленно я называл себе тысячи причин для того, чтобы отправиться в это путешествие: новые знания, защита дома, его величие и благополучие, но на самом деле есть лишь одно – меня ведёт туда! – твёрдо проговорил Абриэль, и Ерардэр удивлённо посмотрел на друга, услышав его признание. – Я чувствую, что должен ехать, и обстоятельства, позволившие мне это сделать являются для меня ещё одним знаком того, что я на верном пути. Впервые в

жизни я поступаю по наитию, и я доверяю себе, потому что если я перестану доверять себе, как я потом смогу доверять кому-то ещё. Для вас, воинов тёмных домов, это состояние обыденное, но я только вступаю на путь его осознания и принятия. Я не преследую целей сбежать или уйти от моих обязанностей и ответственности. Все клятвы и обещания для меня священны, и я всем сердцем желаю их исполнения, но сейчас мой путь идёт в Иль-де-Нарса и только он определит, зачем я отправился в этот поход.

Во время его монолога Лиана не спускала глаз с наследника дома Мюриэле, улавливая каждое изменение его эмоций. Он не врал, это было видно. Резкая, пламенная искренность, столь не свойственная сдержанным Мюриэле, удивила Королеву. Наверное, мир действительно меняется, если семьи хаоса и порядка движутся в едином танце. Однако в главном она успокоилась: Абриэль не сможет оставить Ноэллию также, как не сможет оставить свой дом. Преданность была неотделимой частью его существа, и Лиана была рада наконец-то увидеть это.

- Да, – мысленно улыбнулась она, – похоже, Великие Дома начинают возрождаться, если к власти приходят столь сильные Короли.

Сама Королева не питала иллюзий по поводу своей мощи. Она знала о долгом падении дома Гемблет и о том, что только её отец смог прервать этот порочный круг несколько лет назад. В ней же самой сила восточного воинского дома расцвела всеми своими возможностями и красками, и, будучи одной из самых молодых членов Совета, Лиана во многом превосходила более опытных Королей, редко оспаривавших её решения. И вот теперь она видела перед собой двух молодых Королей, ничуть не уступающих ей ни в силе, ни во внутренней мудрости. Ерардэр был во многом похож на неё. Долгое падение дома закончилось взрывом силы в последнем наследнике, и сейчас он пытается обуздать эту мощь, всё ещё до конца не понимая её природы. Абриэль несколько не уступал своему другу, но его сила была иной. Долгие годы законного наследования сгладят получение короны и вряд ли он почувствует какие-то резкие переходы и изменения. Свою силу Мюриэле будет осознавать постепенно, в нём она будет спокойно расти, а не панически вырываться, как у бывших падших домов. Да, воинские дома всегда были хранителями этой первородной мощи, и если глава южного воинского дома Ористониус Арити окажется под стать им, то внешний круг Амбэралы переродится, явив новые знания и откровения всему Амбэральскому королевству.

- Благодарю вас за то, что объяснили мне всё, и прошу прощения, если невольно вызвала вас на излишнюю откровенность, – Лиана чуть кивнула Абриэлю, признавая свою неправоту на его счёт, и в душе наследника Мюриэле наконец-то все успокоилось. Его приняли и поняли, сейчас этого было более чем достаточно. – Я могу попросить вас отужинать с нами, а также предложить вам ночлег и провиант, чтобы с комфортом продолжить ваш путь. Я не знаю, необходим ли вам провожатый до границы наших земель...

- Благодарим вас, но во времена Раасских набегов мы много времени проводили в этих местах, поэтому дорога нам известна, – ответил Ерардэр, – а по поводу всего прочего, мы с радостью примем ваше приглашение.

Лиана улыбнулась и поднялась, Абриэль и Абриэль поднялись следом.

- Сананен отведёт вас в ваши покои, на ужин вас пригласят, и ещё – оговорила она, – у нас в гостях находятся Тибельт Люэно с сестрой и супругой, правительницей дома Сенден, мы все будем ожидать вас в большой гостиной.

Обменявшись прощаниями и традиционными кивками они разошлись по своим комнатам, однако каждый нёс в себе глубокий осадок от этой встречи. Сегодня многие непонимания и предрассудки между ними обратились в пепел. Двое действующих и один будущий глава дома сумели до конца понять друг друга, а это было бесспорно хорошим знаком.

Гостевые апартаменты дома Гемблет мало чем отличались от основного убранства цитадели: тот же выдержанный традиционный стиль, преобладание дерева и алого цвета. Несмотря

на то, что в убранстве замка присутствовали и другие цвета и оттенки, Гемблеты более других семей держались за свои цветочные традиции, особенно они любили красный, цвет крови и пламени, основные составляющие сути этого дома. Когда-то давно в Амбэрале традиционным цветам придавалось огромное значение. Они символизировали суть и рождение каждого дома, а когда часть цветов совпадала, то дома считались союзниками, близкими друг другу по своему духу. Сейчас эти традиции давно ушли в прошлое и большинство семей одевают свои цвета только на ритуальные мероприятия, связанные с силой дома, или вообще забыли о них. Однако воинские дома и в этом случае оставались консерваторами. Вся форменная одежда была выполнена в цветах дома, и лишь повседневные и парадные вещи могли иметь другой цвет или оттенок. Иногда цвета домов совпадали, и это говорило о сотрудничестве или родстве древних создателей Амбэралы. Эти дома должны были идти бок о бок, поддерживая и дополняя друг друга новыми красками, но к сожалению, на сегодняшний день эти традиции давно забыты. Сам Абриэль, хоть и уважал заветы своих предков, но всегда считал именно эту традицию театром абсурда. Наглядным примером для него были взаимоотношения Абриэля и Девора. Морзано и Гемблет – единственные дома в цветах которых присутствует чёрный цвет, два первородных дома хаоса, два старейших хранителя амбэральских границ. Казалось, само мироздание призывало эти дома к сотрудничеству, но Абриэль до сих пор видел только несомняемое противостояние и презрение, вызывающее горькую усмешку на убеждения о мире и сотрудничестве этих семей. Но сегодня он увидел то, что навсегда изменило его представление о единстве цветов Великих Домов. Ерардэр и Лиана были на одной волне. Казалось бы, они впервые в жизни виделись в неофициальной обстановке, а их семьи долгое время вели непримиримое противостояние, даже находясь в падении, но этим двоим хватило нескольких мгновений, чтобы негласно создать союз, способный перевернуть весь привычный уклад Амбэралы. Это было чувство сродни ощущению, когда смотришь на фреску о заключении Амбэральского договора, сохранившуюся в кабинете каждого воинского дома. Чувство единения силы, единения мощи, единения частей, вылепленных из одного теста. В такие минуты больше всего ощущаешь себя частью мироздания. Осознаешь, что все мы вышли из единого источника и наши судьбы только подтверждают нам эту истину. Ерардэр и Лиана встали на схожий путь, путь хранителей силы, вынужденных поднимать свой дом из пучин падения. Их поступки и методы были схожи, поэтому им не составило труда принять шаги и особенности семей своих союзников, одним из которых по случайности стал также и Абриэль. Приверженность истинной силе, не свойственная его дому, но невольно открытая им во время разговора, вызвала уважение у обеих Королей, и теперь негласный союз Морзано, Мюриэле и Гемблет будет вершить Великие законы на внешнем кольце Амбэралы. При мысли об этом молодой наследник невольно усмехнулся. Им бы ещё Арити, и внешний круг замкнётся, оградив Амбэралу мощным кольцом истинных посвящённых. Конечно, Литеусу это вряд ли понравится, но часть жреческого внутреннего круга, как и некоторые светские дома наверняка поддержат их, и, может быть, Амбэрала сможет пережить своё второе рождение, избавившись от саморазрушения, отравлявшего её жизнь уже не первое столетие.

Поймав себя на том, что он явно замечтался, Абриэль резко потрянул головой, отгоняя остатки прекрасного будущего. Сейчас не время об этом думать, им ещё надо пережить посещение Иль-де-Нарса и обед с Гемблетами и Люэно-Сенден. Забавно как маленькая приватная поездочка обернулась практически аудиенцией глав Великих семей. Поразительно, как случайно в одном замке собралось четверо действующих Королей и один наследник. Удивительно даже для такой вещи как случайность, но Ерардэр был спокоен, и Абриэль невольно начал прислушиваться к чутью своего друга, оно ни разу их не подводило, по крайней мере пока.

Дом Люэно, как и Брюнье, относился к светским домам. В древности в Амбэрале не было разделения на светские, воинские и жреческие семьи, каждый дом владел всеми знаниями в совершенстве и не нуждался в услугах других домов. Однако после заключения Амбэральского

договора невольно возникла специализация, окончательно разделившая двенадцать семей на три ранга. Те, чьи территории располагались на границе, оказались подвержены постоянным набегам соседних государств. За годы борьбы их боевые навыки были доведены до совершенства, а традиции исправно передавались из поколения в поколение, поскольку в их беспокойном мире дом и традиции стали основным якорем, за который можно было удержаться. Часть домов традиционно имела регалии или умения, превосходящие аналогичные возможности у других семей. Так появились четыре жреческих дома, ставших хранителями древних заветов, однако затрагивающих только одно из свойств силы. Дом времени и дом памяти отвечали за события, творящиеся на протяжении истории Амбэралы, и также выполняли свою роль опоры Великих Домов в их поисках истины. Другие два дома носили иной характер. Их нельзя было напрямую назвать жреческими, поскольку за века отступничества и перемен они во многом приблизились к светским домам, утерев свойства исконно-жреческих семей, которые до сих пор жили своей, далеко не всем понятной жизнью. Фулси – дом знаний и Сенден – дом творчества превратили свою особенность во что-то вроде увлечения или любимого занятия всех членов семьи. Никто из них уже давно не устраивал аудиенций с целью поделиться своими открытиями и возрождением ума и сердца каждого жителя Амбэралы. Они замерли на своём пути, продолжая вариться в бульоне прошлых накоплений, не создавая ничего нового и не стремясь поделиться этим с другими. Это было трагично. Выбытие половины жреческого круга сильно пошатнуло положение страны, но может быть, ещё есть надежда на возвращение истинных путников и творцов этих земель?

Последним кругом были светские дома. Принято было называть их подобным образом, поскольку они находились ближе всего к столичным землям Амбэрал-Юранде и часто участвовали в делах столицы и семьи Литеус – Наместника Великих Домов. Будучи наиболее подверженными моде и изменениям, они уже не помнили, в чём была особенность каждого из них. Многие традиции были забыты и утеряны в прошлом, а наследники не слишком и пытались их вернуть, отвыкнув видеть в прошлом опору своего пути. Брюнье и Люэно – были частью этого круга, однако несмотря на явные потери в знаниях, сохранили верность Великим законам и смогли восстановить своё место среди истинных Королей. Другие два дома: Вирнуа и Кох – уже многие годы находились в полуупадническом состоянии: то периодически скатываясь в отступничество, то снова немного поднимая своё положение. Оба дома уже давно потеряли всякое влияние в Совете и истинную силу своей семьи, но, может быть, магия дома возьмёт своё, когда другие семьи воспрянут? Кто знает, – подумал Абриэль, – в эту эпоху сложно предвидеть что-либо, слишком многое, казавшееся незыблемым и понятным, вдруг открывается тебе с совершенно неожиданной стороны.

И вот сегодня ему предстоял ужин с главой дома Люэно и главой дома Сенден. Тибельт Блэн Люэно был немного старше его самого и получил своё звание всего несколько месяцев назад. Они никогда не общались, только виделись на традиционных приёмах и собраниях, Люэно не участвовали в последнем отражении раасских набегов, осознавая свою неспособность соперничать в силе и знаниях с другими домами Амбэралы, поэтому ни Мюриэле, ни Морзано не знали близко этого человека. Однако Абриэлю было известно, что Тибельт и его сестра выросли в достаточно комфортных условиях, которые только мог создать для них дом Люэно. Их мать Фления Таяния Люэно была признанной главой дома, насколько это можно было сказать о светской семье, несколько поколений не удостоивающихся получения меча и короны. Её брак с Бленом Дар Фартане, сыном одного из приближённых семьи также был заключён по всем законам с участием дома Фьене. Сами Люэно не были обременены значительным влиянием в Совете, однако, их мнение продолжало иметь вес. Получив от матери звание главы дома, Тибельт не упал лицом в грязь и продолжил традиции своей семьи. Неожиданным стал только брак Тибельта, также заключённый с согласия храма Фьене. Леттиция Латия Сенден, также была главой своего дома. Союз двух действующих правителей был редкостью, ведь

в таком случае возникала интрига, кто же из их потомков унаследует силу и корону того или иного дома. Иногда сильный дом мог перекрыть свойства более слабого, и наследие второго возрождалось где-нибудь на побочной линии или в семье наместника. Саму Леттицию Абриэль видел достаточно редко. В последнее время его семья нечасто посещала Амбэрал-Юранеде, проводя практически всё время на своих землях, изредка посещая другие дома, с которыми традиционно поддерживались дружеские отношения. Мюриэле знал, что Леттиция Сенден уже получила главенство домом, а её младшая сестра Луреция заняла место наместника. Больше ему ничего не было известно. Правда ходил слух, что Лурецию пророчили в жёны его брату Анаэлю, но этим ни отец, ни тем более сам Анаэль с ним не делился, поэтому Абриэль продолжал воспринимать эти новости как обычные слухи, невольно окружающие каждый Великий Дом. Одно не давало ему покоя, что представители таких изнеженных домов забыли в суровых стенах замка Гемблет? Любопытство разрывало его изнутри, всё было неспроста, поскольку ни Гемблетам, ни их гостям не были свойственны необоснованные позывы наведываться в гости к дому, с которым они не поддерживают постоянную связь. Возможно, сегодня они с Ерард-эром станут невольными свидетелями весьма интересного союза, не способного возникнуть при обычных обстоятельствах.

Абриэль невольно улыбнулся, путешествие начало затягивать его, открывая новые грани привычного мира Амбэральских домов. Ещё несколько недель назад он думал, что впервые увидит всех этих людей на Совете, когда будет представлен как новый глава дома. Если честно, его пугала подобная перспектива, близко Мюриэле знал лишь немногих из них, остальные в его сознании становились серой пугающей массой, агрессивной оппозицией, от которой не стоит ждать ни снисхождения, ни поддержки. Однако теперь, всего за несколько дней, ситуация кардинально изменилась. Абриэль, пусть и не до конца, но нашёл общий язык со своим будущим родственником. Викториан Брюнье отнёсся к нему также тепло, перестав быть в восприятии младшего Мюриэле огромным бурым медведем, чутко охраняющем Ноэллию, а приняв вполне человеческий облик, который способен оказать поддержку в самый неожиданный момент. Лиана Гемблет – ещё одна личность, внушавшая опасения Абриэлю, стала его союзником и всячески выразила принятие его как будущего главы дома Мюриэле. Конечно, ему ещё предстоит ужин с Тибельтом и Леттицией, но что-то подсказывало, что они явно не будут агрессивно настроены, тем более находясь в цитадели дома Гемблет. Громкий смех разбил тишину комнаты, а Абриэль всё никак не мог прекратить смеяться. Хотя бы ради этих событий стоило ввязаться в это безумие. Один он, возможно, никогда бы не решился на эту авантюру, но Ерардэр был надёжным другом и напарником. Это Мюриэле понял ещё со времён раасских набегов, когда молодые наследники впервые встретились. Несмотря на кажущуюся несовместимость, в бою они были непобедимы, их совместная техника, возникающая как-то сама собой, идеально позволяла использовать преимущества каждого, при этом прикрывая недостатки. Сильный воин хаоса был атакующим, ошеломляя противника своей мощью, невольно сбивая с толку людей, не привыкших лицезреть чистое проявление силы, в то время как у воина порядка было время оценить ситуацию и нанести точный удар, который противник никак не мог предусмотреть. Хотелось верить, что это дружба сохранится на долгие годы, но слабому взору Мюриэле были неведомы столь дальние узоры их жизней.

Мысли невольно перескочили на то, что пришлось оставить там, в родных землях. Ноэлия очень любила говорить про Нити судьбы – далеко не тривиальное увлечение юной королевы светского дома. Она говорила, что иногда чувствует их, чувствует их путь, но никак не может научиться контролировать эти ощущения. Абриэль утешал её, что навык придёт со временем, но юная королева была уверена, что этого не случится. «Это точечная способность, – говорила Ноэлия, – и она несёт точечные цели. Я не могу её контролировать, и она проявляется только тогда, когда это необходимо, – в этот момент девушка обычно поднималась и отворачивалась к окну. – Меня пугает только одно, для каких целей дана мне эта способность,

какая такая опасность поджидает впереди, что светской девице дали в руки способность чувствовать Нити судьбы. Сила всегда означает испытание, не бывает иного пути.»

- Да, не бывает, – шёпотом повторил Мюриэле. Так учили в Великих Домах. Бессмысленно завидовать чьей-то силе, ведь сила всегда означает её применение, причём применение на пределе своих возможностей. И чем ты сильнее, тем более суровые испытания тебя ждут. Этот закон был незыблем и действовал во всех смыслах. Один из Великих законов Амбэральских домов. Будучи наследником, Абриэль давно принял эту истину в отношении себя, но многим для принятия требовалось время, и лишь годы восстанавливали чёткие грани в сознании, снимая наконец завесу с истинного течения жизни этого мира. Наследник дома Мюриэле не мог назвать себя зрячим, но и полностью слепым он уже не был. Что такое слепота, Абриэль знал слишком хорошо. Его собственный брат, несмотря на посвящение и опыт, так и не научился видеть эту жизнь в ином свете и быть готовым принимать её новые стороны, открывая неизведанные просторы и грани. В своём уютном мире, в среде своей семьи Анаэль зачастую был спокойным и добрым, полным радости и участия, но как только разговор или дело касалось внешнего мира, то на всё это у него была своя незыблемая точка зрения, которую он не собирался менять или даже не подвергал сомнению её правильность. Раз увидев и оценив что-то, его брат принимал окончательное решение, отказываясь вглядываться в детали или учитывать последующие события и изменения. Так Ерардэр для него навсегда останется оборванцем, оказывающим тлетворное влияние на его брата, а сам Абриэль несносным подростком, не умеющим принимать решения и отвечать за свои поступки. Течение времени и постоянная изменчивость этого мира была для него пустым звуком и вряд ли найдётся сила, способная вырвать его из собственных иллюзий. Мы сами творим свою реальность, так говорили древние, и только сам человек может решить пребывать ему в иллюзиях или попытаться увидеть истинный свет этого мира. Мы творим его, но мы же и несём ему разрушение. Наши чувства, мысли и мотивы вплетают свои собственные нити в Великий узор мироздания, и кто знает, не порвётся ли в самый важный момент нить основы, оказавшаяся недостаточно прочной и утянувшая за собой половину рисунка ковра. Звание главы Великого Дома прежде всего означало творца. Творца своих мыслей, своего мира и своей судьбы. И только сейчас Абриэль начал замечать, как невольно мир подстраивается под волю тех, кто следует его заветам. Ерардэр был всем сердцем верен этому миру, его душа отринула сомнения, а решимость отправиться в это путешествие пугала даже самых близких ему людей. Однако несмотря ни на что, мир словно откликнулся на его призыв и открыл им путь, о котором они даже и не могли подумать. Мюриэле не знал, какие тайны ещё сможет открыть ему это путешествие, но твёрдо верил, что всё что встретиться у него на пути рано или поздно откроет ему истинный смысл того, что его окружает, в том числе кем является и он сам.

Комната Ерардэра находилась в том же крыле, но чуть поодаль от покоев Абриэля. Это было одно из старинных помещений, которое до воцарения Родемора было заброшено и все подходы к нему были закрыты. Эта часть замка была построена как гостевая, но не для обычных гостей, а для тех, кто жил и сражался с Гемблетами бок о бок, для семей Великих Домов. В древности это крыло цитадели было значительно больше, однако после падения и замыкания на себе одного из древних правителей дома, крыло было уничтожено. Сохранились лишь несколько комнат, находившиеся ближе к выходу в основное здание и разрушение которых грозило потерей всего замка. В одну из таких комнат и поселили Ерардэра.

Первым, что бросилось в глаза вошедшему, был насыщенный чёрный цвет, казалось покрывающий всё вокруг. На секунду замерев, Морзано попытался вглядеться в темноту, но ни одного окна, ни отблеска не было видно. Мысленно вздохнув, он медленно закрыл дверь и шагнул в темноту. В то же мгновение послышался щелчок, и резкий свет ослепил на несколько секунд молодого Короля. Два больших светильника в виде факела источали нежный серебря-

ный цвет, растекавшийся по комнате. Мебель из чёрного резного дерева была покрыта тканями, каждая из которых была вышита серебристыми узорами, не имеющими ничего общего с домом Гемблет. Вся атмосфера отражала старинное величие и отчуждённость. Комнатой не пользовались как минимум несколько сотен лет, примерно столько суммарно длилось падение Гемблет, и он, Ерардэр, первый Морзано переступивший её порог за столь долгое время. Эта комната была создана для Морзано, для древних Морзано – вечных союзников ало-чёрного дома. Всё в ней просто кричало о величии и торжественности, и каждый уголок был пропитан древней невиданной силой амбэральских домов.

Что-то новое поселилось в душе у Ерардэра в тот миг, когда он очутился здесь. Его дом помнили. Даже во времена падения, Морзано незримо сохраняли своё место, как и другие дома. На лице молодого Короля невольно возникла улыбка. Великие – это не просто слово, время не властно над ними и над их идеалами. Они могут быть уничтожены, они могут быть низвергнуты в самые пучины небытия, но их заветы будут жить вечно, а значит, и смерть лишь на время скроет их путь, чтобы потом с новой силой дать возрождение и силе, и имени, и дому.

Воистину, замки воинских домов хранят множество тайн, скрытых порой даже от своих наследников и Королей. Ерардэр не знал, что комнату случайно обнаружили незадолго до его приезда. После видения ночи Лиана, повинаясь воле дома, забрела в этот коридор и увидела, что одна из стен старого помещения не является продолжением стен крепости, а значит, у коридора должно быть продолжение, скрытое за новой обивкой. Когда стену разобрали, то все увидели небольшой коридор, уходящий в каменную стену замка, там было несколько комнат, хранивших древние записи, в том числе и об истории этого коридора. Из всех индивидуальных гостевых комнат сохранилось две – комната Морзано – несколько не пострадавшая от времени, и комната Арити, одна из стен которой была немного задета во время перестроек замка, а также неизвестная ранее часть покоев Мюриэле, нуждающаяся в серьёзном ремонте. Но Ерардэр и не подозревал об этом. Приведя себя в порядок после путешествия, он опустился в глубокое кресло у окна, распахнув чёрные шторы, и задумался.

Встреча с Лианой прошла хорошо, намного лучше, чем он ожидал. Воистину дом Гемблет не ограничивается Девором и в нём ещё есть достойные хранители истины. Другое дело Сенден и Люэно. Если с Лианой его связывали воинские традиции и вера в Великие законы, то с этими семьями он не имел практически ничего общего. Из-за Ристофера, не желавшего долгое время признавать своего сына, Ерардэр был нечастым гостем на светских мероприятиях, поэтому весь круг его знакомств ограничивался раасскими походами, в которых часть светских домов и вовсе не принимала участие, как и два близких к ним жреческих дома. Предубеждение душило его, в сознании то и дело всплывал образ Девора, и эти семьи становились с ним на одну линию. Нет! Он не должен так думать! Не должен видеть то, что посеяли домоседы и предубеждения. Лишь только истинный взгляд сможет открыть правду, а до этого времени у него нет права их судить.

Да, Ерардэр не понимал их, не понимал светские дома, где законы Амбэралы давно утратили свою непреложность. Сам он вырос в духе сердца своего дома, закалённый ветрами севера, издавшими все взлёты и падения Амбэральского королевства. А светские дома задыхались близ Амбэрал-Юранде, вынужденные снова и снова участвовать во множестве интриг, вращающихся вокруг Наместника и его свиты. Их взоры устали от безжизненных красок, а сердца загрубели от лжи и беззакония. Морзано не знал, смог бы он выжить сам, оказавшись в плену такого замкнутого круга. Но, тем не менее, Люэно сохраняли своё величие, а Сенден свою таинственность, и с её помощью защитили себя от множества опасных лучей, льющихся на них. Они тоже сражались, но сражались в другом. Их искусство заключалось не в восприятии самого бытия в его чистом и первозданном виде, они видели иначе. Умея различить пути других, представители светских домов могли с лёгкостью повернуть игру по своему желанию, разоблачая лжецов и игроков, или хранить свои карты, чтобы в нужный момент одним движе-

нием положить конец всей партии. Умные и спокойные, они умели рассчитывать на множество ходов вперёд и знали, в какой момент следует действовать. Светские дома жили среди фальши и всеми силами старались ослабить её власть над сердцами других. Брюнье тоже несли в себе эти черты, однако удалённость от центра Амбэралы и близость к воинским домам внесли свою лепту в их внутренние устои, в то время как дом Люэно был ярчайшим представителем именно светского пути. Хрупкие и миловидные Люэно не казались угрожающими, поэтому часто были недооценены противниками. В их лучшие времена они мастерски видели ложь и умели вывернуть её самым абсурдным образом, не оставив лжецу и надежды на побег или сокрытие. В древние времена их называли ночными призраками. Представители этого дома когда-то умели обращать в свет самые тёмные души, способные найти крупицу света даже в самом отчаянном человеке. К сожалению, со временем частичная потеря наследия лишила их внутреннего чутья, и многие их поступки стали приводить к далеко не положительным последствиям. Но они продолжали идти, пусть и с едва приоткрытым сердцем, но полные решимости нести в этот мир то хорошее, что делало его прекрасным.

Мысли Ерардэра текли сплошным потоком, сливая его знания со знаниями мироздания, он чувствовал, что истина откликнулась на его призыв и очистила его сознание от смуты и сомнений. Теперь он всем сердцем был готов к этой встрече. Невольно вспомнилось, как глава дома Морзано готовился к встрече с семьёй, но тогда рядом был Керлиндер. Теперь же Ерардэр был один, но за эти несколько дней он повзрослел на годы, слишком многое изменилось в нём, слишком многое он научился замечать и принимать. Он не видел свой путь, но уже ясно чувствовал его очертания. И перед этим отступало всё.

В это время ночь тёмным покрывалом накрыла пустынные земли Гемблет, миллиарды звёзд зажглись на его полотне, погружая замок в беспредельный мир, существующий прямо рядом с нами. Лиана стояла на одной из башен, вглядываясь в далёкие миры, раскрывающие себя под светом луны. В такие минуты казалось, что ей достаточно лишь подумать, и душа её сорвётся в этот поток, не выдержав притяжения звёздного света, и отправится туда, за границу горизонта в самое незабываемое из всех своих путешествий. Но сегодня даже мысленно она не могла позволить себе отлететь от своего дома. Слишком многое произошло сегодня, и слишком много вопросов крутилось у неё в голове, вызывая к ответу, но получая лишь задумчивое молчание. Этот день планировался давно, помолвка её брата была практически решённым вопросом, оставалось лишь получить подтверждение дома Фьене, в возможности чего она не сомневалась, и её роль как старшей сестры будет выполнена. Это был законный брак, она знала, но моральное состояние Девора вызывало опасения. Достаточно лишь вспышки, и разум молодого Гемблета будет сокрушён эмоциональным пламенем, которое не каждый сможет потушить. Таяния умела сдерживать эту бурю, но не так как Лиана. Королеве достаточно было лишь одного взгляда, чтобы Девор успокоился и вернулся к своим обязанностям, но её не будет рядом всю жизнь. Королева очень любила своего брата. С самого детства Лиана старалась ненавязчиво заботиться о нём, пытаясь привить столь привычные ей традиции и качества, но молодой Гемблет был далёк от её увлечений. Его не интересовала ни литература, ни история, ни традиции его дома. Вообще сложно было сказать, что же было интересно юному сыну восточных земель. Крохи увлечения чем-либо начинали падать в его душу, но тут же сбивались страстным отрицанием. Лиана не ведала, откуда взялось это отрицание всего, что происходило вокруг него. Каждым "нет" он словно отрезал кусочки мира вокруг себя, пока, наконец, целым не остался лишь маленький островок, на котором и стоял сам Девор. И именно тогда впервые он почувствовал себя зверем, загнанным в клетку этим миром. Снова и снова этот зверь вырывался наружу, пытаясь разрушить тот мир, который сам когда-то отверг, чтобы претворить своё мироощущение в жизнь. Лиана не могла этого позволить, но ей так и не удалось научить своего брата любить эту жизнь такой, какая она есть. Его окружение имело для

него большее значение, чем собственная сестра, и её слова не всегда доходили до его сердца. Как и они он насмехался над древними знаниями и всё торжественное казалось ему смешным. Девор не ценил величие семьи, а, следовательно, у него не было якоря в жизни, опираясь на который, он мог бы оценить и принять всё вокруг. Младший Гемблет плавал в мыслях и суждениях других, говоря чужими фразами, исполняя чужие заветы. Он не был собой, не был подвластен себе. И Лиана видела это, но сколько бы слёз ни пролила алая Королева, сколько бы раз снова и снова она ни поднимала этот разговор, всё было бессмысленно. Как бы нам того не хотелось, порой мы не в силах вмешиваться в чужие судьбы и решения. Лиана могла даже кричать, но Девор не слышал её, оглушённый пустым шумом, не дающим ему найти выход. До сих пор многим было непонятно, как молодой Гемблет смог получить посвящение, да ещё и статус наместника. Но молитвы Лианы были сильными и искренними, и возможно, мощь дома пошла на попятный, уступая просьбе своей любимицы.

Иногда он бывал другим. С его глаз словно опадала пелена, и он тянулся к сестре, как к единственной его опоре в этот миг. В такие вечера они много говорили, Лиана старалась не поучать, чтобы не испугать возникшей вдруг заинтересованности, но так хотелось за эти мгновения сказать так много всего, надеясь, что услышанное осядет в его душе и рано или поздно даст новые светлые ростки. В такие минуты Девор слушал молча, задумавшись, часто опустив голову. А она вглядывалась в его глаза, стараясь увидеть там хотя бы отголосок искреннего света, что раньше освещал детское лицо её брата. Иногда он задавал вопросы, и Лиана поясняла ему, вкладывая всю душу в эти объяснения, но не уверенная в том, что будет услышана. Она могла лишь молиться. По вечерам в своей спальне, сидя на полу перед старинным мечом, Королева молилась, распахивая всю душу и открывая сердце, молилась о своей семье, об Амбэрале, о своём брате. Мысленно Лиана просила его отозваться на её зов, умягчить своё сердце и открыть его для неё и для этого мира. И Девор начал меняться. Постепенно в стенах дома начала исчезать привычные отчуждённость и раздражение, и её брат оживал, но стоило Гемблету переступить порог дома, как всё начиналось с начала. Когда Девор был младше, по вечерам Лиана иногда садилась рядом с ним и крепко обнимала, стараясь закрыть от всех невзгод этого мира. Она должна была его защитить, и Королева делала всё, что было в её силах. Идея законного брака пришла неожиданно. На тот момент Лиана уже была главой дома и научилась чувствовать Нити, плетущие судьбы людей. Таяния была маленькой и хрупкой девушкой с прямыми светло-каштановыми волосами, всегда собранными в низкий пучок и светло-кариими глазами. Младшая дочь дома Люэно, проживавшая практически в столице, она отнюдь не была частым гостем на традиционных празднествах и мероприятиях. Люэно чуть ли не прятали свою принцессу, и Тибельт, по необходимости посещая подобные места, всегда говорил, что его сестре нездоровится, что действительно можно было допустить по хрупкому виду младшей Люэно. Но девушка была вполне здоровой, просто немного замкнутой и закрытой. Суэта яркой, но в то же время бесцветной игры отталкивала её, вызывая желание бежать как можно дальше от этого места. Так получилось, что душа Таянии не закрылась, или она сама не пожелала закрывать её от других. Благодаря этому она могла чувствовать практически любого человека, для неё не было плохих людей, в каждом она умела найти искорку света, недоступную взору других. Мало кто смел обидеть такое лёгкое и по-детски светлое существо, каждый узнавший её близко, не смел и тронуть хрупкое равновесие, живущее у неё в душе. Но она была уязвима, уязвима намного больше чем все остальные. Оказываясь перед лицом своры, Таяния рассыпалась на осколки, словно разбитая кукла. Её слишком открытая душа, не давала ей защитить себя, и она сквозь слёзы проглатывала боль, также, как и свет этого мира. По этой причине у Люэно давно повелось, что Тибельт всегда должен быть рядом с ней, не отпуская сестру ни на шаг. Но время шло и неожиданно свет Таянии задел ещё одного человека, казалось бы, самого невозможного из всех, кто мог откликнуться на него. Девор Гемблет, тот, кто не умел видеть и ценить этот мир, человек, отрицающий Великие законы, человек,

до сердца которого не могла достучаться даже его собственная сестра, вдруг увидел истинный внутренний свет Таянии Люэно и уже не смог отвести взгляд. Впервые они заговорили на празднике весны в замке Люэно. Множество приглашённых нарушили привычное спокойствие этих стен, и Таяния, наряжённая в лёгкое платье, украшенное разноцветными лентами, сбежала в сад, чтобы хоть на мгновение, отдохнуть от этого безудержного веселья. В родном доме она знала все ходы и пути, поэтому Тибельт отпустил её одну, зная, что здесь никто не посмеет обидеть юную принцессу. Она спустилась на нижние этажи, где сад вырастал словно из каменной кладки, яркий и цветущий – гордость дома Люэно. Здесь росло множество цветов и деревьев, которые не встретишь в других частях Амбэралы разве что в землях Арити. Тёмно-синие аллярии, вступали в танец с небесно-голубыми люриями и канареечно-желтыми тинками, алые озимы возвышались в стороне, оттеняя нежно-белые илиары, и ещё огромное множество других цветов и красок, превращало сад Люэно в маленький рай, где душа каждого могла успокоиться и отдохнуть от безумной круговерти жизни. Все эти цветы были выведены членами её семьи и носили имена своих создателей, многие века украшавших и совершенствовавших это место. Уверенная, что никого не встретит, Таяния отбросила привычную робость и, пританцовывая, плыла по саду, напевая слова старой детской песенки.

Ёж летит под небом круглым.
Расцветают васильки.
Чуть смутились незабудки,
Засияли лютики.

Если ёжики летают,
В этом мире день и ночь,
То поверьте, эта тайна,
Тут не в силах вам помочь.

Пролетят как птицы годы.
И, увидев дивный сад,
Снова лютики с мороза
Вас с сомнением оглядят.

Незабудки повздыхают,
Чуть надувшись на ветру,
Ну а васильки узнают,
Но не скажут никому.

Им поведаю, я знаю,
Им единственным из всех,
То, что ёжики летают
Знает каждый человек.

Тоненький голос разливался под небесным сводом, скользя по нежным зелёным листьям, едва касаясь светлой кладки стен. Ей вдруг стало очень легко и спокойно. Это был её мир, её собственное маленькое царство. Она знала каждый цветок, каждое растение в этом саду. Её песни словно оживляли уснувшие цветы, заставляя их раскрыться и потянуться к источнику звука. А Таяния продолжала кружиться по саду, напевая лёгкую песенку, её строгий пучок распался, позволив светло-каштановым прядям упасть на спину и тут же оказаться в полёте, повинувшись воле юной принцессы. Весь мир словно танцевал вместе с ней, стало всё равно, что

в замке сейчас находятся какие-то люди, что там идёт весенний бал, а она здесь, так далеко от них всех.

Однако входя в очередной поворот, зоркий взгляд уловил чёрную фигуру, скрывавшуюся за большим кустарником белых алябий. Таяния невольно вздрогнула и с громким визгом отскочила в сторону, пытаясь разглядеть нарушителя её тайного мира. Услышав визг, фигура неуклюже поднялась и вышла на свет. Солнце тут же осветило грубые черты лица, которые совсем не радовались солнечному свету и великолепию цветов и красок. Тяжёлая фигура, закутанная в чёрное одеяние с красными вставками, чуть смуглое лицо с чёрными непроницаемыми глазами и слегка презрительная усмешка – Девор Гемблет, собственной персоной, возвышался над ней на целую голову и внимательно оглядывал.

- Извините, Сумон Гемблет, но мне кажется это невежливо прятаться в чужом саду, не давая о себе знать, – медленно и кротко проговорила Таяния, при этом не отрывая глаз от своего неожиданного гостя. Тот же продолжал молчать и неловкость, возникшая из столь непредвиденной ситуации, только продолжала нарастать. Таяния не любила такие ситуации, больше всего её беспокоило, когда в разговоре появлялись такие мгновения, тяжёлые, ощутимые, ужасно давящие на столь чувствительное существо.

Со стороны Гемблет казался не человеком, а скорее каменным изваянием. Чёрные непроницаемые глаза не отражали никаких эмоций, и это пугало больше всего. С любым человеком можно договориться, страшно лишь, когда перед тобой не человек.

Но младший наследник Великого Дома не может быть плохим, – подумала Таяния прежде чем снова обратилась к Гемблету. Девушка попыталась поднять из глубин своей души весь свет и участие, побуждая своего собеседника раскрыться в ответ. В этот раз в её взгляде было спокойствие и искренность, страх словно рассыпался, и Девор был обескуражен подобной открытостью, обращённой к нему. На его памяти светские дамы, подобные Таянии разбегались во все стороны при виде него. Нелюдимый и холодный, жёсткий ко всем окружающим, хотя в глубине души больше всего на свете ненавидящий быть одному.

- Извините, я не представилась, – легко рассмеялась Люэно, – я привыкла, что все гости нашего дома уже знают моё имя. Меня зовут Таяния, но можно просто Тая, – на последней фразе с присущей только ей непосредственностью она протянула ему маленькую ладошку. На мгновение Гемблет замер, не зная, как реагировать на подобное действие, но потом, дёрнувшись, пожал ей руку своей медвежьей ладонью.

- Вы, наверное, у нас впервые, – продолжала щебетать девушка, – давайте я покажу вам сад, – и без малейшего страха, схватив Де вора за руку, повела его вдоль дорожек по цветущим аллеям, а суровому Гемблету больше ничего не оставалось, кроме как следовать за резвой хозяйкой, панически пытаясь понять, как ему вести себя рядом с этой девчонкой.

Несколько часов она таскала его по саду, показывая то или иное растение, и постепенно Гемблет осмелел. Всеми силами пытаясь скрыть робость, он начал задавать вопросы, иногда не впопад, иногда чуть опоздав, но Таяния мягко улыбалась и иногда звонко смеялась, отчего Девор не мог удержать ответной улыбки. Почему-то её шутки не вызывали злости, казалось это существо просто не может обидеть всерьёз, её глаза были широко распахнуты миру, и в них отражалась каждая эмоция, каждая искра восхищения окружающей действительностью, ставшая уже непосредственной частью Таянии.

Набегавшись вдоволь, они присели на мраморную скамейку в самом центре парка. Таяния тем временем продолжала ранее начатый рассказ. Всего за несколько часов эти двое успели обсудить множество тем, и сейчас маленькая Люэно жаловалась на брата, пытаясь уговорить Гемблета поддержать разговор и поделиться чем-то в ответ.

- Тибельт хороший, – улыбалась она, – просто он не понимает, что я тоже иногда хочу делать то, что мне вздумается. Пусть он и будущий Король дома....

- Король дома, – грустно вздохнул Девор, невольно перебив свою спутницу, – это его право решать всё. Ты не хочешь быть главой дома, поэтому и подчиняешься.

- Нет, не хочу, – задумчиво ответила она, и появившаяся в детских глазах серьёзность, невольно позабавила Гемблета, – но моя мама – действующая глава дома, и она разрешает мне иногда гулять, где мне хочется.

- Это только послабление, – буркнул Гемблет, – чтобы ты не убежала далеко.

- А я не хочу убежать, – возмутилась маленькая Люэно, от эмоций даже топнув ножкой в золотистом летнем башмачке. Зрелище было воистину презабавное: маленькая девочка отстаивала своё мнение со всем свойственным детям упрямством, – мне и так хорошо, здесь меня все любят!

- Тебя любят, – фыркнул Девор, поражаясь глупости и наивности девочки, но мысленно закрывая на это глаза. Для себя Гемблет уже в сознании решил, что ей он позволит остаться в своём нереальном, слишком хорошем мире, так далёким от его реальности, – тебя любят, а меня считают чудовищем.

- Не может быть! – Таяния вскочила, испуганно уставившись на Гемблета. – Такого просто не бывает! Никто не может считать своего близкого чудовищем! – в её голосе сквозила такая уверенность, что Девор на мгновение готов был поверить и всей душой откликнуться на её слова, но сомнения снова затопили его сердце, и ранее сдерживаемая боль и обида провалились наружу.

- Но это так, – запротестовал Гемблет вскакивая со скамьи, – моя сестра – идеальная Королева. Она много знает и умеет управлять силой, а у меня никогда ничего не получается с первого раза. Папа с мамой говорят, что это пройдёт, но я им не верю! Просто всю силу дома забрала Лиана, а мне не осталось ничего!

- Правда, – искренне удивилась Таяния, своим шокированным взглядом, снова разрушив разгорающуюся бурю эмоций младшего Гемблета. Её удивлённый вид казался Девору настолько нелепым и неподходящим, что он совершенно искренне растерялся. Большинство предпочло бы держаться от него подальше в моменты разгорающегося пожара, но эта девочка была весьма неожиданным исключением, – я не знала, что так бывает. А у меня брат тоже забрал всю силу? – с искренним любопытством переспросила она.

- Конечно, – гордо надулся Девор, наконец-то ощутив себя старшим. Ему не так часто удавалось поучать кого-то, поэтому он не мог не воспользоваться представившимся случаем, – если ты младшая, то значит тебе достались только крохи, и так всегда.

Таяния задумалась, на мгновение в светлых глазах мелькнула мысль, после чего она беззаботно улыбнулась, в который раз пошатнув понимание Девора об окружающих его людях.

- Если так, то Тибельту она нужнее, а мне и так хорошо, – и снова рассмеялась Люэно, а Девору же от этих слов стало невыносимо тошно. Он не мог так сказать о своей сестре, не мог даже мысленно отдать ей законное право на дом.

- Это потому что ты хорошая, – снова надулся Гемблет, – поэтому все тебя любят и без силы.

- Но ты ведь тоже хороший, а значит и тебя любят, – искренне возразила Таяния.

- Нет, я плохой! – не сдержавшись крикнул Девор. – Мама сказала, что я буду плохим если думаю плохо, а я думаю плохо.

- Но плохих людей не бывает, – с несвойственной ей твёрдостью и уверенностью медленно проговорила Люэно, – не бывает и всё. Это такая загадка. Её не надо отгадывать, в неё надо просто поверить, и она обязательно сбудется.

Девочка соскочила со скамейки и притащила маленький бутончик башмачка..

- Вот смотри, – сказала она, протягивая ему цветок, – если он закрытый, ты не увидишь ничего. Тебе он кажется просто синим, хоть и всё равно очень красивым. И никто никогда не

подумает, что в нём может быть что-то ещё. Но если мы снимем колпачок, то увидим маленькую цветочную карету, запряжённую двумя морскими конями, правда, здорово.

Под одним из лепестков действительно оказался нежно синий цветок, похожий на сказочную карету и два усика, напоминающие впряжённых в неё неизвестных животных.

- Вот так же и ты. Ты можешь открыть свою хорошесть всем, кому захочешь, и они восхитятся ею.

Таяния улыбалась от сделанного открытия, а Девор, глядя на неё, думал, что более наивной девочки ему ещё не приходилось видеть. Но она была настолько искренняя, настолько живо хотела помочь, что он решил не рушить эту иллюзию, а защищать её столько сколько сможет. По этой причине Гемблет только кивнул ей и слегка улыбнулся.

В ту же минуту у входа в сад послышался крик Тибельта, и Таяния, быстро попрощавшись, упорхнула к выходу, оставив озадаченного Девора одного в саду.

Лиана не знала всей этой истории, но способности Королевы дома позволили ей узнать эмоциональную окраску тех Нитей, что связывали судьбы её брата и младшей Люэно. Таяния не могла полностью контролировать Девора, но она могла хотя бы сдерживать перепады его гнева, на большее глава дома Гемблет уже не надеялась. Оставалось лишь рассчитывать на то, что вода камень точит, и со временем Таянии удастся сделать то, что не удалось ей самой – достучаться до сердца Девора Гемблета.

- На всё воля силы, – чуть слышно прошептала она, вглядываясь в ночь.

Через некоторое время тяжёлые шаги нарушили тишину и умиротворение башни. Несколько ступеней, и чёрная фигура вступила на каменные плиты, а тяжёлый голос проговорил:

- Ты посылала за мной?

Она обернулась, встречая взгляд своего брата, такой же тёмный и неприступный, как и у неё самой. Только если глаза Лианы были бездонны, то взгляд Девора словно был закрыт каменной стеной, и никто не мог посмотреть, что же спрятано за её пределами. Он уже успел переодеться с похода, и теперь чёрно-алый плащ дома Гемблет скрывал парадный камзол и регалии наместника дома. Она вглядывалась в его фигуру, надеясь увидеть что-то знакомое, что-то близкое ей, но Девор был закрыт, выстроив между ними невидимую стену, не дающую сестре по-настоящему приблизиться к нему.

- Да, – медленно проговорила Лиана, – я хотела узнать, почему ты привёл в замок Морзано и Мюриэле. Ты же в курсе, что со времён Амбэральского договора все границы условны, и все жители, тем более Короли и наследники, имеют право свободно перемещаться, куда им вздумается.

Девор молчал опустив взгляд, при этом вся его поза и высоко поднятый подбородок говорили о том, что он отнюдь не жалеет о совершённом поступке и будь его воля, это было бы последнее путешествие этих двоих через его земли.

Мысленно укорив себя за холодность, Лиана подошла к нему и внимательно посмотрела в глаза.

- Девор, даже будучи Королевой, я всё ещё остаюсь твоей сестрой, и если тебя терзают сомнения, прошу, поделись со мной. Ничего страшного не случилось, я просто хочу понять твои мотивы, чтобы в случае чего быть настороже.

Девор, не выдержав взгляда, резко отвёл глаза. В этот момент на его лице сменилось множество эмоций, словно через силу он пытался выдавить из себя хоть слово. Младший Гемблет не знал, что ему сказать, он ненавидел Морзано всей душой, а Мюриэле просто попался под руку. Поэтому Девор предпочёл просто промолчать, он часто поступал так, если у него не было достойного ответа.

Но Лиане он и не требовался. Ей уже давно было известно о лютой вражде её брата и наследника Морзано, и ожидая встречи с последним, она была готова к худшему, что только

можно было ожидать от сына падшего дома. Но Морзано оказался Королём, истинным Королём своего дома, и никто, даже её брат, был не в силах отрицать этот факт. И снова, вопреки собственным желаниям, повинаясь клятве честности, данной ей как Королеве, она склоняла весы не в сторону брата. Девор спровоцировал конфликт, Лиана это знала, но ничего не могла поделать. Он уже был не в том возрасте, чтобы воспитывать его, а она слишком любит своего брата, чтобы окончательно отпустить ситуацию на самотёк.

- Ладно, – наконец заговорила Королева, – не будем об этом. Я пригласила их на ужин, поэтому сегодня постарайся держать себя в руках и не расстроить собственную помолвку, если ты, конечно, этого хочешь.

На мгновение глаза Девора вспыхнули гневом. Морзано и Мюриэле будут свидетелями на его помолвке. Это осознание ударило под дых. Меньше всего он хотел, чтобы эти двое видели его Таянию, и неважно, что Абриэль уже помолвлен, он никому не позволит увидеть своё сокровище.

- Девор? – чуть более резко переспросила девушка, и он, повинаясь, поднял взгляд. Лиане порой не требовались слова, одним блеском своих глаз она могла просто не оставить ему выбора, как и в этот раз. Девор покорно кивнул и отправился вниз с башни, а Королева в последний раз посмотрела на звёзды, мысленно прося у них благословения на сегодняшний вечер, прежде чем двинулась вслед за своим братом.

Уже давно замок Гемблет не наполнялся таким количеством света и огней. Званные вечера этот дом не любил и устраивал только в самых крайних случаях, поэтому помолвка младшего наследника стала для всех событием огромного масштаба. Хранители чуть ли не с утра начали приготовление, чтобы успеть к ужину, на котором фактически будут присутствовать пять Королей – невиданное событие для этих стен в последние несколько десятков лет.

Ровно в назначенное время хранитель замка постучал в одну из комнат скрытого коридора. Еرارдэр уже был готов. Чёрный парадный камзол, в последний момент засунутый Грете-лией вместе с походной одеждой, оказался весьма кстати. По пути в зал они встретили Абриэля, как всегда одетого в безупречно белый наряд дома Мюриэле. Еرارдэру даже подумалось, что склонность к постоянной чистоте и аккуратности в этой семье возникла отнюдь не из-за внутренних побуждений, а потому что можно сойти с ума, поддерживая в постоянной чистоте белоснежные одеяния всех членов семьи. Абриэль приветственно кивнул ему, и они пошли дальше, пока на пути их не возникли огромные резные двери, скрывавшие вход в главные залы. Хранитель распахнул их, и амбэральцы оказались в огромном помещении, представляющем собой парадную столовую семьи Гемблет. Как и в других парадных комнатах, все стены были отделаны тёмным деревом, контрастирующим с огромными полотнами красных штор, расшитых чёрными узорами. На небольших подставках стояли цветы – единственные цветы в этом доме, выставившиеся только по особому случаю. Красные маки, алые, как кровь этого дома, с сердцевинкой чёрной, как его знамя. Посередине комнаты находился огромный стол, накрытый множеством блюд, большая часть которых была приготовлена из дичи, пойманной в здешних степях.

Увидев прибытие гостей, Лиана поднялась со своего места во главе стола и в знак приветствия чуть опустила подбородок. Остальные присутствующие повторили её жест, включая Девора, который через силу смог выдавить хотя бы кивок.

- Разрешите вам представить моих гостей, – обратилась Лиана к сидящим напротив, – они проездом в наших местах, однако оказали нам честь и присоединились к ужину. Прошу, Руан Морзано и Милрен Мюриэле.

Первое имя, конечно же, имело эффект настоящего взрыва, ведь уже долгое время никто не слышал о доме Морзано, тем более о Короле, и, судя по всему, законном Короле. Отступники северного воинского дома держались особняком, посещая только самые необходимые

мероприятия, поэтому представителей этой семьи давно уже списали со счетов. Первым, как ни странно, пришёл в себя Тибельт. Он поднялся и повторил приветственный жест.

- Рад нашему знакомству, Руан Морзано, очень приятно видеть вас Милрен Мюриэле, – он обратился к Абриэлю, – разрешите представить вам мою супругу, главу дома Сенден, Руан Летицию, и мою сестру Симьен Таянию. Дамы также кивнули вошедшим, на что те повторили своё приветствие. Тем временем Ерардэр, усаживаясь на своё место, незаметно разглядывал новых знакомых.

Тибельт был невысоким и худощавым молодым человеком, по виду чуть старше его и Абриэля. Светлые пшеничные волосы молодого Люэно нещадно пушились и создавали лёгкое ощущение одуванчика, не сдутого до конца ветром. Глаза его были светлые и живые, казалось, распахнутые всему миру, но зрячий человек мог увидеть под ними твёрдую корку, не дающую проникнуть дальше положенной границы. Слева от него сидела его сестра, об этом нетрудно было догадаться, поскольку оба были достаточно сильно похожи. Маленькая хрупкая девушка с светло-каштановыми волосами, собранными в низкий пучок смиренно сидела около своего брата и, казалось, боялась поднять взгляд. Справа от Тибельта сидела его жена. Леттиция Сенден была высокой девушкой хрупкого телосложения. Её длинные русые волосы были собраны в высокую причёску и спускались волнистыми прядями, немного закрывая золотисто-белое платье. Глаза у неё были бледно-голубые, и иногда казались стеклянными. Однако Ерардэр не обманулся этой иллюзией, и, приглядевшись, понял, что всё это кукольное выражение лишь для отвода глаз. В ней было скрыто что-то, что он едва ли мог идентифицировать, что-то далёкое от его понимания, но при этом вызывающее опасения. Абриэль тоже оглядывал присутствующих, для него это был не столь интересный процесс, поскольку каждого из собравшихся он не раз видел ранее на балах, организованных домом Мюриэле, и даже помнил, как однажды Тибельт танцевал с его сестрой Мирэль.

Наконец, все расселись, и Лиана предложила приступить к трапезе. Спустя полчаса, когда гости успели поужинать и обсудить самые незначительные новости, Королева решила приступить к главной части этого вечера – помолвке своего брата. Невольно Лиана улыбнулась, вспомнив удивление Тибельта, когда она заявила о своём желании женить Девора будучи даже не помолвленной, словно Лиана была представителем жреческого дома, совершившим ритуал передачи сердца, после которого любые мысли о личном счастье были невозможны. Но в доме Гемблет, к счастью или нет, подобные ритуалы не сохранились, и у молодой Королевы не было ни единого шанса воспользоваться им для возрождения своего дома, на что, вероятнее всего, она бы отважилась со спокойным сердцем.

Лишь немногие, включая её родителей и представителей дома Фьене, знали, что Лиана уже давно была помолвлена с бывшим странником, учеником её отца Даеором, одним из посвящённых дома. Когда-то давно, ещё ребёнком он прибыл к ним из далёких земель, не помня ничего о себе, кроме своего имени – Даеорус, которое тот по собственному желанию сменил на Даеора, приблизившись к традициям семьи Гемблет. Родемор вызвался обучать мальчика, как и других учеников дома и был поражён, когда в маленьком ребёнке открылась мощь свободной силы, неподвластная никому, включая его самого. Эта сила разбивала сознание, делала маленького, ни в чём не повинного ребёнка настоящей пороховой бочкой, и Родему пришлось на время ограничить его способности, чтобы он смог дожить хотя бы до двадцать первого года, не уничтоженный собственной силой. За неделю до двадцать первого дня рождения Даеора Король открыл ему то, что единственный известный ему способ обуздать его мощь это пройти испытание смертью, древний ритуал Гемблетов, схожий с ритуалом посвящения правящих Истарессов. Жаждающий погружался в глубокий сон на несколько лет, и все эти годы вёл битву с самим собой, изучал себя и пытался понять собственные особенности. Родемор думал, что подобный сон поможет ему понять истинную природу своей силы и научиться её контролировать, по крайней мере чтобы не причинить вред своим близким и самому себе. Узнав об

этих планах, Лиана яростно потребовала гарантий того, что Даеор сможет проснуться, и получила ответ, что единственная возможность гарантировать спящему пробуждение – это по способу стражей привязать спящего к якорю – живому не спящему человеку, который будет ключом к его пробуждению, и, если что, сможет вернуть его с той стороны сна. Однако в отличие от стражей, в этом ритуале якорь не назначался судьбой, а выбирался, увеличивая вероятность ошибки. Если между спящим и якорем внутренняя связь будет недостаточно сильной, то якорь грозился утонуть следом за спящим, без надежды на пробуждение обоих. Услышав это, Лиана вызвалась быть якорем, несмотря на опасения Даеора и Родемора, не желающих подвергать её опасности. Однако они недооценили упрямство наследницы Гемблет. И через несколько дней была заключена тайная помолвка, после которой Даеор уснул на пять лет, оставшись в спрятанном святилище семьи Гемблет.

Лиана невольно улыбнулась, всего лишь полгода оставалось до пробуждения её наречённого и тогда дом Гемблет окончательно воскреснет, но сейчас речь шла о её брате, и она попыталась мысленно вернуться в парадную столовую.

- Руан Люэно, – будучи хозяйкой дома, разговор начинала именно Лиана. – Как вы понимаете, мы собрались здесь по значимому для наших семей поводу.

- Совершенно согласен, Руан Гемблет, – уверенно ответил Тибельт, – этот вопрос не требует отлагательств.

Королева восточного воинского дома медленно кивнула, продолжая разговор.

- Меня, главу дома Гемблет устраивает этот союз, и я желаю узнать мнение своего дома.

- Меня как главу дома Люэно также устраивает этот союз, и я также хочу узнать волю сил, охраняющих мою семью, – ровно ответил Тибельт, соблюдая традиции.

Ерардэр заворожённо наблюдал за происходящим. Ещё ни разу в своей жизни он не видел, как проходит помолвка, поэтому сразу и не понял, что все произнесённые слова относились к ритуалу союзов двух семей. Абриэлю это было знакомо, но для Морзано это было ещё одним уроком, который подарило ему мироздание.

В этот момент оба главы домов поднялись и опустили подбородок в ритуальном кивке, при этом закрыв глаза, это было знаком оказания высшей чести и доверия. Наконец, каждый из них подошёл к своим младшим и положил руку им на плечо, призывая идти за ними. Когда четвёрка оказалась уже у дверей, Лиана обернулась.

- Окажите нам честь быть свидетелями этого союза до тех пор, пока дом Фьене не поставит печать истины. Очевидно, зная этот ритуал, Леттиция склонила голову, закрыв глаза, Абриэль повторил её жест, и Ерардэр также кивнул, стараясь наблюдать за остальными.

Они вышли в задний двор замка, куда редко заходили даже сами Гемблеты. Как позже узнал Ерардэр, подобный ритуал мог проводиться либо в храме, либо на природе, но в целом не являлся обязательным для Великих Домов. Во-первых, потому что браки между подобными семьями были чрезвычайно редки, а, во-вторых, потому что главным по-прежнему оставалось подтверждение дома Фьене, а все прочие ритуалы являлись лишь желаемым дополнением и данью традициям. В каждой цитадели был небольшой сад, где росли деревья, равные по возрасту самому дому, основанному ещё задолго до времён амбэральского договора. К одному из таких деревьев и направилась процессия. Это был старый тис, выросший корнями в землю с изогнутой огромной кроной, накрывающей тенью всё за пять шагов от ствола. Дерево Гемблет, сильное и могучее, как и чёрно-алый дом.

Тибельт и Лиана подошли к нему, и Королева коснулась рукой могучего дерева. В тот же миг, крона словно ожила, признав хозяйку, по стволу и ветвям пробежали амбэральские символы, высеченные красным пламенем, а листва начала кружиться вокруг них, хотя ещё несколько минут назад в воздухе не было и намёка на ветер. Тем временем Тибельт открыл небольшой мешок, который всё это время носил с собой, и вытащил оттуда золотистый цветок неизвестного вида акации, цветущей во владениях Люэно. Веточка засверкала золотым в его

руках, и он осторожно, стараясь не разрушить проснувшуюся силу, положил её в дупло тиса, призывая силы своего дома присоединиться к ним в этом решении. В то же мгновение алые символы смешались с золотыми и тис зашумел, перекрывая любые звуки.

- Вот так просыпается истинная воля дома, – подумал Ерардэр, наслаждаясь бушующей песней дерева.

В это время Тибельт и Лиана отошли от дерева и подвели к нему Девора и Таянию, поставив с разных сторон от ствола. Стоило Девору и Таянии коснуться дерева, как буря закружилась с небывалой мощью, и Ерардэр едва мог открыть глаза, чтобы рассмотреть происходящее. Короли встали с двух сторон, образовав вместе с помолвленными квадрат, в центре которого находилось дерево. Вся пляска стихий остановилась, никто не дышал, пока ало-золотые символы медленно выстраивались в цепочку, соединяя ладони Таянии и Девора, и сразу после этого налетевшая буря пропала, не оставив после себя ни единого следа кроме удовлетворённых лиц участников ритуала.

Ерардэр поднялся с земли, всё ещё не до конца придя в себя после такого представления.

- У тебя было также? – спросил он Абриэля.

- Хуже, – усмехнулся тот. – Я практически потерял сознание от разгула стихий. У нас была настоящая буря с грозой и ливнями, и ни я, ни Ноэллия не хотели бы пережить подобное ещё раз.

Ерардэр невольно улыбнулся, представив эту картину. Для Абриэля и королевы Брюнье было, наверное, невероятно обидно вымокнуть до нитки во время собственной помолвки, да ещё и стать частью настоящего стихийного бедствия.

В это время все главные участники ритуала уже пришли в себя, и поздравляли друг друга с успешным завершением. Даже Девор улыбался, чего Ерардэру видеть ещё не приходилось. Таяния тоже светила от счастья, хоть и смущалась от повышенного внимания к своей персоне.

Отделившись от них, к свидетелям подошёл Тибельт.

- Я благодарю вас от себя и от своего дома, за оказанную нам честь и за защиту нашей силы.

Лишь позже Абриэль объяснит Морзано, что роль свидетелей состоит в том, чтобы не подпускать посторонних в ритуальный круг, а не только в том, чтобы закрепить договор. На что Ерардэр ответит, что как можно в этом безумии кого-то защищать, если сам еле стоишь на ногах? В действительности подобное участие было знаком огромного доверия, потому что один дом открывал свою сущность перед другим.

- Мы также благодарим вас за доверие, – нашёлся Ерардэр, – и желаем, чтобы этот союз был счастливым.

В последнее он начал верить только сейчас, увидев, что Девор такой же человек, как и он сам, со своими горестями и радостями, и, пусть младший Гемблет никогда не изменит своего отношения к нему, Ерардэр искренне пожелал ему счастья. Абриэль также выразил свою благодарность, добавив пару церемониальных фраз, которые Морзано постарался запомнить.

Тем временем к ним подошла Леттиция, и впервые за весь вечер её взгляд не казался отстранённым. Она улыбалась, искренне оглядывая всех.

- Также от своего дома благодарю вас за помощь, – весело заговорила она, – мне было спокойнее стоять на защите внешнего круга.

Морзано и Мюриэле поблагодарили её в ответ.

- Поскольку союз заключён и осталась только бумажная работа, мне хотелось бы пригласить вас, при случае, посетить мою резиденцию в землях Сенден.

- Или наш замок в Люэно, – добавил Тибельт, – без Таянии там теперь будет скучно, так что всегда будем рады вашему приезду.

- Благодарю вас, – улыбнулся Ерардэр, – я тоже рад буду видеть вас в землях своего дома.

Абриэль повторил приглашение.

- Люблю эти ритуалы природы, – улыбнулся Тибельт, – вот что значит истинная красота.

- Красота, – возмутилась Леттиция, – красота – это когда всего в меру, в том числе и силы, а здесь это превращается в сплошное сумасшествие.

Тибельт рассмеялся. На что Леттиция только фыркнула:

- Тебе то что, ты своё только что отмучился, – и, повернувшись к Абриэлю, продолжила, – Милрен Мюриэле, посудите сами, если Руан Аразель и успеет выдать замуж вашу сестру, то организовывать помолвку брата точно придётся вам, а если сбудутся слухи про вашего брата и мою сестру, то нам обоим придётся участвовать в этом концерте четырёх актёров, – наиграно проворчала она.

- В таком случае предлагаю пригласить в свидетели Еرارдэра, – рассмеялся Абриэль, – у него уже есть опыт в этом деле.

- Ха-ха, – медленно протянул Морзано и все снова рассмеялись.

После к ним присоединилась Лиана и помолвленные, и даже Девор в тот вечер не устраивал никаких вспышек гнева. Они были молоды, только что получившие в руки корону, ещё не привыкшие к силе этого мира, и каждый новый шаг вызывал у них внутренний восторг и ощущение безграничного счастья, срывая серую плёнку с привычного мира и открывая множество красок, ранее никогда не замечаемых ими.

После праздничного пиршества, продлившегося ещё несколько часов, все разошлись по своим комнатам. Тибельт и Леттиция вошли в отведённые им покои, специально переделанные под удобство гостей из семьи Люэно.

Однако стоило двери за ними закрыться, как с лиц обоих слетели непринуждённые улыбки, сменившиеся выражением полного сосредоточения. Леттиция отошла к окну, привычно проверив наличие лишних ушей, и повернулась к мужу.

- Ну как тебе эти двое? – спросила она.

Тибельт расположился в кресле и, подумав с минуту, ответил:

- На счёт Морзано я не уверен. Его дом был в сумасшествии столько лет, что, видя перед собой это чудо, невольно не можешь поверить, что они всё-таки взялись за ум.

- Ты видел меч дома? – чуть слышно спросила Леттиция.

- Ты же знаешь, я не могу отличить оригинал от подделки, – резко ответил он.

Леттиция выдохнула, набираясь сил для спокойного ответа. Подобные вспышки были нечасты для Тибельта, но старшая Сенден давно уже поняла, что в такие минуты лучше не пытаться переубедить его или успокоить. В подобные моменты он сам не понимал себя и ему требовалось время, чтобы снова прийти в согласие с самим собой.

- Зато я могу, – ответила она, – мой дом потерял чувство силы, но не потерял чувство глаза. Для меня не составит труда отличить истинное творение от подделки, а клинки Великих Домов видно издали. Можешь не сомневаться, у него меч дома, причём полученный в качестве законного Короля.

Тибельт выдохнул, на мгновение прикрыл глаза и спросил:

- А Мюриэле?

- Мюриэле есть Мюриэле, – фыркнула Сенден, – достойный наследник, безоговорочно получит меч дома. Сила семьи уже ему подвластна, и он знает это, хоть и не до конца умеет использовать её. Тут всё закономерно, – усмехнулась она.

- Но как, КАК! – закричал Тибельт. – Как отступник мог сразу получить клинок дома со всей его мощью, почему же мы тогда вынуждены довольствоваться подделками!

- Воинские дома, чего ты хочешь, – спокойно ответила Леттиция, – у них всегда всё было не так, как у других. Вспомни Родемора – в одно поколение поднять дом после более ста лет падения. Их сила всегда была огромна, а традиции и ритуалы казались непонятными и слиш-

ком сложными, но они выживают, снова и снова поднимаются из самых страшных падений, и я не знаю, способно ли что-то их сокрушить.

Тибельт раздражённо фыркнул и опустился на место. Куда им, светским домам, до безудержной мощи семей окраины. Из внутренней четвёрки только Брюнье всё ещё сохраняли свою силу, остальные же могли в любой момент уйти в небытие. Тибельт получил своё звание от матери, и всё детство был уверен, что она законная Королева дома, пока не пришло время его посвящения.

В тот вечер ему исполнилось двадцать один и после шумного празднества Фления попросила его пройти с ней в её кабинет. Сама Фления Таяния Люэно была невысокой и стройной женщиной, фигурой сильно напоминающей младшую Таянию. С виду хрупкая, она умела проворачивать самые сложные дела и события и знала о многом, что происходило в Амбэрал-Юранде. Тибельт умел различать, когда она играла, а когда действительно была самой собой, и сейчас его мать в своей истинной суровости предстала перед ним. Кабинет в доме Люэно был маленький и эфемерный, в жёлто-бежевых тонах с новой мебелью из светлого дерева и высоким белым потолком, куда невольно поднимались все взгляды представителей воинских домов, привыкших видеть на этом месте фреску, изображающую заключение Амбэральского договора. Но в доме Люэно её давно уже не было. Много лет назад, когда происходило очередное массовое падение Великих Домов, многие из центральных семей, повинаясь новой моде перестроили свои цитадели, и старинные регалии, в том числе и это изображение, были уничтожены. Это был знак того, что дом забыл о своём прошлом, а значит, у него нет и будущего.

Однако как искренне полагал Тибельт, Люэно поднимались, ведь его мать всё-таки получила меч дома, а значит, всё ещё не было потеряно. Наконец Фления, успевшая оказаться в своём кресле, вынырнула из задумчивости и жестом попросила Тибельта присесть, что он и сделал, опустившись в мягкое бежевое кресло, стоящее напротив стола его матери.

- Ты понимаешь, Тибельт, что по достижении двадцати одного года ты можешь перенять главенство семьёй, а мне настало время уйти в храмы, чтобы двигаться дальше, – Тибельт только кивнул, стараясь подавить волнение, невольно возникающее от этого разговора. – но прежде чем это сделать, мне необходимо рассказать тебе кое-что, – она снова замолчала, убирая с лица светлые пряди. Казалось, что она не хотела начинать этот разговор, но и другого выхода просто не видела. Тибельт ясно прочитал беспокойство на её лице, и боялся даже подумать, что же сейчас будет озвучено. – Ты никогда не задумывался, почему у меня как главы дома нет наместника?

Вот тут Тибельт действительно вздрогнул, и точно, за все годы он ни разу не задумывался о том, кто же является наместником его матери.

- А разве это не папа? – с надеждой переспросил он.

- Нет, – тряхнула головой Фления, – мы познакомились уже после того, как я получила корону.

- Но тогда... – у Тибельта не осталось идей, кто же ещё мог бы на протяжении всех этих лет быть наместником дома Люэно. Фления подняла на него взгляд, и увидев задумчиво-недоумённое выражение лица сына, грустно улыбнулась.

- Ты прав, Тибельт, у меня нет наместника.

- Но как?! – наследник Люэно не понимал. У всех Королей должны быть наместники, это гарант сохранности дома и того, что ветвь не угаснет при смерти правителя. Здесь было что-то не так, и Тибельт чувствовал надвигающееся нечто, с чем он совсем не хотел сталкиваться в этой жизни.

Тем временем Фления немного успокоилась и наконец посмотрела ему в глаза, пылая такой решимостью, что Тибельт понял, она больше не будет медлить с ответом.

- Видишь ли, обычно меч получает глава дома – достойнейший и наиболее связанный с силой семьи. Наместником является лишь ближайший к нему человек, выбранный главой или подобранный по традиции – это неважно. Но сила распределяется между ними, и как бы ни велик был наместник, ему не позволено столь свободно управлять силой дома как Королю, и клинок в его руках никогда не будет искриться истинным светом, – Тибельт кивнул, не сказав ни слова, боясь прервать исповедь и упустить хоть одну мысль. – Однако бывают случаи, когда в семье просто нет достойного наследника. Годы падений, отступничество или простое изжитие себя и своего опыта – неважно, но факт останется фактом, достойного Короля не будет. В таком случае семейная магия, если дом не находится в полном отступничестве, принимает решение посвятить человека, максимально возможно соответствующего требованиям силы как наместника, но не вручать ему меч, а заменить копией, чтобы этот человек мог сохранить дом до момента появления истинного Короля.

Тибельт сидел, не говоря ни слова. Он был обескуражен услышанным. Неужели наместник может править без главы? Но почему это было сказано в отношении его семьи?

- Как ты знаешь, последний раз падение нашего дома было семь поколений назад, и с тех пор ни один из наследников не мог в полной мере принять силу дома.

- Семь, – невольно воскликнул Тибельт, вскакивая со стула и в ужасе смотря на мать, – семь поколений в Люэно правили только наместники?!

- Да, – уверенно кивнула Фления, – я, как и мой отец, являюсь наместником, я не могу вынести меч дома из храма, хоть и могу коснуться его, – и добавив чуть тише, – и боюсь, что тебе предстоит такая же судьба.

- Откуда ты знаешь? – грубо переспросил Тибельт. Внутри у него всё бушевало, множество лет он готовил себя быть Королём, а теперь эти надежды ушли в небытие. Наместник, максимум наместник... – Откуда ты знаешь? Мы ведь лишились чувствования множество лет назад.

- Ты похож на меня, – грустно улыбнулась Фления, – и на своего деда. Ты типичный наместник Люэно, поэтому, скорее всего, так и будет. В рукописях говорится, что Королей видно сразу, они отличаются врождённой склонностью к семейной силе и необоснованной духовной близости к дому, порой непонятную остальным. Но в тебе я такого никогда не видела, да и в себе тоже.

Тибельт молчал, в этот момент в нём боролись два чувства. С одной стороны он понимал правдивость слов матери: он действительно был далёк от Сердца дома и от природы его силы, но с другой стороны в душе билась детская надежда, что, может быть, он всё-таки сможет убедить силу дома дать ему корону, чтобы, наконец, начать новую династию семьи Люэно.

- Дай мне шанс, – глухо проговорил он, и поднял глаза на мать, – дай мне шанс убедить дом, в том, что я смогу это сделать, – его голос был твёрд, но глаза были наполнены болью. Фления ясно видела это, но ничего не могла поделать, он сам просил её, даже если это причинит ему боль.

Не говоря ни слова, женщина кивнула, поднимаясь со своего места, стремясь помочь своему сыну в подготовке. Некоторое время спустя Тибельт уже шагал вниз по ступеням к храму своей семьи, облачённый в традиционные одежды и переполненный решимости, но в то же время и безумного страха, страха не справиться с поставленной задачей. Он знал, что не простит себе, если не попытается, но сама попытка была выше его сил. С тяжёлым сердцем наследник дома Люэно вошёл в светлые двери храма, сильно отличающиеся от тех, что были здесь в самом начале существования его дома, но были бесследно утрачены при перестройке цитадели. Храм отреагировал на его прибытие, и церемония началась, и когда капли крови потекли по лезвию кинжала Сердца, замок оглушил дикий вопль. Тибельт лежал на полу, едва касаясь меча, валяющегося рядом, и остающегося глухим к его мольбам. Символы на стенах

давно погасли, а меч и не думал загораться. Лёжа навзничь Тибельт смотрел в тёмный потолок и повторял лишь одно слово – наместник...

Задумавшись о своём, Люэно даже не заметил, как сзади подошла Леттиция и крепко обняла его. Она уже давно привыкла к подобным перепадам настроения у своего мужа и знала, что воспоминания о посвящении до сих пор приносят ему самую страшную боль. Сама же она отнеслась к положению своей семьи гораздо спокойнее и, узнав о наместническом положении семьи Сенден, не была удивлена. В детстве она много читала, порой надолго запиралась ото всех в библиотеке, чтобы побыть несколько минут со своими любимыми книгами, а не с лицемерными родителями и избалованной сестрой. Сендены сохранили не так много, но всё же достаточно по сравнению со светскими домами. Когда-то они были жреческим домом, домом изящества и искусств, но теперь от всего этого осталось только название. Однако несмотря на всё произошедшее, библиотека семьи сохранила в целости описание лучших эпох дома творения, и маленькая Леттиция, найдя эти тексты, очень рано поняла, насколько её теперешний дом отличается от того, что было в прошлом. Древние Сендены были истинными творцами, ежедневно в их доме творилось множество искусств, радовавших как глаз, так и душу. Главы семьи совершенствовали своё мастерство и охотно передавали знания другим, не переставая открывать новые техники и направления. Многие приезжали к ним, чтобы постичь эту науку или полюбоваться на их творения. Они несли в мир красоту – и это было их главной миссией. Никто не помнит с какого момента равновесие Сенден нарушилось, когда вместо мягких и изящных форм появились грубые, непропорциональные, отталкивающие. Сендены того времени гордо называли это искусством, но другие не приняли этого. Слишком эти творения шли вразрез с их пониманием мира и не приносили покой, гармонию и восхищение в их души. Мастера Сендена настаивали на своём, всё больше цепляясь за форму и забывая про содержание, пока их мощь в качестве дома творения не ушла в небытие. Сейчас они были обычным полусветским домом, живущим на достижениях предыдущих поколений. К счастью, способности к искусствам ещё не были до конца потеряны в их семье: Леттиция прекрасно рисовала и имела зоркий глаз, моментально охватывающий окружающую действительность, а её младшая сестра Луреция хорошо играла и пела, становясь порой главным развлечением на светских мероприятиях.

При получении меча, даже лишённая чувствознания Леттиция понимала, что ей не светит корона, поэтому, услышав – наместник, только обречённо кивнула. Меч принял её ладонь, но так и не отозвался на её зов. Уже покидая храм, она услышала в себе голос, голос Сердца дома, по которому сейчас скользили капли её крови.

- Жди, она придёт следующей, если не поймёшь – прими. Не зови её раньше, она придёт в срок, дочь двух корон, сердце двух семей.

С тех пор Леттиция смирилась и готова была ждать, надеясь, что однажды эта Королева действительно предстанет перед ней. У них с Тибельтом не было детей, и это пугало обоих. Неужели сила дома окончательно отказалась от них?! Тибельт отчаивался, но Леттиция верила, продолжала верить, храня в своём сердце заветные слова «не зови её раньше, она придёт в срок».

Когда она поделилась этим пророчеством с Тибельтом, тот не отнёсся к нему всерьёз и полушутя ответил:

- Тогда я выдам её за Арити или Морзано, и мы породнимся со всеми воинскими домами Амбэралы.

И она знала, что он мысленно добавил, что может тогда их дома, наконец-то, обретут силу, так свойственную внешним семьям.

По этой причине они и были здесь, пытаясь понять, что такого было в этих семьях, что позволяло им возрождаться из самого пекла после самых страшных потерь, во всей красе своей

мощи и величия. Ни Тибельт, ни Леттиция так не умели, они были всего лишь правящими наместниками, мечтающими о возрождении своего дома.

- Почему всё так, Летти? – усталым голосом спросил Тибельт.

- Наверно потому, что мы должны это пережить, – спокойно ответила та, – это наш путь и наше испытание, которое мы должны пройти достойно.

Тибельт промолчал, она озвучивала его слова, которые он не в силах был сказать сам себе. Люэно желал больших испытаний, но как он мог их просить, если не был способен справиться даже с этим испытанием для его гордыни и тщеславия.

- Неужели тебе не страшно? – спросил он свою жену.

- Страшно, – тихо ответила Леттиция, – но знаешь, всё чему я научилась за эти годы – это верить, верить в себя, в свою семью и в то, что всё сложится так, как и должно быть. Я понимаю, что ты не веришь в пророчество моего дома, но я верю ему всей душой, и ни на мгновение не даю себе усомниться. Это мой путь восхождения. Я не знаю быстр он или долог, но это единственное, что я сейчас могу сделать. Тебя же много лет удерживала сестра и забота о ней, но теперь ты потерял свой путь и не можешь найти направление, куда идти дальше.

Тибельт вздохнул, мысленно признавая, что она снова права, но не в силах произнести это вслух. А ей и не нужно было, она уже давно научилась распознавать молчаливое согласие старшего Люэно. В конце концов, она и сама теперь тоже Люэно, хоть и остаётся главой дома Сенден.

- Порисуй пожалуйста, – чуть слышно попросил он, и Леттиция чуть улыбнувшись и кивнув, отошла в угол комнаты доставая из саквояжа давно знакомые листы пергамента и грифельные стержни, всегда возимые ей с собой во все уголки страны. Почему-то Тибельту нравилось наблюдать, как она рисует. В этот момент из светлых глаз исчезала насторожённость, черты лица разглаживались и становились мягкими и спокойными, словно излучающими какой-то внутренний свет. В такие моменты она была Сенден, истинной Сенден – Творящей. Быстрыми движениями она зарисовывала пейзаж, видимый ей сегодня на подъезде к замку Гемблет. Эти руки не ошибались, когда рисовали, каждый штрих навеки запечатлел в себе частичку реальности, как и частичку души самой Леттиции: её грусть, её спокойствие, её мысли и чувства. Всё это волшебным образом оживало на пергаменте, превращая его в новое неизведанное создание, несущее кусочек целой жизни. Так творили Сендены, даруя новую жизнь привычным вещам и умея с помощью своего мастерства поделиться с другими своими чувствами, наполненными восхищением красотой этого мира. И Тибельт тонул в этой красоте. Эмоции картины сплетались в его сознании с видением самой Леттиции, сильной, гордой, безумно красивой, но в то же время мягкой и хрупкой, как стеклянные статуэтки, стоящие в её замке. Тибельт не мог творить как она, он мог лишь поглощать это великолепие и сделать всё чтобы сохранить его как можно дольше и не дать никому потушить его свет. Это было его сокровище, его жена, его судьба. Он медленно подошёл и крепко обнял её за плечи, вместе с ней вглядываясь в причудливые линии рисунка, и казалось, что в этот момент отступало всё – наследие дома, политика Амбэралы и вся прочая пыль этого мира. Оставались лишь они, целые и незыблемые, тонущие в тёмных линиях грифельного следа, хранящего их историю, их мир и их тайны. Не сдержавшись, Тибельт нежно поцелует её волосы, и подумает, что вот она, его опора, его якорь, его сила, единственное, что продолжает держать его на поверхности. И он удержится ради неё ради их мечты, ради их семьи...

Таяния стояла на небольшом балконе, выходящем из малой гостиной, и задумчиво смотрела вдаль. Всё в этом крае казалось ей незнакомым и чужим: эти далёкие пустынные степи, так разительно отличающиеся от её прекрасных садов и цветочных лугов, холодные сдержанные люди, вопреки мягким и эмоциональным жителям окрестностей Люэно, суровый старинный замок взамен её светлого дворца, украшенного лепниной и высокими колоннами. Ей был

чужд этот край, но тем не менее она была здесь и готовилась к свадьбе с сыном этого дома. Невольно девушка вздохнула. Сомнения одолевали её, она не могла чувствовать свою судьбу, поэтому и делала то, что считала правильным, не ведая последствий своих решений. Таяния не была уверена, что готова стать хоть и младшей, но королевой этой семьи. Перед глазами всё ещё стоял образ Лианы – самого воплощения силы и величия этого дома. Разве сможет она хоть на мгновение приблизиться к такому? Маленькая кроткая Люэно, не умеющая перечить окружающим, всегда старающаяся быть хорошей, чтобы не беспокоить зря родителей и брата. Неужели ей такой найдётся место в этой древней крепости, населённой лучшими воителями восточных земель? Она никогда не говорила об этом с Девором, да и не была уверена, что он поймёт. Для него всё это было обыденностью – безусловной составляющей его мира, и вряд ли он мог понять беспокойство своей невесты. Единственной реакцией, которую она могла бы от него получить, была бы недоумённая ухмылка, не вызывающая никакого желания продолжить разговор. Девор никогда не был многословным с теми, кто не был для него подходящим собеседником. С ним трудно было говорить, он упрямо настаивал на своём, даже если и не был прав. Беседа была для него одним из способов почувствовать себя сильнее и взрослее, поэтому он никогда не выбирал сильных собеседников, которых сложно было поучать чему-либо. Таяния, однако, была исключением из этого правила, поскольку могла долго слушать Девора, даже не вступая в спор, просто пропуская его аргументы, позволяя ему выговориться и успокоиться. Девор был сложным человеком. Намного сложнее чем тогда, когда они впервые встретились в садах Люэно. Подростковая неуверенность и обида выстроились в толстый щит негатива и отчуждения, направленный на всех, кто потенциально может нести для него опасность. Таяния не относилась к этому кругу. К её счастью, Девор до сих пор считал её неразумным ребёнком, который в своей непосредственности ничего не понимает, а, следовательно, и не может нести умышленной опасности, а на неумышленную, как он полагал, у неё просто не хватит сил. Таяния знала его мнение о себе, но отнюдь не стремилась его переубедить. Конечно, в душе было обидно, ведь она уже давно не была неразумным ребёнком. Всю свою жизнь она пыталась заделать брешь отсутствия чувствознания знаниями из книг, которые смогла найти в семейной библиотеке, и если бы не её природная робость, слыла бы одной из умнейших девушек Амбэралы. Но Девор не видел этого, ему это не было нужно. Узнай он, что Таяния хоть в чем-то превосходит его самого, он бы закрылся, не умея по-другому реагировать на вызовы судьбы. Поэтому юной Люэно приходилось играть, чтобы не потерять его доверие и открытость.

Однажды Тибельт спросил её:

- Неужели ты всю жизнь собираешься быть кем-то столь непохожим на настоящую тебя? – ему определённо не нравилось, что его замечательная сестра вынуждена прикидываться инфантильной глупышкой. Он хотел, чтобы она сияла во всём своём великолепии, но Таяния тогда впервые грозно осадил его. За всю жизнь, он не слышал у неё такого тона, жёсткого, бескомпромиссного, уверенного. Именно этот тон позже дал ему надежду, что его сестра всё-таки сможет выжить в пугающем замке Гемблет.

- Это мой выбор, Тибельт, и даже ты, глава дома, не смеешь вмешиваться в моё решение! – резко ответила она, и глаза её вспыхнули возмущением. Всю жизнь она слушала членов своей семьи, но теперь это был её и только её выбор.

- Будешь ли ты счастлива? – осторожно спросил Тибельт.

- Я приложу для этого все усилия, – ответила Таяния, всем своим видом показывая, что не намерена продолжать этот разговор.

С тех пор в доме Люэно больше не поднимались подобные темы. Тибельт смирился с неотвратимостью этого брака и стал искать в нём положительные стороны. В конце концов, о живучести дома Гемблет давно уже ходят легенды. А сама Таяния всё ещё надеялась, что рано или поздно Девор сможет принять действующую реальность и увидеть её такой, какой её видала её семья: прекрасной, величественной, полной тайн и открытий. Она хотела открыть

ему этот мир, и те крупницы, когда он отвечал на её послы, были сокровищами для её сердца. Таяния знала, что будет непросто, и мысленно готовила себя к этому.

- Зачем? – презрительно спрашивал внутренний голос. – Зачем тебе всё это надо?

На что она мягко улыбалась и отвечала:

- Потому что я единственная, кого этот человек подпустил так близко к себе, и эту ценность я не позволю себе потерять ни при каких обстоятельствах.

Так в пространстве прозвучало её мысленное обещание, тут же подхваченное ветром, и унёсшееся туда, где все обещания становятся суровой реальностью, иногда больно рана своих создателей.

В это время за спиной послышались шаги. Тяжёлая поступь была ей знакома, поэтому младшая Люэно даже не удивилась, и устало проговорила:

- Давно ты здесь стоишь?

Девор как всегда не ответил, но подошёл ближе, положив руки ей на плечи, словно не решаясь развернуть её к себе. В такие мгновения она казалась ему чужой. Привычная милая и бесхитростная Таяния в такие моменты уступала место какой-то задумчивой и незнакомой девушке, как себя вести с которой он не знал. Поэтому его немая просьба прозвучала неуверенно, и младшая Люэно оставила за собой право не поворачиваться.

- Теперь мы помолвлены, Девор, – медленно, чуть слышно проговорила она, словно впервые задумавшись о своей судьбе, – по словам Лианы решение Фьене лишь вопрос времени, и у меня нет причин не доверять её чутью.

Девор снова промолчал, лишь сильнее приобняв её за плечи.

- Что же будет дальше Девор? – осторожно спросила Таяния, не зная, что ожидать от своего суженого. Фактически она до сих пор не знала его. Периодически он приоткрывал ей частички своей души, но никогда не давал полностью понять себя. Одно девушка знала точно, Девор никогда не причинит ей вреда, она видела это в его глазах, жестах и поступках. Он дорожил ей как самым большим сокровищем в своей жизни, и младшая Люэно была счастлива от осознания этого. Ещё она знала, что если силы обоих домов и дом Фьене одобряют этот брак, то ни о какой ошибке не может быть и речи. Её место здесь, рядом с этим тёмным скрытым и нелюдимым человеком, способным, однако на искренние чувства и заботу. Вот и сейчас он скинул собственный плащ, даже не задумываясь о холоде и накинул его на плечи своей невесты. Она молча улыбнулась этому поступку. Таким был её Девор, её Гемблет. Подсознательно чувствуя беспокойство своего спутника от слишком долгого отсутствия ответных знаков, Таяния наконец-то повернулась и нежно улыбнулась ему, стараясь в свою улыбку вложить столько тепла и света, сколько было в её душе. И Девор ответил, пусть неуверенной и едва заметной улыбкой, но это было для неё ценнее самого громкого и заразительного смеха. Младшая Люэно подошла ближе и прижалась к нему, показывая, что не нуждается в словах, а он просто ответил на её объятия, благодаря за понимание и принятие его судьбы. Она верила, что впереди ещё будет время, время для разговоров, время для объяснений и признаний. Когда-нибудь, у них будет время, у них будет целая жизнь...

Это утро было морозным. Неожиданно пришедший северный ветер покрыл все растения лёгким слоем инея, готовым с первыми же лучами солнца превратиться в капли воды. На уже посветлевшем небе в чуть голубоватом сиянии возрождались первые огни рассвета, отдающие последнюю дань полнотной синеве, прежде чем разразиться алым пламенем гемблетовского знамени и осветить степные земли, простирающиеся во все стороны от могучей фигуры тёмного замка. В то утро Лиана поднялась ещё раньше, чем обычно. Спать совершенно не хотелось. Какая-то неведомая сила тянула её туда, в степи, за пределы восточной цитадели. Там, где первые искры рассвета уже начинали свои танцы, снова и снова зазывая её в хоровод. И она, оставив на мгновение своё бремя, босая, в одном лишь алом платье выскочила на улицу,

за ворота, туда, откуда простирался мир, и где уже незримо уходила дорога звёзд. Ноги тут же обожгли крупинки льда, мгновенно превратившиеся в воду, но девушка даже не заметила этого. Медленно ступая по сырой траве, Лиана вдыхала морозный воздух, и сердце её успокаивалось, сбрасывая с себя все тревоги. Пусть, пусть будет потом, но не сейчас. Сейчас этот мир принадлежал ей, также, как и она сама принадлежала этому миру. Его дочь, его дитя, его Королева. Неожиданное утро, словно освободило её, сорвало последние оковы, позволяя устремиться в полёт, туда – куда уже давно рвалось её сердце. Она искренне улыбнулась, каждая частичка её существа наполнилась светом и сияла, переливаясь в рассветных лучах. Ей было хорошо, и если бы её кто-нибудь увидел в эту минуту, то он даже и не подумал бы, что такому прекрасному и сияющему созданию можно причинить хоть малейший вред. Девушка танцевала вместе с миром, повинаясь движениям ветра и ухватывая первые лучики солнца. Её чёрные волосы растрепались и кружились следом за ней, переливаясь каштановыми искрами в золотом дожде, наполнившим небо. Прекрасная и невозможная, такой она бывала в мгновения, когда земные оковы утрачивали свою власть над ней и отпускали туда, где её мир расширялся до границ Беспредельности и уходил в далёкие земли, ещё не ведомые ни одному живому существу.

Но оказалось, не одна Лиана встречала это утро у тёмных стен цитадели дома Гемблет. Чёрный конь вышагивал первым, ведомый всадником, укрытым чёрно-серебристым плащом. Капюшон его был отброшен, и он также вдыхал морозный воздух, пытаясь вместить в себя всю силу и величие этого утра. Этот ветер был ему родным. Ещё там, в далёких землях северные ветра воспитали его, научив быть тем, кем он стал спустя годы, и юноша ни в коем случае не смел пренебрегать старыми друзьями. Следом за ним медленной походкой шагал белый конь, поддерживаемый под уздцы светловолосым всадником, чьи длинные волосы были нещадно запутаны ветром, а бело-голубой плащ напоминал паруса, грозящие уплыть в далёкие миры или страны на желтовато-зелёном море степной травы.

Трое будущих Королей воинских семей, крещёные северным ветром. Сегодня их пути вновь расходятся, и кто знает, сведут ли Нити времени их ещё раз. Лиана знала одно, эта встреча не была случайна. Ими был создан союз, которого Амбэральские земли не ведали несколько сотен лет, союз истинных посвящённых, идущих по воле силы и следующих зову своей судьбы.

- Вы уже уезжаете? – спокойно спросила она, кивком поприветствовав. Оба амбэральца поприветствовали её в ответ.

- К сожалению, да. Боюсь наш путь ещё далёк, и если мы не выедем пораньше, то затемно не сумеем добраться до границ Голубых лесов, – спокойно ответил Ерардэр, но в его глазах она увидела то, что он не способен был озвучить. Его тянуло туда. Неведомая сила не давала ему передохнуть и гнала в путь, чтобы скорее достичь того, о чём он сам ещё даже не ведал. Его сердце рвалось вперёд, и он добровольно подчинялся ему, беспрекословно доверяя его воле. Абриэль тоже был полон воодушевления. Волшебное утро взбодрило его, придав сил для новой дороги, и он улыбался солнцу, такому же яркому, как и во владениях светлых Мюриэле. Их путь летел вперёд, и ничто не сможет задержать их здесь. Она понимала это, как и чувствовала волю силы, ведущую их, но сама она не могла последовать за ними.

Словно почувствовав её настроение, Ерардэр бросил на неё обеспокоенный взгляд, что-то промелькнуло в его глазах, чему она не могла найти объяснения. В тот миг он увидел то, что тёмным полотном закрыло всю торжественность этого утра. Он вглядывался в пустоту, пытаясь прийти в себя и оценить свои ощущения, но не мог. Клубок странных эмоций заставил его остановиться и резко обернуться к Королеве Гемблет.

- Быть может вам стоит отправиться с нами? – неожиданно проговорил он, но голос был твёрд, а взгляд не ведал сомнений. Сейчас Ерардэр словно не был собой, нечто иное пробу-

дилось в нём на мгновение, что-то, что он даже пока не способен был отследить, не то что почувствовать или осознать.

Лиана и Абриэль вздрогнули, слишком неожиданным и необъяснимым было подобное заявление, но Морзано продолжал молчать, ожидая ответа.

- Боюсь, что я не могу этого позволить, – грустно улыбнулась она, – мой дом ещё не готов остаться без главы дома на столь длительный срок. Но я прошу вас передать от меня приветствие и поклон правящей семье Иль-де-Нарса с заверением, что в скором времени я обязательно прибуду к ним, чтобы вернуть и возродить истинные ценности своего дома.

Ерардэр только кивнул, принимая её ответ, но глаза его по-прежнему оставались глубокими, словно сама сила сейчас смотрела на них, видя все причины и исходы этой непростой игры. Фигуры были расставлены, и партия была готова вот-вот пустить в ход всё, что имелось в её распоряжении. Ещё один узел Нитей судьбы был затянут и каждый из них вступил на свою, может пока ещё неведомую им тропу, ведущую каждого к своей судьбе.

- Благодарим вас за гостеприимство, Руан Гемблет, надеемся в скором времени снова увидеться с вами. Да сбережёт этот мир ваш дом, – произнёс Ерардэр, а следом и Абриэль выразил свою благодарность и пожелал удачи на нелёгком пути судьбы.

- Благодарю и вас, Руан Морзано, Милрен Мюриэле, за честь и доверие, оказанные моей семье. А также за веру в то, что внешний круг Амбэралы ещё способен вернуть прежнее сияние, – Лиана говорила, и каждый из них понимал, какая тяжесть ложилась им на плечи. Если они смогут замкнуть внешний круг, тогда у Амбэралы будет шанс на возрождение, в противном случае судьба королевства останется неизвестной. – Всегда буду рада видеть вас в своём доме, – закончила она, церемониально склонив голову.

Морзано и Мюриэле также ответили ей приглашением и кивком, после чего все клятвы были произнесены, и двое вскочили на коней, чтобы во весь опор помчаться к рассвету, к своей цели, к своей истинной судьбе.

А Лиана смотрела им вслед, тая в рассветных лучах солнца, и ощущала глубокую пустоту, словно весь мир медленно уплывал из её обители, оставляя в холоде и суровости нескончаемых будней Великой Королевы Гемблет. Но это был её выбор, её путь, путь служения своей семье. Она ещё успеет увидеть земли Голубых лесов и неоспоримое величие Кер-носе-Мане. У неё будет шанс принять истинную силу её дома и стать мудрее, чтобы научиться видеть пока недоступные ей игры судьбы. Она сможет, она сумеет, впереди у неё целая жизнь, пока дом Гемблет хранит её, также как она бережёт и защищает его.

Посмотрев в последний раз вслед уже исчезнувшим всадникам, девушка направилась в замок, и с каждым мгновением к ней возвращалась свойственные ей стать и величие, шаг становился твёрдым и уверенным, а взгляд спокойным и непоколебимым. Само создание утра уступало место могущественной Королеве, воля которой способна сокрушать бури и возрождать сердца. Чьё право уже давно беспрецедентно, и вряд ли кто-нибудь посмеет усомниться в ней. Королева, истинная Королева, прекраснейшая из восточного воинского дома, расцвет алого знамени, возрождение истинной магии, спавший многие десятилетия, и теперь искрящейся в каждом её движении. Воительница, алая принцесса, Лиана Беатриче Гемблет. Лиана, просто Лиана...

Глава 4. Вьенесс

Блики света играли в мерцающих кристалликах воды, выпуская на свободу переливающиеся частицы радуги, скользкие по тёмным, мясистым листьям, стекая в сердцевину куста. Как же хрупок порой этот мир, и сколько же чудесного и волшебного содержится в каждой его крупинке. Сколько тайн может быть скрыто лишь в маленькой жемчужинке росы, собравшей в себя все возможные цвета радуги. Этот мир бесконечен, бесконечно прекрасен, и насколько же прекрасен путь следования по нему, встречая множество неожиданных, едва заметных, но безумно прекрасных вещей. Мимо пролетела лимонная стрекоза. Такая большая, что для приземления такой красавицы потребовался бы большой садовый цветок, с пышным бутоном, но она летела туда, куда вела её сама природа, в далёкие земли, вслед уходящей зиме.

Когда светлеет небо, действительно хочется жить. Когда понимаешь, что Нити судьбы сплетаются по воле мира, мысли успокаиваются и прекращается бег жизни, изматывающий наши души. Когда сердце открывается миру, ты знаешь, что всё ещё будет, в свой миг, в своё время, но обязательно будет. Нити судьбы, едва заметные и ощутимые, звенят в пространстве, выхватывая мгновение, словно трепещут от осознания, что всё уже близко, и вот-вот наступит то, что предрекалось многие годы. Осталось лишь немного, и в этом немного, кажется, кроется целая вечность. Дыхание замедляется, и каждым вздохом ты словно отмеряешь секунду, выхватываешь мгновение у судьбы, заставляя ещё больше приблизить срок, обещанный временем.

Нет, ожидание даётся нелегко. Невольно под призраками мира ты порой опускаешь взгляд, стыдясь своего ожидания, и всеми силами гонишь от себя сомнение. Ведь ты видела свой путь, неужели ты не веришь даже себе? Слезы судьбы лишь песня сердца, так всегда говорил Мастер, ода к тому, чему предначертано сбыться. Прими всё то, что не в силах изменить, учись изменять то, что ты способна исправить и различать Нити этих путей. И она принимала, спокойным взглядом наблюдая этот мир, зная, что наступит время, когда она наконец-то поймёт, к чему всё то, что было даровано ей этим миром. Ничто не даётся просто так. Каждая вспышка силы подразумевает испытание равное ей, и неважно насколько пламенна твоя душа, ты всё равно пройдёшь по пределу своих способностей, чтобы удержаться на плаву, чтобы выжить, чтобы справиться с тем, что тебе уготовил этот мир. Таков путь каждого. Вне зависимости от ранга и доблести, все мы идём в одном направлении, разными дорогами, разными событиями, разными испытаниями и победами, но мы знаем куда идти, туда, куда ведёт наше сердце.

Так учили заветы народа Голубых лесов, и она привыкла следовать им, будучи неотделимой частью этого мира. Спящая Корона, скрытая истина. Она знала, что эти мгновения – последние осколки её прежней жизни. Миг перемен приближался, лес, как и Нити, чувствовал его, шелестом предупреждая свою воспитанницу и прося её замедлить приближающийся рок. Но она уже ждала, вместо замирания драгоценных минут, она всем сердцем рвалась вперёд, туда, где её уже ждали...

Степные пейзажи давно уже остались лишь в памяти путников, залитые солнцем просторы сменились редким лесом, а вскоре уступили место и тёмным синеватым зарослям, порой полностью скрывающим солнечный свет. Голубые леса издревле считались необычным местом. Самый опытный путник мог запросто заблудиться в них, если полагался лишь на память и логику. В такие леса не ходили по одному, тем более не ходили те, кому чужды были законы силы, и кто так и не научился слушать этот мир.

Абриэль и Ерардэр уже несколько часов блуждали в этой чаще, пытаясь найти хотя бы отголосок Кер-носе-Мане или кого-нибудь из Иль-де-Нарса, но вокруг были лишь деревья, и

изредка появляющиеся маленькие зверки, осторожно следящие за ними из-за листьев. Мюриэле уже отчаялся, поиски в подобном месте были за гранью его возможностей, скорее уж их найдут местные жители, нежели им удастся выйти хотя бы на какую-нибудь дорогу. Ерардэр же усиленно пытался найти узел, про который рассказывал ему Фернадесс. После бури силы, возникшей при ритуале в замке Гемблет, он был уверен, что сможет нащупать Нити и найти источник, но всё оказалось не так просто. Лес словно жил силой, магия природы струилась в каждом уголке, в каждом камешке, каждом листочке. Узлов было настолько много, что Морзано никак не мог сконцентрироваться и найти самый крупный из них. А тем временем солнце уже двигалось к закату, всеми силами пытаясь удержать ночь и дать путникам ещё немного времени на поиски. К сожалению, его сил оказалось недостаточно, чтобы помочь им, и вскоре небосвод утонул в тёмно-синем океане, усеянном множеством звёзд.

Звёзды. Каждая из них завораживала и заставляла невольно замереть, вглядываясь в глубину неба. Словно посланники Вечности они сияли им, протягивая тонкие светлые лучики, как бы зовя за собой туда, где всё обретает смысл, где самые незначительные явления сотрясают вселенную, а грозный набатный бой почти не слышен. В такие часы они приоткрывали завесу своего мира, и воздух вокруг наполнялся чем-то волшебным, снимающим иллюзию и открывающим истинный вид всего сущего. Именно в такие ночи велись разговоры, радикально меняющие судьбы, открывались неизведанные просторы и приходили небывалые мысли. Это ночь творения, творения чистейшего потока силы, полотном окутывающего всё мироздание. И каждая крупинка отзывалась, как отзывались и сердца молодых амбэральцев. Исчезло беспокойство и раздражение от бессмысленности усилий, оставляя лишь огромное ощущение беспредельности и спокойствия, словно они окунулись в небо и медленно плыли по его глади, не думая ни о чём, кроме этих звёзд, являющих собой самое сердце мироздания.

Ерардэр уже начал дремать, когда тишину нарушил едва различимый звук. Чуть слышимый шорох, почти сливающийся с шелестом ночного леса, медленно продвигался по краю опушки. Не было слышно ни дыхания, ни колебаний движения; даже его сила не ощущала никакого вторжения, только лёгкое ощущение тепла, и необъяснимое спокойствие. Ведомый своим чутьём, он медленно повернул голову, стараясь разглядеть источник звука, но ночь была настолько тёмной, что ему удалось поймать взглядом лишь неясную фигуру, замершую на краю поляны. Она не пряталась и не таилась, только стояла недалеко от них, словно рассматривая. Для Ерардэра не осталось секретом, что их гость заметил его пробуждение и начал медленно подниматься, не сводя взгляд с незнакомца. Каждое мгновение было пропитано таким напряжением, что одно неосторожное движение и пламя битвы сметёт их с этого света. Морзано не знал, есть ли у этого человека оружие, но рука невольно потянулась к родовому мечу. Вспышка света меча в руках главы дома на секунду осветила поляну, и единственное, что зацепило его взгляд были два странных клинка, ярко отразившие свет. Не мешкая ни секунды, он вскочил на ноги и воткнул меч в землю, вызывая на помощь силы своего дома, как раз в тот миг, когда незнакомец, проделав какие-то манипуляции, скрестил клинки, посылая удар. Два пламени серебристо-голубое и тёмно-синее столкнулись в центре поляны, словно буря, разметая всё вокруг. От колебаний силы проснулся Абриэль, не понимая, что происходит вокруг него. А Ерардэр замер, от удивления не способный даже пошевелиться. Сила его клинка была оставлена, сила родовой регалии Морзано в руках законного Короля была отражена, это казалось невозможным! Его противник не уступал ему ни в чём, а возможно даже и превосходил. Вспышка силы начала рассеиваться, и когда пронзительный свет ушёл, в оставшихся огнях он смог, наконец, разглядеть своего оппонента. Девушка... Нет, точно девушка, в тёмно-зелёном плаще, доходящим до щиколоток. Лицо её было скрыто длинным шарфом, но глаза были видны, и, в оставшихся отблесках, казались чёрными. Они продолжали стоять, подозрительно оглядывая друг друга, не смея пошевелиться. Взгляд незнакомки упал на старинный меч, и в глазах появилось понимание. Не говоря ни слова, она посмотрела в глаза Ерардэру и склонила

голову в ритуальном кивке, не отрывая глаз от молчаливого собеседника. Не зная, что делать, Морзано также склонил голову в ответ. В конце концов, если ей известны ритуальные знаки Великих Домов, она может оказаться связанной с Иль-де-Нарса.

Незнакомка, тем временем, бросила взгляд на Абриэля, стоящего поодаль. Отсутствие каких-либо объяснений и слов настораживало, но их противник больше не рвался в бой, и пока она отвлеклась на Мюриэля, Еرارдэр успел внимательно рассмотреть её оружие. Ничего подобного в Амбэрале он никогда не видел. Странная конструкция величиной не более полутора метров напоминала палку, узорчато заострённую с двух концов. Между двумя лезвиями имелаась рукоять, однако она казалась настолько неудобной, что сложно было даже предположить, каким образом можно было использовать её в бою. Металл отливал синевой, что означало оружие силы. Нет, это не обычный клинок, но и не регалия, тогда что же это?

Девушка, тем временем, снова повернулась к нему и жестами попросила следовать за ней, указав, что вещи можно оставить здесь. Абриэль на мгновение замешкался, подозревая ловушку, но Еرارдэр не задумался ни на секунду, шагнув в чащу чёрных лесов, и Мюриэлю ничего не оставалось как следовать за ними. Позже Морзано сам удивлялся своему поступку. От природы недоверчивый и осторожный, тут он вопреки своим привычкам, отправился с абсолютно незнакомым человеком, взяв с собой лишь регалию семьи, при этом находясь не в самом безопасном месте. Абриэль же был просто напуган, но по привычке доверился другу, на всякий случай постаравшись оставить знак на том месте, где они остановились.

Зайдя в чащу, Еرارдэр, к собственному удивлению, понял, что может видеть. Темнота, присутствовавшая на поляне, отступила, делая окружающие предметы чёткими и ясными. И Морзано понял, что это одна из загадок Голубых лесов: лишь в полном мраке здесь становились зрячими. Не обращая на них внимания, девушка сделала лёгкое движение рукой и ветер унёс едва слышный шёпот незнакомого ему слова. Но от этого едва заметного звука хлынул мощный поток силы, такой, что даже Абриэль вздрогнул на мгновение. Задержавшись на секунду, и прошелестев соседними листьями, поток скрылся в темноте, оставляя за собой лишь свет искр и лёгкое ощущение токов. Не говоря ни слова, их проводник последовала по пути этих токов, а странникам ничего не оставалось, как последовать за ней. Пейзаж постепенно начал меняться, сквозь густые заросли, встретившие их в начале леса, стало проглядывать звёздное небо, делая путевые искры ещё более яркими. В этих местах лес не казался таким уж отчуждённым, скорее грустным и задумчивым. Звучание Вечности затопило эту местность, заставляя ощущать что-то великое и неоспоримое, что-то естественное как сама жизнь, и, в то же время, идущее своей, никому не ведомой дорогой. Деревья становились редки, но шаг их проводника замедлялся, словно она сама опасалась приближаться к тому, что ждало их впереди. Еرارдэр тоже резко ощутил перемены пространства, но также почувствовал ещё кое-что. Внутри появилось странное ощущение присутствия чего-то, что стало неотъемлемой его частью, но, в то же время, являлось отдельным существом. Он никогда не отдавал себе отчёта в этих ощущениях, пока эта атмосфера не сделала невозможным игнорирование этих чувств. Эта неведомая часть по каким-то лишь ей известным причинам знала, куда ведёт их путь, но, обладая только языком ощущений, не могла ответить. Морзано оставалось лишь успокаивать себя тем, что нерястных чувств он не испытывает, а значит, это очередной виток его пути, к которому он так стремится.

Абриэль отнюдь не разделял ощущение Еرارдэра. С каждым шагом его чувствительность всё больше и больше улавливала ноты, которых здесь просто не могло быть. Несмотря на положение наследника он знал, как звучат регалии домов, знал, какой отзвук дают семейные кинжалы и янтарный стол, но это что-то суммарно превосходило всё вместе взятое. Мюриэле чувствовал себя ничтожеством по сравнению с этой древнейшей силой, и опасался, что встреча может закончиться их концом, причём, наверняка не самым приятным. Даже дышать рядом с такой мощью становилось тяжелее, словно воздух уплотнялся и не желал проходить в лёгкие. С трудом переводя дух, Абриэль продолжал идти, надеясь, что в случае необходимости

им удастся быстро сбежать в лес и найти путь к поляне, хотя вероятность этого была просто ничтожной.

Наконец, последние заросли синих дубов расступились, и путники увидели небольшой дом, прячущийся между деревьями. Но не дом привлёк их внимание, а человек, сидящий на его крыльце. От одного его вида путников бросило в дрожь, а от ощущения его силы охватила паника. Сила этого мира жила вокруг него, уплотняясь до состояния камня; он напоминал скалу, или старинный замок, непобедимый и неприступный.

Девушка на мгновение остановилась, словно обдумывая, стоит ли всё-таки подходить, но, промешкав, всё же шагнула вперёд, снимая с головы шарф. В ту же секунду могучая сила всколыхнулась, и вокруг них вспыхнули синие яркие огни, освещая лица присутствующих.

Их проводник оказался совсем ещё юной девушкой примерно их возраста, высокого роста и крепкого телосложения. Как только шарф исчез, длинные прямые чёрные волосы потопом хлынули на спину, закрывая от путников её лицо. Вся фигура излучала силу и властность, но рядом с ожидавшим их человеком она казалась разве что несмышлёным ребёнком, впрочем, как и они сами.

- А теперь объясни мне, девочка, почему я был разбужен в столь поздний час, да ещё и ветряным посланием, – громыхнул низкий оглушающий голос, и только в этот момент все присутствующие отважились поднять глаза. Это был мужчина очень высокого роста, на несколько локтей превосходя от природы высокого Абриэля. Вся фигура мужчины действительно напоминала скалу, обдуваемую ветрами времени. Седая борода была аккуратно подстрижена, а длинные волосы собраны в странный хвост, не видимый путниками ни в одной стране, где бы им ни приходилось бывать. Он был перевязан в несколько узлов и, возможно, служил проводником для какой-то особой силы. Но самое примечательное, что было в этом человеке, это глаза. Ни у одного, даже самого старого жителя их мира им не доводилось видеть таких глаз. Настолько глубоких, умудрённых и уставших, словно живущих уже не одну эпоху и с болью смотрящих на то, что происходит вокруг. От его взгляда невозможно было отвернуться или воспротивиться ему. Оцепенение тут же сковывало, лишая воли, покоряясь перед более могучей силой, покровительствующей и принимающей.

Наконец, девушка смогла подавить внутреннюю дрожь и заговорила. Голос её был, словно скольжение воды по поверхности стекла, спокойный и сдержанный, но тем не менее срывающийся на дрожь от внутреннего напряжения.

- Я нашла их у границ леса, у одного из них клинок, напоминающий регалию. Я решила убедиться, что это действительно то, что я думаю.

Человек ещё раз внимательно посмотрел на неё и недовольно продолжил.

- Неужели у Спящей Короны недостаточно сил, чтобы определить, подлинный это клинок или нет. Насколько я знаю, твой народ ещё в состоянии улавливать такие значимые вещи.

- Я уловила, – возмутилась было она, но в данной ситуации этот отклик прозвучал совершенно по-детски, и Ерардэр невольно посочувствовал девушке. Разговаривать с этим человеком было воистину сложно, и сам он мысленно радовался, что стоит чуть поодаль и не участвует в беседе. Тем временем их проводник продолжила, – я точно уловила что-то похожее на Лит-эс-этте и Иль-де-Нарса в его истинном виде. Но я должна была убедиться, прежде чем предпринимать какие-либо действия. В конце концов, уже несколько эр никто из Амбэралы не рисковал наведываться сюда. – Высокий мужчина задумался, бросив взгляд на застывших за её спиной и тут же вздрогнувших путешественников, – пожалуйста, Мастер, – чуть слышно произнесла она, опустив глаза.

Названный Мастером снова взглянул на девушку и тут же резко перевёл взгляд на Ерардэра, от чего тот внутренне вздрогнул, еле сдержавшись, чтобы не вскрикнуть.

- Юный Морзано, я полагаю, – с лёгкой насмешкой проговорил он, на что молодой Король смог только дёрнуть головой, изобразив кивок, – ясно, – казалось Мастер что-то оценивает, – хорошо, дай мне меч.

После этих слов Еرارдэра и Абриэль затопила паника. Как можно было отдать клинок, родовой меч в руки чужому человеку, ко торый не является ни главой дома, ни наместником! Да первое же прикосновение убьёт того, кто тронет регалию не по праву! И теперь этот странный человек просит дать ему меч, доставшийся Еرارдэру такой высокой ценой?! Морзано уже был готов вскочить и броситься бежать отсюда так далеко, насколько хватит сил, но неожиданное, необъяснимое чувство резко охватило его, останавливая. Та другая часть, не дававшая ему покоя всю дорогу до этого места, отозвалась сильным теплом и мольбой, словно просила сделать что-то для неё, что-то что он действительно мог дать. Эмоциональная просьба была настолько сильной, что Еرارдэр наконец-то смог отделить её от себя, и к своему удивлению, понял, что это... его меч! Клинок был разумен и сам просился в руки этого человека. От осознания происходящего у Морзано помутилось понимание реальности. Весь мир стал неизвестным и чужим, словно его бросили в незнакомые воды и велели плыть. Но как выплыть из этой ситуации Еرارдэр совершенно не понимал. Повинуясь воле своей регалии, он вынул меч из ножен и протянул Мастеру, с интересом и ужасом ожидая, что будет дальше. И только когда тяжёлые ладони играючи схватили и подняли клинок вверх, Морзано почувствовал правильность всего происходящего. Он ещё не знал, но чувствовал, что у этого человека есть право на этот меч, возможно даже больше чем у кого-либо, и сам Еرارдэр просто не мог поступить иначе.

Мастер с любопытством взял клинок, покрутил его из стороны в сторону, наблюдая за игрой света, потом, в чём-то убедившись для себя, взял меч за рукоять и ласково погладил лезвие.

- Ну здравствуй, Мorte-зин-Ано.

- Мorte-зин-Ано, – эхом отдалось в голове Еرارдэра имя этого меча.

- Да, это он, – обратился Мастер к девушке, – причём полученный по праву, а значит, у его текущего владельца были причины прийти сюда.

- Но как? – невольно выдал Еرارдэр, тут же испугавшись своей оплошности.

Мастер угрюмо посмотрел на него и ответил:

- Он мне сказал, – указывая на клинок, – я могу понимать его речь, в то время как вам доступны только его чувства. Право создателя соединений миров обязывает слышать свои творения.

- Творения?! – теперь не выдержал Абриэль, происходящее переворачивало всё его представление о мире. Неужели клинки Великих Домов создал один человек, к тому же до сих пор живущий в здравии и спокойствии? Сотни эр... это просто нереально!

- Да, творения, – сдержавшись ответил Мастер, буравя взглядом Абриэля, – которые являются самостоятельным существом, вызвавшимся защищать вас, олухов, и принявших форму с моей помощью. И тебе, будущему наследнику, который получит Мира-иле-Эль, следует это знать.

- Мира-иле-Эль, – чуть слышно прошептал Абриэль, и словно в ответ на его шёпот всплыл светлый отцовский меч. Меч, который предстояло получить ему.

В голове обоих амбэральцев крутилось множество вопросов, но ни один не решался озвучить их, разрываемые между страхом и любопытством.

Мастер, словно прочитав их вопросы усмехнулся.

- Судя по вам, Амбэрала вконец забыла своё наследие, если вы даже не знаете, что означает тройное имя ваших мечей. Или вы думали, что только Иль-де-Нарса решили назвать себя так.

В последний раз глянув на всех присутствующих он развернулся и направился к дому, на ходу бросив девушке.

- Пусть Вериус объяснит им всё, у меня нет на это времени. И больше не смей беспокоить меня по таким пустякам, а то в следующий раз буду испытывать Белтенером, – и, замолчав, скрылся в своём доме, громко хлопнув дверью.

Все трое с облегчением перевели дух. После такого общения каждому хотелось опуститься на траву и не двигаться долгое время, пока беспокойство не увяжется вместе со скачущими волнами силы, оставленными Великим творцом.

- Что такое Белтенер? – глухо спросил Абриэль.

- Его собственное оружие, – чуть слышно ответила девушка. – Никто не знает его полной силы, как и немногим доводилось видеть его, – выдохнула и, кивнув своим мыслям, она наконец-то развернулась к ним.

У неё была бледная кожа, в синем сиянии искр отливающая голубоватым оттенком, ровные черты, прямой нос и большие чёрные глаза, смотрящие на них с неподдельной серьёзностью и облегчением. Очевидно, разговор с Мастером непросто дался и ей самой. Однако взяв себя в руки, она отбросила усталость, взгляд её сделался строгим и уверенным.

- Прошу прощения за столь странный приём, но мы должны обезопасить себя, поскольку долгие годы никто из Амбэралы не посещал эти земли. Я Вьенесс Инниан Иль-де-Нарса, Спящая Корона дома, – проговорила она, кивнув в церемониальной манере, привычной амбэральцам.

Ерардэр и Абриэль машинально кивнули в ответ, прокручивая в голове, что оба совершенно не представляют, что несёт под собой звание «Спящая Корона».

- Мне необходимо проводить вас в Мир-оре-Арсе, ваши вещи и лошадей доставят туда же, – продолжила Вьенесс, на мгновение снова сделав пасс ветру, очевидно отправив ещё одно послание. А сейчас прошу за мной.

Девушка двинулась мимо них обратно в заросли леса и друзья, переглянувшись, последовали за ней. Амбэральцы уже перестали понимать всё происходящее и только надеялись, что там, куда они идут, они смогут получить ответы на все столь неожиданно возникшие вопросы.

Дорога была извилистая, периодически им приходилось ускорять шаг, чтобы успевать за резвой девушкой, выросшей в этих землях, и оттого легко петляющей между деревьями. Наконец, на тёмном небе стали появляться первые отблески света, и ещё голубоватые солнечные лучи начали отвоёвывать своё право, возвещая о начале дня. Спустя несколько минут они вышли на опушку, где укутанный золотым сиянием утреннего солнца стоял город в лесах, легендарная твердыня и столица – Мир-оре-Арсе, сердце страны Голубых лесов.

Девушка остановилась и обернулась. Впервые за всё это время на её лице сияла мягкая и искренняя улыбка, так что Ерардэр на секунду замер, не в силах оторвать взгляд от неё. Что-то свободное, лёгкое, и в то же время глубокое и вечное было в её глазах, словно сама страна Голубых лесов отражалась там.

- Добро пожаловать в Иль-де-Нарса, – обернувшись, произнесла Вьенесс, и, подарив им ещё одну улыбку, повела их дальше в тот мир, который им ещё только предстояло узнать.

Мир-оре-Арсе явно не был похож ни на один из видимых путниками городов и цитаделей. В отличие от большинства Амбэральских селений, находившихся на пустынных равнинах, зачастую опоясывающих один из родовых замков, столица Иль-де-Нарса словно вырастала из леса, оплетая его своими ветвями и являясь непосредственной частью этого круга жизни. Каждая мелочь была здесь в созвучии с окружающей средой и отвечала на звук, цвет и зов всего сущего. Дома словно вырастали из голубых дубов, плетёные изгороди были увиты цветами, а белые стены прятались под плетистыми ветвями винного полоза, чьи листья казались багряными в утреннем свете солнца. Сверху из-за крон деревьев, город казался небольшим,

но стоило им спуститься вниз со скалы, как перед ними передстало огромное селение, конца которому не было видно. Деревья в этих местах росли реже, словно специально оставляя место для людей, проживающих здесь. В отличие от Амбэралы, воздух столицы здесь был наполнен тишиной и гармонией, не сравнимой с шумом и суетой Амбэрал-Юранде. Ерардэру даже на мгновение показалось, что он очутился в пустынных лесах Морзановского севера, а не в огромной столице ещё одного Великого Дома. Утро спокойно накрывало тёплыми волнами город, меняя краски пейзажа, пробуждая жителей, и в этом рассветном часу город действительно расцветал. Множество цветов открывали свои бутоны и тянулись ввысь, к солнцу, одевая строения и суровые дубы в яркий наряд и наполняя лёгким пряным ароматом всю округу. Трое шли по пустынным улицам, и амбэральцы видели, как жители города только начинают подниматься, неспешно выходят из своих жилищ и улыбаясь приветствуют солнце. Они были одеты в лёгкие длинные одежды, которые скорее всего предназначались для сна или домашнего обихода, но никак не для прогулок по улицам. Тем не менее всё больше и больше людей покидало свои дома. Они приветствовали друг друга, смотрели на солнце, о чём-то тихо переговаривались и смеялись. Дети бегали друг за другом, заливисто смеясь, а старшие только улыбались, глядя на них. Молодые амбэральцы не переставали удивляться тому, что же сподвигло так много людей выйти из дома в столь ранний час, да и ещё в таком светлом расположении духа. Для многих в Амбэрале утро было мучительным временем, когда тебя вырывали из приятной дрёмы сна, чтобы снова окунуть в суровые будни жизни. Очевидно, для этих людей подобное не было в тягость, и они с радостью приветствовали друг друга странными словами.

- Радуйся свету, – кивнула кому-то из них проводник, на что получила такой же ответ и улыбку. Они продолжали пробираться сквозь толпу, пока людей не стало настолько много, что они вынуждены были остановиться у стен высокого белокаменного здания, рядом с плетённой изгородью, усыпанной мелкими белыми цветами, наполняющими воздух лёгким кисло-сладким ароматом свежести и тепла.

Наконец, их проводник остановилась и обернулась к ним.

- Вам придётся подождать здесь немного, пока приветствие не окончится и все не разойдутся.

- Но что это такое, – съедаемый любопытством спросил Абриэль. Всё здесь для него было настолько незнакомо, настолько выходило за рамки его привычного восприятия, что он еле сдерживался, чтобы не закидать девушку вопросами об этом месте и его жителях.

- Это утреннее приветствие солнцу, – улыбнулась девушка, – каждое утро жители Иль-де-Нарса выходят из домов, чтобы поприветствовать Великого Огненного и набраться силы для нового дня. Впрочем, – лукаво улыбнулась она, – сейчас вы все увидите.

Сказав это, Вьенесс отвернулась и двинулась к собравшимся на улицах. Её тёмные одежды сильно выделялись на нежном и светлом фоне одеяний других жителей города, но никто даже не обратил на это внимание. Стоящие рядом с ней поприветствовали её теми же словами, что она говорила ранее, получив соответствующий ответ. Абриэль начинал чувствовать себя глупо, словно бельмо на глазу они были единственные в этом городе, кто не понимал и не разделял всего происходящего. Подобные чувства одолевали и Ерардэра, но к этому ещё примешивалось чувство предвкушения, словно что-то незримо прекрасное скоро расцветёт перед их глазами, открыв им ещё одну сторону великолепия этого мира.

Вдруг словно по команде, что-то изменилось, разговоры прекратились, и все стоящие на улице повернулись лицом к солнцу. Город замер, не было слышно ни звука, и амбэральцам казалось, что лишь их собственное дыхание нарушает возникшую тишину. Мгновение, вдох, первое, второе... и лёгкий шелест деревьев отозвался, оживляя представшую перед ними картину. В тот же миг мир наполнился звуками: шелестом листвы, стрекотанием насекомых, журчанием воды, сплетающимися вместе в нежную и красивую мелодию, накрывающую долину. Услышав первые же аккорды этой необычной музыки, жители Иль-де-Нарса запели. Мелодия

была мягкая и очень звучная, все голоса сливались в один поток, идеально вписывающийся в звучание окружающего мира и ничуть не перебивая его. Они танцевали, двигаясь медленно, словно единая река, мягкие жесты рук сопровождалась неспешными шагами сливаясь в невероятное великолепие. Пение не прекращалось ни на секунду. Слова песни не были понятны Амбэральцам, этот язык давно уже забыт в землях двенадцати королевств, но в этих местах он ещё жил, и продолжал творить одним лишь словом истинное лицо этого мира. Оба юноши не понимали слов, но их сердца улавливали саму суть этой песни, отвечая на неё всем своим существом. Оба едва устояли на месте, удерживая себя от желания присоединиться к танцующим. Это была песня о красоте, о мире, окружающем их всех, о радости и о глубоком чувстве, пронизывающем каждый уголок этого мира. Они слушали, и не могли насладиться этим даром, открытым для них неизвестными им людьми, в то же мгновение ставшими для них братьями на нелёгком пути этого мира. Наконец, песня начала затухать, а танцующие замедлять свои движения, останавливая возникшие вихри силы, пока все не поклонились Великому Огненному и не получили яркую вспышку в ответ.

Всё снова замерло, и кажется, что двое воинов забыли, как дышать, наблюдая это великолепие, сохранив в себе частичку только что свершившегося чуда, пока все жители расходились по домам, мягко улыбаясь и сияя истинно солнечным светом.

Их проводник вернулась к ним, и, увидев изумление на лицах амбэральцев, чуть улыбнулась. Скорее всего, происходящее до сих пор вызывало у гостей безумное удивление, на что девушка не удержалась от загадочной улыбки, предвещая, что это далеко не единственное, что поразит их в этих местах. Они двинулись дальше по улицам, петляя между цветочных изгородей и деревьев, пока, наконец, не очутились перед высоким зданием, словно отделанным изнутри горным хрусталём, настолько блистательным светом наполнялись все его коридоры, видимые снаружи. Широкая лестница вела в самый крупный из проходов, очевидно, не предполагавшего дверей и опоясанного лишь высокими хрустальными колоннами, также переливающимися в лучах утреннего солнца.

Девушка обернулась и, ещё раз осмотрев их, сказала:

- Поскольку вы с дороги, вам следует отдохнуть перед встречей с советом дома. Я провожу вас в ваши покои, куда были доставлены ваши вещи. Лошади пока направлены в конюшни, поэтому, если они вам потребуются, можете обратиться ко мне или к другим жителям замка. Я найду за вами через три часа, чтобы отвести на совет, а там уже решится то, ради чего вы сюда приехали.

Закончив, она обернулась и, не говоря ни слова, последовала в левую сторону здания, где виднелось множество других хрустальных коридоров меньшего размера. Они зашли в один из них и замерли. Внутри помещение причудливо сочетало уже привычное для гостей каменно-цветочное убранство с хрустальной породой, из которой был сделан дворец. Девушка провела их по коридору, остановившись рядом с несколькими туннелями, вход в которые был прикрыт лёгкой тканью, расшитой множеством серебряных узоров, переливающихся на свету.

- Вот ваши покои на время проживания в Мир-оре-Арсе. Там вы сможете найти всё необходимое. Я вернусь за вами через три часа, пожалуйста, будьте готовы к этому времени.

И снова, не дав им и слова сказать, она отвернулась и скрылась в глубине коридоров.

- Странная девушка, – невольно выдал Абриэль.

- Посмотрим какие странности принесут нам другие жители этого города, – усмехнулся Ерардэр, мысленно прокручивая все действия и поступки новой знакомой. Она была не похожа на амбэральских девушек: довольно необычные манеры и слишком странные поступки. Кто же она здесь? Каково её место в этом загадочном городе. "Спящая Корона," – сказала она, но что это может значить? У него не было ответов, поэтому кивнув Абриэлю, Морзано скрылся в своей комнате, надеясь в отведённые часы успеть привести себя в порядок после долгой дороги.

Войдя в отведённые ему покои, Ерардэр изумлённо замер. Вся комната словно не являлась творением человека, а, как и всё в Иль-де-Нарса, была продолжением природы, властвующей в этом городе. Хрустальные стены комнаты выходили из каменных глыб и кое-где были украшены цветами, наполняющими комнату уже привычным ароматом. Из этих же камней был сделан стол, диван и несколько кресел, с накинутыми на них покрывалами, сделанными настолько искусно, словно они были продолжением мха или камня, но никак не посторонним объектом. Чуть поодаль за естественной ширмой находилось что-то вроде купальни. Вода лилась из источника, бьющего из-за широких листьев незнакомого ему растения и наполняла глубокий бассейн, с противоположной стороны которого имелась импровизированная полка, по-видимому, хранящая множество ракушек с разными маслами, но ими молодой Морзано пока пользоваться не решился. С другой стороны дальнего помещения располагалась спальня и гардеробная. Огромная кровать находилась под живым деревом, скрытая в тени его листвы, все материалы и ткани также были искусно вышиты и оказались безумно мягкими на ощупь. Кроме того, в спальне имелось множество шкафов и полочек, также не выделяющихся на общем фоне.

Устало потянувшись, Ерардэр завалился на кровать, удивившись мягкости похожей на валун перины, и задумчиво посмотрел над собой. В переливах хрустального света листва дерева приобретала серебристый оттенок, а её шум успокаивал и словно призывал погрузиться в глубокий сон. Однако молодой Морзано не мог себе этого позволить, задумчиво анализируя всё, что с ним произошло. Неожиданная встреча, странная битва, разговор с создателем мечей Великих Домов и город, не имеющий ничего общего со столь привычными ему Амбэральскими цитаделями. Всё здесь было иначе, но при этом каждое строение, каждое действие жителей шло словно из самых истоков силы, не обращая внимания на приходящие элементы. Этот мир поражал его, а душа, стремящаяся к своему пути, жаждала ответов и ещё большего понимания всего того, что пока находилось так далёкого от его привычной реальности. Теперь ему ещё больше хотелось познать этот новый мир, хотя бы для того, чтобы понять девушку, так неожиданно доставившую их в Мир-оре-Арсе, пусть и не самым простым путём. Она практически ничего не говорила, но каждый её жест, каждый кивок головы или улыбка имели глубокое значение, и Ерардэру бы очень хотелось научиться понимать эти знаки, недоступные ему сейчас. Спящая Корона... Может, в этих местах эта фраза имеет какой-то смысл. В Амбэрале он никогда не слышал о подобном явлении и даже не предполагал, что оно может значить. Но оно есть и ему не терпелось скорее разгадать эту загадку, чтобы приблизиться к причинам своего пребывания в этом месте.

Окутанный подобными мыслями, Ерардэр быстро вымылся после дороги, и немного понаблюдав за серебристым деревом, стал облачаться в старинный чёрно-серебристый наряд, не тронутый им с момента посвящения в храм. Парадное одеяние Морзано, истинного Морзано, Короля по праву сердца и крови. Пусть он и не понимал до конца значение этой фразы, но сегодня он должен предстать настоящим Королём своего дома, чтобы получить то, ради чего он так долго стремился попасть сюда...

Зайдя в свои покои Абриэль первым делом решил освежиться, после чего лёг отдохнуть, дожидаясь времени, когда надо будет собираться на совет. Всё происходящее до сих пор не укладывалось у него в голове. Привычные границы мира расширились и кое-где треснули из-за такого неожиданного потока непонятных вещей, хлынувших в его сознание. Станный город, создатель мечей Великих Домов, и всё вокруг него вызывало чувство неуверенности, неясности. Этот мир был ему непривычен, но при этом не вызывал негатива. Всё его существо отзывалось на те струны, что достигали его чувств, но он, в силу незнания, опасался сломать одну из них, и поэтому предпочитал просто наблюдать, пока не поймёт те законы, по которым живёт этот загадочный для него мир. Всё было слишком ново, и ему предстояло научиться по-новому

воспринимать окружающую действительность. Всю свою жизнь Абриэль полагал, что его дом, Мюриэле, много веков не знавший падения, сохранил большинство всех тайн, завещанных Великим Домам, но, оказавшись здесь, он понял, что его дом не сохранил ни крупицы того, что представляет собой истинная сила, и ему придётся учиться заново воспринимать всё сущее, чтобы впитать в себя хотя бы отголосок этого величественного явления. И он действительно хотел этого, впервые готовый отбросить сомнения, одолевавшие его всю дорогу по пути сюда. Он должен был здесь появиться. Какие бы испытания ни встретились у него на пути, он должен был оказаться здесь, несмотря ни на что. И теперь он здесь, и все сомнения отступили, открывая душу новому, пока ещё незнакомому ему миру. Ерардэр верил в свой путь, и теперь пришёл его черёд поверить и принять запутанные Нити своей судьбы, зачастую закидывающие его в самые неожиданные уголки этого мира. Абриэль не знал, насколько изменится его жизнь, после того, как он вернётся отсюда. Сохранятся ли прежние связи и прежние отношения, но Мюриэле чувствовал, что всё идёт так, как и должно быть, и он точно не пожалеет ни о чём содеянном.

Посмотрев на солнечный луч, он понял, что пора собираться, и, уже облачившись в белоголубое одеяние, застёгивая воротник, он вдруг поймал себя на мысли, что никогда не видел у Ерардэра такого взгляда, которым он провожал их новую знакомую, представившуюся как Вьенесс...

В обещанный час оба воина стояли у входа в свои покои, ожидая девушку. Глава дома Морзано и наследник дома Мюриэле в полном своём облачении ещё никогда не выглядели такими взволнованными и смущёнными. Все прошлые их выходы в свет казались детской игрой по сравнению с тем, что им предстояло сегодня. Абсолютно незнакомая страна, нет целый мир, неизвестный им, но тем не менее настолько притягательный, что они были просто не в силах закрыться от него. Амбэральцы ничего не знали, и от этого им становилось не по себе. Ожидая встречи с главами этого народа, владеющего всеми тайнами взаимодействия с силой, они чувствовали себя глупыми юнцами, робко просящими о помощи. Какие они Великие Иль-де-Нарсовские владыки? Что ведёт их, откуда черпают они свою мудрость? Кто же такой Вериус Валлет Иль-де-Нарса, нынешний глава королевства Голубых лесов, и дальний родственник дома Истарессов? Мгновения ожидания казались минутами, а дыхание замирало от волнения. Ждать всегда тяжело, особенно перед чем-то важным, когда ты ни в коем случае не можешь позволить себе упасть в грязь лицом, но и сбежать тоже не способен. Пути беспокойства сковывают тебя, не давая вздохнуть, но это не выход. Страх лишь обездвижит тебя, не давая совершить то, что тебе так отчаянно необходимо. Глубокий вдох и пуганные мысли разбегаются, гонимые волей Короля. Сила открывает им путь, а, значит, страх плохой союзник на этом пути.

Звук шагов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.